

Александр Кротов
Чёрно-жёлтая весна

Можно наслаждаться покоем на заслуженной пенсии, да только сын из тюрьмы вернулся — что от него ждать? Можно прилежно выполнять свою работу и не связывать мир людей и параллельную реальность. А если любовь? Можно жить только во имя своей миссии, но куда подевался этот напарник, который также отвечает за равновесие разных миров? Можно успешно вести торговлю между миром людей и Резервным миром. Но что делать, когда в твоё привычное существование врывается какой-то несчастный старик, бешеная девчонка и симпатичная девица с нарушенным благополучием личной жизни? Как не допустить, чтобы какой-нибудь из миров не оказался лишним?

Тому, кто счастье нашёл в этом мире — нечего бояться, и можно идти в другие! (с)

Глава 1

Марк Семёнович Семечкин очень боялся этого дня. Ему было сложно признаться себе, но это было именно так. И самое плохое, что никого не было рядом, чтобы подсказать, дать совет — как ему быть?

Но отказать он не мог, тем более, будучи совсем не уверенным в правильности каких-либо действий. Что он скажет? Ищи другой дом? Ты мне больше не сын?

Но родительские чувства всё-таки есть, если это не пресловутый страх отсутствия человека, подающего стакан воды перед смертью. И Марк Семёнович впустил в свою маленькую квартиру Сергея. Всё-таки сын.

То несчастье произошло шестнадцать лет назад. Вполне благополучная, полноценная, уважаемая в округе семья стала центром надолго неугасимых, едких и липких сплетен. Сергею тогда было двадцать шесть лет, он не был дураком, заостренным разгильдяем или явным ублюдком. Чем-то занимался, как-то крутился, из какого-то одному ему ведомого стройматериала возводил своё будущее... а потом произошло то, что разрушило нормальность мира семьи Семечкиных. Привычные телевизионные криминальные хроники вдруг обрели режущий слух резонанс, несколько дней подряд мусоля происшествие.

И Марк Семёнович смотрел это. Ему было больно и страшно, но он хотел точно знать, что же случилось в то роковое время. А вот его супруга избегала этих телепередач. Она перестала следить за прибывающей яркостью весны, за дешёвыми интригами телесериалов, за цветами на подоконнике... и за собой. Если бы тогда Марк Семёнович знал, насколько ей тяжело, он бы сконцентрировался не на своих эмоциях и чувствах, а помог бы своей жене. Но нет, мужчина замкнулся, не замечая угасания своей второй половинки.

Через два года после того, как их сын совершил двойное убийство, Маргарита Семечкина умерла. Потом Марк Семёнович с дочерью разменяли свою просторную трёхкомнатную квартиру и навсегда потеряли близкую связь друг с другом. Дочери с его внучкой была нужна своя жилплощадь для новой страницы их существования, созданной без бытового участия угрюмого старика. А ему не хотелось им мешать, тем более ничем больше помочь он не мог.

Тогда Марк Семёнович завёл кота, чтобы не было так одиноко в панельной однушке спального района. Ещё у него была любимая работа, на которой он мог отвлекаться от всех своих бед.

А время шло, кот чем-то заболел и умер, с работы отправили на пенсию, хоть и позже положенного срока. Как же быстро подкралась старость, будто бы жизнь после долгого разгона вдруг замерла перед пропастью.

К сожалению мужчины, его осознание прошлого с годами не изменилось. Он прекрасно помнил и кадры криминальной хроники, и суд. И Сергея, который на этом суде говорил, что сильно раскаивается, после чего просил прощения у родственников убитых. Без тени озвученного ранее раскаяния, будто с лёгкой ухмылкой на губах. Марк Семёнович видел, что его сын был вполне спокоен. Спокоен, как обычно, но кто знал, что у него было на душе? В его взгляде не было никаких чувств, он просто говорил то, что ему посоветовал нанятый родителями адвокат.

Марк Семёнович не знал, как Сергей нашёл его адрес — они не писали писем друг другу после похорон матери. И сын не поехал к сестре, они с детства не ладили, он поехал к

отцу. Сергею больше некуда было податься.

Но Марк ждал Сергея на год позже, но, благодаря УДО, сын вышел на свободу в самом конце января. Тогда они и стали жить вместе в одной комнате в двадцать два квадратных метра.

— Бать,пустишь? — сказал Сергей первые слова отцу после долгой разлуки.

Будто более возмужавший, с морщинами, исхудавший. На короткостриженной площадке волос, немного уступившей территорию высокому лбу, едва проявлялись седые мазки кисти времени. И глаза будто выцвели, хоть взгляд не показался злым, но утяжелился.

— Только в квартире не кури, пожалуйста, — попросил Марк Семёнович, чувствуя шлейф горьких сигарет, когда сын переступил порог его жилища.

— Не бойся, бать, — сказал Сергей.

— Чем ты планируешь заниматься? — чуть позже поинтересовался пожилой мужчина у сына.

— Что-нибудь придумаю. Нормально заживём, бать!

Вот этого «что-нибудь придумаю» и «нормально заживём» Марк Семёнович и боялся. Но вдруг его сын сознательно не захочет надолго оставаться на свободе? По телевизору рассказывали о таких, кто действительно живёт по принципу «украл, выпил, в тюрьму».

Никакой агрессии от сына не было, хотя первые дни было особенно тревожно. Тяжёлый взгляд, медленные движения. Недосказанность во всём. Сергей мало ел, много спал, иногда куда-то уходил, а в свободное время смотрел телевизор.

Они практически не общались. И раньше Сергей был немногословным, но теперь эта немногословность вполне соответствовала его угрюмому внешнему виду. Высокий, худощавый. Длинные руки с огромными венами. Марк Семёнович был рад, что на руках сына не было синюшных наколок, но в его сдержанных речах было немало жаргона. Ещё Сергей любил заваривать в литровой банке чифир и иногда очень громко кашлял. Марк Семёнович всегда вздрагивал, когда его сын посреди ночи выходил в ванну и там заходился страшными приступами. Мужчина боялся, что у его сына туберкулёз.

Сергей спал на матрасе, на полу. Лишь когда отец куда-нибудь ненадолго уходил, Сергей мог прилечь на удобную кровать Марка Семёновича, предварительно постелив своё покрывало. Было заметно, что он мучился от болей в спине, но никогда не жаловался на это. Марк Семёнович ничего не говорил сыну: не советовал искать работу или сходить к врачу. Они жили вместе, стеснялись друг друга, но избегали неудобных разговоров.

Конечно, хозяин квартиры чувствовал себя крайне неудобно. Но после нескольких тревожных дней, когда он боялся оставлять квартиру без присмотра, он поймал себя на мысли, что привык. Да и красть стало у него нечего — отложенные деньги он положил на сберкнижку. Тогда и погулять можно было на улице подольше, если позволяла погода. Только чтобы меньше быть дома. Уютность квартиры пропала, как только в ней поселился человек со свинцовым взглядом. Человек, который, по всей видимости, совсем не знает, что делать со своей свободой.

Сергей ни разу не спросил у отца денег. Они у него откуда-то были. Он сам покупал себе продукты. Немного и самые дешёвые. Марк Семёнович пару раз предлагал ему и свою нехитрую пищу, сын не отказывался, но и не наглел.

Через две недели безделья, Сергей, на радость отцу, нашёл работу на овощной базе. Тогда он немного стал помогать в финансовом плане родному человеку, пенсия у которого была совсем неплохой, но и не огромной. Марк Семёнович робко говорил «спасибо» за

каждую тысячу рублей, что ему оставлял сын за своё проживание. Сергей просто отвечал: «не за что, бать».

Прошло два месяца. Нельзя сказать, что для Марка Семёновича это время пролетело незаметно. Но пообвыкнуться он смог, тем более его сын работал по двенадцать часов в режиме два через два, и в его рабочие дни мужчина мог чувствовать себя в своём доме вполне комфортно.

Сергей купил себе диван. Какие-то его новые знакомые помогли затащить предмет мебели в квартиру. Они же помогли сделать гипсокартонную перегородку, разделяющую комнату на две части. Теперь с той стороны, где было окно, жил Сергей. Его отец добровольно выбрал тёмный угол, где осталась его кровать, телевизор, тумбочка, стул и шкаф.

Позже Сергей и себе купил телевизор. А потом привёл домой девушку. Он, конечно, спросил разрешения у отца.

— Бать, это Вика, можно она немного с нами покантуется? — попросил он.

Марк Семёнович кивнул, за что получил очередную тысячу рублей за проживание.

Сергей с Викторией работали вместе по одному графику. Когда они были дома, Марк Семёнович старался лишней раз не выходить из своего закутка, и по ночам делал вид, что не замечает того, чем они занимались за тонкой перегородкой.

Часто Марк Семёнович просыпался очень рано и просто сидел на кровати, боясь разбудить сына и его девушку. Мысли кружились в голове, не цепляясь за настоящее и постоянно возвращаясь к воспоминаниям о далёком прошлом. Но даже самые хорошие воспоминания вызывали грусть. Грусть о безвозвратно ушедшем времени, которому совсем не находилось места в реальности.

Вика не нравилась Марку Семёновичу. Случайно он узнал, что девушке двадцать четыре года, но выглядела она старше своего возраста. Много курила, под глазами виднелись опухлости, именуемые «мешками». Цвет кожи был нездоровый, а улыбка хитрой, как у цыганки. Тёмно-грязные, сальные волосы были всегда неряшливо распущены, и вообще девушка плохо следила за собой. Фигура у неё была, как у пивной полторашки. Она не была толстой, но талия отсутствовала, как элемент конструкции тела — бока выпирали над низко опущенными джинсами, обнажая верхнюю часть трусов-верёвок. Не было в её молодости той лёгкости, которая есть у девушек, на которых Марк Семёнович иногда засматривался, сидя на лавочке около дома или в парке.

Иногда, когда он приходил домой, и у Сергея и Вики были выходные, он чувствовал в квартире запах сигарет. Это Марку Семёновичу не нравилось, как и не нравились их вечерние посиделки с пивом. Ещё к ним иногда приходил какой-то друг. Здоровый, лысый мужик неопределённого возраста. Он громко смеялся и много матерился. И он тоже не нравился Марку Семёновичу.

После подселения в квартиру Вики, Марк Семёнович совсем перестал чувствовать себя в своём доме хозяином. Ещё и проблемы со здоровьем начались. В свои семьдесят он не знал, что является нормой для его самочувствия. Появилась какая-то постоянная усталость, слабость. Нemoшь. Сложно принимать своё состояние, когда осознаёшь, что лучше уже не будет.

Эта нemoшь... разве мог он применить к себе это слово лет сорок пять назад, когда они только-только сыграли с Людмилой свадьбу. Шатен, широкоплечий, рост сто восемьдесят восемь. Но радуется то, что хоть лысина не появилась, а волосы равномерно окрасила ровная

седина. Ноги стали сильно болеть, особенно та, что была когда-то сломана в двух местах после несчастного случая на заводе, где он работал. Появились проблемы с мочевым пузырём. Что-то вроде недержания, но об этом Марк Семёнович даже своему лечащему врачу с сильным стеснением рассказывал. Хуже стало и со слухом: звук есть, а разобрать речь сложновато.

Только память не подводила. Как давно ушедшей ранней весной в криминальной хронике передали: компания молодых людей отмечала выходные на квартире у одного из них, и это закончилось трагедией. Сколько тогда выпил Сергей, Марк Семёнович не знал. На суде он пропустил мимо ушей эту информацию. В общем, случился конфликт. Марк Семёнович помнил ту маленькую кухню, залитую кровью, хотя никогда в ней и не был. Нож крупным планом. Обычный кухонный нож. Почти такой же он спрятал у себя под кроватью в первый день, когда сын поселился у него. В довесок к кадрам был короткий рассказ, как молодой человек из ревности на фоне распития спиртных напитков нанёс около тридцати ножевых ранений своему другу. За потерпевшего вступилась его сестра. Ей он нанёс несколько меньше ударов. Парень скончался сразу, а девушка спустя несколько часов. Другая девушка, к которой у Сергея на тот момент были чувства, смогла сбежать. Сергея поймали вызванные соседями милиционеры. Кадры первого допроса задержанного тоже были в хронике. Мужчина, весь в крови. Мутный, ничего не соображающий взгляд, но твёрдая походка. Руки за спиной, накинутая на плечи чья-то куртка. Двое конвоиров в милицейской форме.

— Вы понимаете, за что вас задержали? — успел спросить тогда репортёр популярной телепередачи «Вечер трудного дня».

— Да, — ответил Сергей.

Тогда, в конце недели, ставшей адом для семейства Семечкиных, этот выпуск повторили. Он был что-то вроде «лучшим репортажем за неделю».

Вот это понимание Сергея того, что он натворил, очень пугало Марка Семёновича. Может быть, стоило предупредить Вику о том, с кем она начала сожительствовать? Но, скорее всего, она была в курсе. Наверное, это такая разновидность любви — любить убийц.

* * *

А где-то на окраине параллельного мира тёмно-золотое небо медленно покрывалось немного непривычной для этих мест белой дымкой. Грис по имени Кас заметил редкие для этого мира оттенки. Это было необычно, это было красиво.

А в остальном всё было по-прежнему. Чёрная клякса солнца, обрамлённая невыносимо ярким жёлтым огненным кругом медленно катилась к горизонту, тихо шелестели мистически темнеющие в тени листья деревьев, а трава стелилась золотым ковром, поднимая вверх крохотные ядовитые пылинки — Резервный мир привычно мерцал чёрно-жёлтыми оттенками единообразия.

Кас любовался пейзажем и плевал вниз с высоты девятого этажа полуразрушенного панельного дома. Сигареты попались слишком горькие, невкусные, но раз блок был вскрыт, то придётся докуривать все пачки из-за нетоварного вида. Но, может быть, удастся несколько пачек обменять по мелочи на что-нибудь выгодное. Такое Касу удавалось не раз, он известный в округе барыга.

Курить и плевать вниз Касу быстро наскучило. Он проверил на прочность узел верёвки, привязанной к остаткам пожарной лестницы на случай того, если придётся экстренно покидать своё жилище. Но у него был ещё один секретный лаз, которым он

пользовался значительно чаще. Этот лаз был на восьмом этаже дома, где обвалилась лестница — там мужчина закрепил верёвочное приспособление, которое убирал, когда в нём не было необходимости.

Кас жил в самом неудобном месте Резервного мира, но ему здесь нравилось — несмотря на криминальную репутацию, эти окраины были достаточно тихими. Для тех, кто смог приспособиться к местным порядкам.

Кас занимался тем, что скупал и перепродавал в Резервном мире или мире людей всякое барахло, в том числе оружие, еду, сигареты, алкоголь. И, конечно, магические шары — цершеры, совершенно разной спецификации. Без этих шаров тут было не прожить. Они являлись и оружием, и, например, средством добычи воды или света, и, конечно, магическим предметом, позволяющим телепортироваться в любую, заложенную в специфику цершера местность Резервного мира или мира людей. Можно было ещё разные заклятья накладывать на данные предметы, в зависимости от ценности материалов, из которых они делались, и умений того, кто эти цершеры создавал.

Молодой грис совсем недавно вернулся из мира людей, запаса сигаретами и ухватил несколько гранат. Покупатели всегда найдутся, бизнес Каса процветал. Но, конечно, нужно было оставаться очень осторожным.

Устало потянувшись, Кас разлёгся в своей кровати. На следующий день нужно будет прогуляться на местный рынок, мужчину ждала очень важная встреча, на которую нельзя было не придти. Нужно было платить дань за свою деятельность, за своё спокойствие на этой половине трафика между двумя мирами, ну и укреплять нужные связи.

До ночи было ещё долго, но спать хотелось ужасно. Читая людской журнал, Кас трепал свои жёсткие волосы на голове — характерную особенность народа грисов, наряду с практически кошачьими зрачками. У альнелонов, в отличие от грисов, волосы были более мягкими, но опасно острыми на кончиках локонов. Зато у них были интересной формы уши, да и глаза по-своему прекрасны, больше в размерах и причудливее в оттенках.

Он скучал по тому времени, когда сам был альнелоном.

В противостоянии официальных грисов и альнелонов Кас не участвовал, ему было всё равно, кто победит, но переворот не обошёл его стороной — его раса сменилась насильно, магическим образом, так как он оказался не в том месте и не в то время. Впрочем, на его репутации эти визуальные изменения не отразились — в этом месте чёрно-жёлтого мира всем было плевать, как ты выглядишь. Правда, с характером произошли некоторые изменения: будто бы он стал менее импульсивным, зато более злопамятным. Других изменений он не заметил, и в противостояние между расами его всё также не тянуло. Вообще, Кас считал, что все отличия между грисами и альнелонами выдуманы, расы отличались только глазами, формой ушей и структурой волос на голове. Остальные отличия застревали только в головах особо одарённых персонажей, желающих эти отличия сделать причиной ненависти друг к другу — то-то у многих стереотипы рассыпались, когда некоторая часть населения Резервного мира ни с того ни с сего поменялась расами!

Этот преступный уголок Резервного мира войны почти не знал. Так, встречались некоторые стычки между группировками, но не из-за извечной неприязни между грисами и альнелонами, а из-за сфер влияния, которые без мира людей были бы бессмысленны.

В людском мире грис по имени Кас выглядел как обычный человек из-за особенностей перехода между мирами — там он имел обычное человеческое имя, документы и официальное место жительства. Но приходилось постоянно существовать в путешествиях

между двумя мирами, это было жизненно необходимо. А людям проще, им это всё не нужно, им вообще физиологически невозможно попасть в Резервный мир, хотя иногда ходят всякие слухи. Также тайна существования Резервного мира тщательно охраняется от людей и грисами, и альнелонами — каждый знал, что с этим шутки плохи.

Кас был просто грисом-торгашом, ведущим свой бизнес: легальный и нелегальный. Всё в его жизни сейчас было хорошо, хоть и особого счастья не наблюдалось. Не стал он важным деятелем в противостоянии грисов и альнелонов — ну и пусть; не нашёл он себе вторую половинку — да и ладно. Грисы, как и альнелоны, живут меньше людей, среднестатистически на восемь-десять лет, но ему в свои тридцать всё ещё комфортно было оставаться одиночкой. Возможно, разница в продолжительности жизни нивелировалась из-за немного по-другому идущему в Резервном мире времени.

Сон сморил гриса, и он провалился в мир волшебных ведений, где чёрно-жёлтый мир наполнялся красками, такими же, как и в человеческом мире.

Глава 2

Дома стало душно. Марк Семёнович уже почти не слышал телевизор за гоготом и громкой музыкой — у его сына была посиделка с Викой и лысым другом, который уже пришёл в его дом пьяным. Время близилось к девяти вечера, а на улице уже почти стемнело.

Хозяин квартиры понимал, что вечеринка у Сергея могла затянуться, а сконцентрироваться на том звуке, что пытался извлечь его телевизор, он уже не мог. Поднявшись с кровати, он скрипнул отворяемой дверцей шкафа. На улице уже было тепло в это время и можно было примерить свой парадный костюм, который он надевал на все важные мероприятия своего завода, на котором он доработался до ведущего инженера отдела. С какой торжественностью он раньше надевал этот светло-серый плотный пиджак на белую рубашку, выбирал галстук, зачёсывал на привычную сторону свои покладистые волосы и брызгал на шею туалетную воду, которую дочь называла «слишком вонючей».

Сегодня Марк Семёнович натянул серые брюки от своего торжественного костюма. Они стали немного велики, пришлось использовать ремень. Белая рубашка показалась грязной на воротнике, поэтому, не снимая белой майки, мужчина застегнул на все пуговицы другую рубашку, светло-синего цвета. Потом он примерил пиджак, который уже не так солидно смотрелся на исхудавшем теле. Выбирать галстук и пользоваться едва оставшейся на донышке туалетной водой не хотелось. Причина выхода из дома не была торжественной.

Тем временем кто-то переключил музыку. Энергичные современные песни на английском языке сменились менее энергичной, но не более приятной музыкой про голубей над зоной и про то, как запахло весной. Теперь совсем расхотелось чувствовать запахи этой самой весны. Вика что-то громко возразила, но грубый мужской голос заставил её заткнуться. Кто это был, Сергей или гость — Марк не понял. Ему тут же захотелось снять пиджак — тот действительно выглядел слишком праздничным для такого ужасного вечера. Джемпер казался слишком жарким, а жилетка слишком тонкой. Синяя джинсовая куртка была как раз для этой прогулки. Не броская, обычная, даже не старческая.

Марк Семёнович не стал любоваться собой перед зеркалом открытой створки шкафа. Он закрыл её и прошаркал к выходу из тесной квартиры. Недолго выбирал между сандалиями и туфлями, которые не так давно начистил, когда мыл полы в квартире. Но на туфлях уже белел след кроссовка то ли Сергея, то ли гостя. Пришлось вновь почистить оттоптанное тёмно-коричневые туфли, чтобы они выглядели опрятно. Никто не заметил, как Марк Семёнович вышел из квартиры.

Сначала, ему показалось, что на улице холодно. Потом он разогрелся, и стало немного жарко — он расстегнул куртку. До парка было слишком далеко и мимо круглосуточного магазина идти совсем не хотелось, там всегда шумели алкаши и подростки. Можно было пойти в соседний двор, где красиво цвела сирень, в которой утопала неприметная даже для местной шпаны лавочка. И там действительно оказалось тихо, хоть и достаточно темно. Вдали привычно гремел проспект, донося отголоски скорости своего течения автомобилей. Но это было отдалённым, не мешающим явлением.

Быстро стало прохладно. Долго сидеть — значит, подхватить насморк, застудить что-нибудь или опять эти боли в колене вернуться. А так не хотелось прощаться именно с таким вечером, когда окна дома светили дружелюбно и никто не демонстрировал на большую громкость свой плохой музыкальный вкус и своё неумение провожать в трезвости день. Тут

было хорошо и, главное, спокойно. Хотя от сумасшествия пьянства этот дом от дома Семечкина отделял всего один двор.

Нужно было идти, но Марк не решался. Ему даже самому захотелось спеть. Но, разумеется, он не спел. Не умел, да и не мог себе такого позволить. Не заставил своё сердце петь, нужно было уходить.

Но и нужно было вспомнить, как когда-то, когда он только-только обвенчался с женой, то встретил на работе ещё одну девушку. История короткая, ничего пошлого. Но как бы хотелось понимать — не совершил ли он ошибку, не став ближе с той, которая была младше его жены? Как бы сейчас он чувствовал себя в этом мире? Не упустил ли он тогда своего счастья?

Но он смог совладать с тем интересом, который возник между ними. Года, года. Остаётся от них пластинка воспоминаний — испорченная враньём памяти, перезаписанная.

Марк вздохнул. Негоже вспоминать такое, когда всю жизнь был верен жене.

В этот момент за его спиной в кустах сирени что-то зашелестело, захрустело ветками, безматерно заругалось. Марк Семёнович только успел привстать со скамейки, как откуда-то сбоку, едва различимая в свете фонаря, показалась голова рыжей девчонки приблизительно возраста его внучки. По крайней мере, того возраста, который он запомнил, когда видел её в последний раз. Дети растут быстрее, чем взрослые стареют — хотелось бы в это верить. Но жаль то, как быстро угасает этот огонь беспричинной радости и лёгкого авантюризма в глазах детей. У себя Марк этого огня вовсе будто бы и не видел.

— Здравсьте! — оглушила тишину двора девчонка.

— Здравствуйте, — поздоровался Марк Семёнович и вновь присел на скамейку.

— Здесь не было Оливера? — спросила девчонка, выпутавшись из заросли сирени, явив себя целиком взору старика.

— Чего, простите? — совсем не понял Семечкин.

— Не чего, а кого, — поправила незнакомка. — Лысый, ну, короткостриженный пацан такой. Моего вида.

Про вид Марк Семёнович тоже не понял, ведь перед ним стоял обычный человек. Он оглядел девчонку, насколько хватало освещения. Подросток. Длинные, прямые, но растрёпанные ярко-рыжие волосы. На лице немного веснушек, светлые глаза, тонкие губы. Беретка, кофта, которая была мала в плечах и широка к низу. Юбка чуть ниже колен с большой заплаткой. Наверное, сейчас так модно.

— Лысого паренька не видел, — честно ответил Марк. — А давно он мог тут находиться?

— Не понимаю, давно или нет, — сказала девчонка. — Что значит давно?

— Ну, — смутился Марк. — Сколько минут, часов назад...

— Так я и не понимаю этого! — озадачилась девчонка. — Давно в отношении минут, часов или дней, но я чувствую, что он тут был!

— Как чувствуешь? — вечерняя странница потешала мужчину. На память вновь пришла племянница, но она не была такой бойкой.

— Чувствую и всё. Его сложно не заметить. Он красивый.

— А что значит «красивый»? — решил задать свой вопрос Марк Семёнович.

— Красивый, и всё тут, — не стала объяснять девчонка, оглядываясь по сторонам. — Значит, не видели его. Тогда, хорошего вечера!

Она пошла в сторону проспекта, парка, круглосуточных магазинчиков.

— Подождите! — окликнул её Марк Семёнович, но та не обернулась. — Там опасно!

— Всё нормально! — самоуверенно сказала девчонка. — Опасно — там, где я!

— Ого, — только и сказал мужчина, а внезапная гостья скрылась за углом девятиэтажного монолита.

Стало совсем холодно. Под собственный горький вздох он принял решение идти домой. Как хотелось увидеть внучку.

* * *

Кас сладко спал. После путешествия в мир людей не так сильно сдавливало грудь, и сон был ровным, не вырывал в реальность желанием остудить голову ветром неиспорченной природы людей. Но пришлось проснуться.

Ему послышался крик. Вернее даже, девчачий визг.

Кас открыл глаза. Было достаточно светло, «вырвиглазная» ночь ещё не посетила Резервный мир. Неужели показалось? Может на улице какая-нибудь девушка-альнелон забрела не туда и попалась бродягам-грисам или таким же отверженным всеми альнелонам?

Когда-то грисы и альнелоны жили в своём мире, но всё, чем они занимались, так это враждовали друг с другом. Спорили, соревновались, воевали. Так было до тех пор, пока они не затронули своей ненавистью друг к другу Безликих. А Безликие — более могучий, но странный народ. Они могли путешествовать между мирами, но никогда никого не хотели поработить. Но вмешиваться в чужие дела они считали нужным, пытались по каким-то своим критериям сохранить баланс во Вселенной.

И вот Безликие отправили всех грисов и альнелонов в пустующий на тот момент времени Резервный мир, освободив под кого-то другого их небольшой, но уютный мирок. Но оказалось, что жить в новом измерении невозможно — за достаточно короткое время любое живое существо здесь погибало, растворяясь в жёлто-чёрном пейзаже. Этот двухцветный мир был когда-то почти точной копией соседнего мира, мира людского, с оставшимися домами, дорогами, памятниками. Но здесь что-то случилось и всё окрасилось в цвета ядовитой смерти. Тогда грисы и альнелоны взмолились перед Безликими, и те разрешили им перемещаться в ближайший параллельный мир, к людям. Мотаться между мирами, чтобы не погибнуть — в этом и была вся участь грисов и альнелонов, ведь человеческий мир при долгом нахождении в нём тоже отрицательно влиял на их почти такие же, человекообразные организмы.

Единственным магическим предметом для путешествия оказались специальные шары — цершеры, технологию изготовления которых Безликие подарили грисам и альнелонам, но те смогли их усовершенствовать и сделать эти магические шары не только мирным предметом, но и оружием. Безликие на это отреагировали неожиданно равнодушно. Единственное, о чём настояли, так это не ввязываться в жизнь людей, за чем и продолжили незаметно следить в перерывах между своими межмировыми делами. В общем, взяли на себя роль судей и богов. Никому не нравились Безликие, они могли в любой момент уничтожить и грисов, и альнелонов, но, видимо, дали им шанс, не учтя то, что вражда между ними была у них в крови, и их противостояние всегда выходило на новые уровни.

Некоторые понимали своё переселение в Резервный мир, как шанс на примирение, но большинство считало, что их просто беспардонно выселили из более благоприятного мира. Но Касу было наплевать — он мирно спал в своих четырёхкомнатных хорамах, три комнаты в которых были забиты всяким скарбом...

Крик раздался снова, и Кас уже не мог благополучно заснуть. Крик был совсем рядом, и

даже не под его раскрытыми окнами, а где-то за толщей кирпичей стен пустой, полуразрушенной девятиэтажки.

Кас поднялся, надел спортивные штаны и обул тяжёлые ботинки, после чего подошёл к входным дверям. Отворил одну, взгляделся в глазок второй: на освещённой заходящим солнцем, ввиду отсутствия одной стены, лестничной площадке, стояло трое уже почти покрытых чёрно-жёлтой заразой грисов. У двоих даже были автоматы. Ими они и угрожали девчонке лет двенадцати-четырнадцати. Та выглядела совсем как человек, по крайней мере, так Касу показалось. Это было странно, людям было крайне сложно попасть в Резервный мир, для этого требовались очень редкие и дорогие шершеры. Да и возможность их существования была на грани простых слухов.

— Как думаешь, много за неё дадут? — спросил один грис у другого.

— Не знаю, — ответил грис с автоматом.

Девочка пискляво крикнула:

— У меня нет ничего, и вы ничего не получите!

— А мы тебя сейчас потрясём! — сказал один из грисов, доставая нож. — Говорят у людей, сумевших попасть в этот мир, сердце золотом покрывается!

— Ты веришь в это? — спросил другой грис.

— Сейчас проверим, — сказал грис с ножом. — Живую мы её точно через город не проведём.

— Не-не-надо! — испугалась девчонка, чьи длинные, ярко рыжие волосы упали ей на лицо, когда один из грисов-мужчин схватил её за шиворот кофты. Её нелепая беретка свалилась на грязный пол.

Кас отошёл от двери. Ему совсем не хотелось это видеть. Нет, смертей ему довелось наблюдать немало. Даже приходилось самому убивать, спасая свою шкуру. Но тут было совсем другое — человеческий ребёнок, да совсем один.

Ещё и эти грисы мерзкие так близко к его жилью подобрались — что за безобразие, как только смогли!

Кас медленно прошёл в комнату, взял свой проверенный автомат Калашникова, после чего его взгляд пал на ящик с гранатами. Он взял несколько штук, из одной извлёк взрыватель, после чего решительно направился к двери. Обнаруживать своё жилище ему не хотелось, но девчонку зазря могли пустить на мясо. Это было нехорошо. Как потом спокойно спать после всего этого?

Мужчина-грис ещё раз посмотрел в глазок.

— Если не будешь вырываться, это будет не так больно, — сказал один из грисов девчонке, когда Кас распахнул дверь.

— Пошли отсюда! — крикнул Кас и бросил гранату без взрывателя в толпу, собравшуюся около его квартиры, возле неработающего лифта.

Граната звонко упала на пол, а грисы разбежались по этажу врассыпную. Один из них попытался полоснуть ножом свою жертву, но та смогла увернуться от массивного лезвия...

— Беги сюда! — крикнул Кас девчонке.

Та быстро сориентировалась и забежала в квартиру спасителя, а Кас тем временем вытащил чеки из действующих гранат и бросил взрывоопасные предметы в сторону грисов, после чего закрыл за собой железную дверь...

Взрывы прогремели один за другим и когда всё стихло, Кас вышел на лестничную площадку, где под его ногами оказалось два изуродованных тела, смертельно посечённых

осколками. Злодеев даже не пришлось добивать.

Но один смог спрятаться от взрыва за ограждением шахты лифта, после чего стремглав побежал вниз.

Добравшись до верёвочной лестницы и откашлявшись от поднятой повсюду из-за взрывов пыли, он медленно начал спускаться — высота была внушительной, лестничный пролёт отсутствовал с восьмого по шестой этаж. Там-то Кас его и настиг. Беглец испугался и свалился, тяжело рухнув на бетонное перекрытие.

Кас быстро, но аккуратно спустился по своему верёвочному приспособлению вниз, отругав себя за то, что забыл убрать эту лестницу, когда вернулся домой. Поэтому девчонка, спасаясь от погони, смогла сюда забраться, приведя этих негодяев к его жилищу и заставив свершиться этой «мясорубке».

— Кто такие, что здесь делаете? — строго спросил Кас у сильно ударившегося гриса.

— Свои, — простонал тот. — Искали, чем поживиться. Выследили девчонку, она одна совсем была... стой, а я тебя знаю, ты — Кас!

— Дело плохо, — сказал Кас. — Ты меня знаешь, убить тебя придётся...

— Нет! — запротестовал грис. — Не убивай, я никому не расскажу про то, что ты здесь прячешься! Я помогу тебе отыскать интересный товар, ты ведь только этим интересуешься?

— Что за товар?

— О, ты будешь в восторге! — заверил поверженный грис.

— Помоги тогда убраться, а то вы тут намусорили в подъезде моём...

Кас быстро досмотрел гриса и опустил автомат, удостоверившись, что тот остался совсем без оружия. А убивать безоружного ему совсем не хотелось.

— Я ногу сломал, — сказал грис.

— Как тебя зовут? — спросил Кас, помогая ему подняться.

— Вирус, — назвал своё имя грис. — Нам Дарин пообещал, если мы найдём для него что-то интересное, то он даст нам цершеры для того, чтобы мы смогли в мир людей попасть, а то, как видишь, нам совсем плохо. Ещё несколько дней и я погибну. И ещё я узнал, что у Дарина есть кое-что...

Они медленно, с превеликим трудом поднялись на этаж Каса. Вирус молчал, выдерживая театральную паузу. Потом поняв, что вся его шайка разбита, он сказал:

— У Дарина есть цершеры, позволяющие ненадолго запускать в Резервном мире сложные механизмы. Тебя интересует такой товар?

— Это редкость, пока даже не знаю. Но есть над чем подумать...

— У Дарина есть всё! Если ты предложишь ему хорошую цену, то станешь обладателем любой редкости. Нужно спешить, рынок не дремлет. Я организую вам хорошую встречу!

— Ладно, ещё поговорим об этом, — сказал Кас, забирая немногочисленные патроны, ножи и два автомата у мертвецов. — А вы ведь легко могли бы продать оружие ради своего излечения...

— Это оружие Дарина. Не хотелось бы вызывать его гнев, а теперь уже всё равно, одному мне не выжить...

— Сиди здесь, — приказал Кас и Вирус послушался.

Пока Вирус рассматривал выпирающую из ноги кость, Кас открыл соседнюю квартиру и затащил туда трупы сородичей, чтобы не портили взор, после чего закрыл массивную дверь.

Здесь мир быстро поглощал трупы, растворяя их в себе. На следующий день это уже

была бы грудка дурно пахнущего тряпья, а через неделю от неё осталась бы чёрно-золотая кучка праха без следов крови и запаха. Каждому живущему в Резервном мире требовалось иногда уходить в мир людей, чтобы смертельно не отравиться этой сжирающей тело заразой.

После этих манипуляций Кас попытался попасть к себе домой, но дверь была заперта с обратной стороны.

— Девочка, открой! — стукнул он в дверь кулаком.

— Не могу, ты привёл с собой этого злодея, который хотел меня зарезать! — отозвался за дверью звонкий голос.

— Он уже не сможет никого зарезать, у него нога сломана, — сказал Кас. — Впусти!

Девочка отворила дверь, куда ввалился вооружённый Кас и стонущий от боли Вирус. Первым делом Кас запер обе двери, потом наложил шину на ногу Вирису и завязал ему руки, после чего запер своего пленника в ванной комнате. Ему совсем не хотелось иметь дело с Дарином, но о выгодной сделке стоило подумать.

— У тебя есть еда? — спросила девочка, она держала в руках автомат, которых было много в одной из комнат. Только рожок с патронами к нему она приделать не догадалась.

— Есть, — кивнул хозяин жилища.

После этого ответа девчонка утратила интерес к оружию, сложив его на кучу тряпья, разбросанного в ближайшей к выходу комнате. Они прошли на кухню, где в неработающем огромном холодильнике у Каса хранилось много консервов.

— Ты сосиски будешь или тушёнку? — спросил Кас.

— Сосиски и тушёнку! — сказала чумахая девчонка, приглаживая свои растрёпанные рыжие волосы. Ей быстро удалось сделать причёску опрятной и даже модной по меркам мира людей.

Вглядываясь в её глаза, Кас пытался различить в ней гриса или альнелона. Но глаза девочки были очень похожи на человеческие, светло-серо-голубого цвета.

— Что уставился? — недовольно скорчила лицо девчонка.

— Ты человек? — спросил Кас.

— Я ангел, а не человек! Голодный ангел.

Кас усмехнулся и принялся разогревать консервированную еду на газовой горелке. Огонь шипел и потрескивал, медленно разгораясь с синего огонька до ярко-жёлтого пламени.

— Меня Кас зовут, а тебя? Как ты сюда попала?

— Кас? Что за имя такое! Меня зовут Оливия. Я ищу своего друга Оливера. Много пришлось где побывать, а его никак не разыщу...

Девочка немного погрустнела, но потом быстро вернулась в своё бодро-весёлое состояние.

— Значит, ты здесь живёшь, Кас? — спросила она.

— Здесь, — ответил Кас, едва не заметив, как девочка стащила сосиску, выхватив её своими грязными руками из миски.

— А чем ты занимаешься?

— Ничем интересным. Торгую.

— Ты продавец?

— Продавец.

— Продавцом быть незачем. А чем торгуешь?

— Водка, сигареты...

— Плохой продавец, отравой торгуешь. И тебе нравится всё это, чем ты торгуешь?

Кас задумался. Ему даже захотелось выпить, но видя негатив от своей гостыи, он решил это дело немного отложить. Хотя стресс, не каждый день убиваешь двоих грисов, а одного оставляешь недобитым в ванной...

Будто прочитав его последнюю мысль, Оливия спросила:

— А что ты будешь делать с тем злодеем?

— Пока не решил, — ответил Кас.

— Ты убьёшь его?

— Нет. И тех не следовало бы. Они работали на Дарина...

— Что за Дарина?

— Дарин это известный в наших краях бандит. Бессмысленно жестокий и влиятельный альнелон.

— А кто такой альнелон? — не унималась в расспросе Оливия.

— Я — грис. А он — альнелон. Ты ничего не знаешь про этот мир?

— Мир как мир, таких тысяча! Только с цветами тут беда, всё тёмно-желтушное.

— Да, разнообразия мало, — сказал Кас. — Значит, ты была во многих мирах?

— Много, мало, я не знаю таких цифр! — усмехнулась Оливия, пододвинув себе поближе миску с разогретой едой. — Ты слишком любопытный!

— Я? — удивился Кас, помня о многочисленности вопросов Оливии.

Оливия угукнула, уплетая за обе щёки еду — она достаточно ловко владела и руками, и предоставленной вилкой. Кас тоже немного перекусил, после чего, взяв автомат, понёс три сосиски Вирису. Тот лежал около ванны и стонал. Его дела были совсем плохи. Чёрно-жёлтая зараза, загрязнившая его одежду, уже перекидывалась и на лицо.

— Я погибну, — с трудом простонал он. — Чувствую. Необратимо...

Кас вздохнул, после чего достал из своего кармана цершер. Шал увеличился у него в руках, потом Кас небрежно кинул его на пол.

Шар разбился, ванную комнату озарила яркая вспышка.

Через несколько мгновений Кас и Вирис оказались в просторном кабинете где-то в человеческом мире. В помещении за массивным столом сидел человек — мужчина, лет пятидесяти. На нём был деловой костюм, на шее виднелась толстая золотая цепь.

Кас спросил у мужчины:

— Аркадий Иванович, ничего, что я незапланированно?

— Я всегда рад тебя видеть, Кас, — сказал мужчина. — Что стряслось?

— Вот этот чебурек может помочь добыть нам всякие редкости, — сказал Кас, кивнув на лежащего на полу Вириса, с которого заметно быстрыми темпами спадала чёрно-жёлтая зараза.

Аркадий Иванович поднялся со своего кресла и медленно подошёл к гостям. Он сказал:

— Эти редкости будут полезны мне или тебе?

— Ты же знаешь! — Кас улыбнулся. — Всё, что полезно для меня, выгодно и тебе.

Аркадий Иванович вздохнул:

— Что ж, Кас, на тебе вся ответственность. Я же не против выгоды. Лишь бы это нам боком не вышло.

— Всё нормально, — неуверенно сказал Кас, закуривая.

Аркадий Иванович недовольно посмотрел на своего делового партнёра, потом сказал:

— Перелом интересный. Но срастётся нормально. На рентген не повезу. У грисов

быстро кости срастаются, в отличие от альпелонов. Что ж, надеюсь, этот кадр знает, как платить добром за добро...

— Знаю, знаю, — заверил Вирис, жадно глотая относительно чистый воздух человеческого мира.

Аркадий Иванович хитро усмехнулся:

— Смотри. Если что-то учудишь, то мы тебе с таким удовольствием переломаем каждую косточку...

Казалось, Вирис был готов на всё:

— У меня хороший план, как отблагодарить вас!

Аркадий Иванович не стал продолжать этот разговор, он только спросил Каса:

— Кас, ты, может быть, принёс чего-нибудь интересное?

— Нет, ничего нового я ещё не добыл, — ответил Кас. — Посмотрим, как завтра дела пойдут.

— Ладно, — сказал Аркадий Иванович, главный сообщник Каса в транзите товара между человеческим и Резервным мирами.

Май разразился жарой. В маленькой квартире было очень душно, несмотря на раскрытые окна в комнате и на кухне. Этим утром Марк Семёнович опять слишком рано проснулся, несмотря на то, что Сергей с Викторией очень поздно уснули. В комнате витал сладковато-противный запах.

Семечкин-старший долго лежал, слушая сиплое дыхание Сергея, потом медленно и тихо поднялся, оделся и ушёл на кухню. Там он вскипятил воду, заварил чай, медленно выпил его, закусив жёстким мятным пряником. Впереди был ещё один бесполезный день. Но с каким удовольствием он бы провёл его, если бы жил в одиночестве! Какое это наслаждение просто посидеть одному! Почитать книжку, сварить вкусный суп, а то и холодец. Хотя нет, в такую жару холодец совсем плохой выбор, но он что-нибудь бы придумал.

Но с таким «добрососедством» ничего делать не хотелось. Не хотелось их взглядов, присутствия, разговоров. Вика проснётся, сварит пустые, невкусные макароны с «кубиком». Предложит «деду». «Дед», который ещё не привык к тому, что он просто «дед», может быть, даже поест. Потом она, возможно, повозякает вонючей тряпкой по полу, наводя «чистоту». Сергей в это время сходит за пивом. Возможно, придёт опять с «другом». Пиво предложат и «деду», зная, что тот откажется — не любит алкоголь. Им будет весело, а Марку Семёновичу будет грустно.

Время подошло к отметке в десять часов. Сегодня воскресенье, поэтому можно было бы позвонить дочери. Давно он ей не звонил.

За то время, что Сергей здесь живёт, они созвонились лишь один раз. Семечкин-старший не мог не поделиться новостью. Это он делал в строжайшей секретности, на улице, за две остановки от дома. Но дочь в который раз дала понять, что у неё нет брата, и ей совсем не интересна его судьба.

Марк Семёнович раньше вёл себя также. Он много лет не писал писем сыну, и тот быстро перестал ему писать свои короткие, плохо написанные истории. Но сложилось так, что они снова оказались под одной крышей. И что теперь? После смерти кота рядом никого не было. Теперь есть сын. У него есть Вика. И «друг». Вроде бы как, своеобразная компания.

Марк Семёнович передумал звонить дочери. Он достал из комода свой сотовый телефон с большими кнопками, проверил баланс и убрал обратно. Он понимал, что дочь ему сама не позвонит. Не было такого ещё ни разу. На третью за свою жизнь свадьбу она его даже не позвала: «пап, ну чё там делать, мы только своих в кафе собрали, совсем немного посидели и разошлись!».

Интересно, а для Сергея он смог стать своим, если впустил его в свой дом? Наверное, он всё-таки позовёт его на свою свадьбу — только что изменится, если они с Викторией распишутся? Появятся дети? Маленьких детей Марк Семёнович не любил, потому что их боялся. Они плачут, орут, шумят. Но, может быть, у него ещё есть время стать хорошим дедушкой? В своё время от своих маленьких детей он прятался на работе — сейчас он мог в этом признаться. Удалось только немного помянчиться с внучкой, когда она повзрослела до более-менее осознанного возраста.

Пожилой мужчина услышал голоса в комнате. Сергей и Вика проснулись. Невольно пришлось подслушать их диалог.

— Чем воняет? — хриплым голосом спросила Вика.

— Ничем, вроде, — пробубнил Сергей.

— Это дед что ли обосрался?

— Нет, тебе кажется.

— Я тебе говорю, обосрался.

— Ты пахнет вчера выкинула, который протух?

— Нет...

— Ну и дура.

Дома быть совсем не хотелось.

Когда Марк Семёнович обувал летние сандалии, из комнаты вышла Вика. В трусах и короткой майке. Она лишь хмуро посмотрела на мужчину, что в растерянности стал греметь ключами. Но хорошо, что она ему ничего не сказала.

Она ушла умывать своё опухшее лицо в ванную комнату. А Марк Семёнович надел синюю джинсовую куртку, взял свою увесистую клюшку и вышел из квартиры. Можно было и без клюшки, но с утра ныло колено, а это могло оказаться существенной проблемой на ближайшие дни.

На улице припекало. Мужчина пожалел, что не надел кепку. Медленно обойдя дом, он издали увидел своего друга. Ну, как друга. Сосед, с которым они познакомились, когда Семечкин только-только сюда переехал.

Петрович был старше его на двенадцать лет. Они обсуждали вместе жизнь, политику, спорт. Поначалу играли в домино и шашки. И даже пару раз сыграли в подобие городков, но Семёновичу тут не было равных — его прирождённая меткость даже с выходом на пенсию осталась при нём!

Петрович вышел прогуляться до магазина с внучкой и правнучкой. У него была образцовая семья.

— Семёныч! — крикнул Петрович, увидев издали через свои очки-телевизоры друга. — Куда собрался?

— Гуляю, — сказал Семёнович.

— Чего? — не расслышал Петрович.

Вся их благополучная троица стояла на тротуаре и ждала, пока Марк Семёнович дойдёт до них.

— Гуляю, — повторил Семечкин.

С Марком Семёновичем поздоровались и внучка, и правнучка Петровича. Это было приятно.

— Гуляешь? — переспросил Петрович с довольной ухмылкой.

— Гуляю, — в третий раз сказал Семёнович.

— Я тоже гулять вышел! Вон, в магазин, — сказал довольный Петрович. — Пирогов испечь жена хочет, муки купить надо! Да яиц...

— И мороженого! — сказала правнучка, улыбчивая белокурая девчушка лет пяти.

— И мороженого! — улыбнулся белоснежными протезами Петрович.

Внучка и правнучка терпеливо ждали, пока пенсионеры закончат разговор.

— Жарко сегодня, — сказал Семёнович. Погоду нужно было обязательно обсудить.

— Ага, настоящее лето, — согласился Петрович.

— Так, совсем немного и лето, — сказал Семёнович.

Он понимал, как со стороны неинтересен этот разговор. Но если утром он спрашивал себя, что осталось в его жизни, и нашёл ответ в виде короткого слова «ничего», то сейчас он

понимал, что у него остались эти разговоры. Разговоры ни о чём, но с великой важностью пауз в диалоге. Эти диалоги должны были заполнить, чем-то заместить эту пустоту, что осталась от былых свершений, то есть от прошедшей жизни.

— Как твой сын, не пишет? Как дочь, не звонит? — с серьёзной заинтересованностью спросил Петрович.

Семёнович не любил молодёжный сленг, но ему очень хотелось спросить у товарища: «Ты прикалываешься?»

— Нет... нет, — грустно ответил Семёнович.

Позавчера они также встретились на прогулке. Они вдвоём отошли в сторону, когда тещь Петровича возился со своей машиной. Тогда Марк в очередной раз рассказал о своей жизни. Это важно рассказывать о своей жизни, чтобы дать понять, что она у тебя есть. Рассказал, что дочь не звонит. Напомнил, что на третью свадьбу она его не пригласила. А сын вышел из тюрьмы и живёт у него. Привёл невесту. Семёнович это всё уже рассказывал Петровичу. И позавчера тоже было слишком давно для Петровича. Он ничего не помнил. За это Семёнович и не любил старость. И всё чаще избегал общения с недавним товарищем. Ещё лет пять-семь назад они вместе могли вести долгие и интересные беседы. Сейчас же не было никакого интереса. Семёновичу даже было страшно, что и с ним случится эта чёртова деменция. Поэтому — поговорили, и хватит.

— Ладно, пойду я! — сказал Семечкин. — Тороплюсь на почту!

— Посылку что ли какую ждёшь? — Петрович не отступал, хотя было заметно, как его правнучка хотела поскорее в магазин.

— Нет, какое там, надо заплатить за свет!

— А у меня дочь сама платит! Через этот самый интернет! — похвастался Петрович.

— Дедушка, а когда мы уже пойдём, — потянула за руку Петровича правнучка.

— Пошли-пошли, — отозвался он с улыбкой, будто и не было рядом никакого Семёныча...

Марк Семёнович, который ещё десять минут назад чувствовал себя достаточно комфортно, тоже начал спешить. Всему виной была большая кружка чая. Сильно захотелось в туалет. Как с недавних пор бывает — захотелось нестерпимо сильно. Дойти до подъезда, и подняться на свой восьмой этаж уже было проблематично. Хорошо, что правнучка Петровича вовремя его поторопила идти в расположенный неподалёку супермаркет. Семёнович тут же сменил маршрут к соседнему двору. Там были гаражи и уже всюду раззеленевшиеся кусты.

Недолгий путь и полное облегчение. Жизнь даже начала радовать, а в тени густо разросшихся кустов было достаточно прохладно.

Аккуратно выбираясь из зарослей, мужчина заметил девушку. Из-под капюшона серого балахона свисали светлые пряди волос, лица Марк Семёнович не разглядел. Ему стало очень интересно, что девушка могла тут забыть, а потом он смутился — вдруг она сюда тоже пришла по нужде, а старик её спугнул.

Вновь вспомнилась та рыжая девчонка. Что с ней? Нашла ли того самого, как его там...

Вдруг откуда-то выскочил полноватый мужчина невысокого роста. Он схватил уходящую из закутка гаражей девушку за кофту и с силой прислонил к стене. Девушка ударилась затылком об гараж, капюшон слетел, и Семёнович наконец-то смог разглядеть её лицо. И оно было по-настоящему красивым, не то, что у этой её ровесницы Вики, увидев которую в темноте можно было напугаться. Это был просто светловолосый ангел с

большими голубыми глазами и свежим цветом кожи. Вот только гримаса боли всё портила — полноватый мужчина резко схватил девушку рукой за шею.

Семёнович знал этого пузатика. Его знали все близлежащие дворы — он постоянно чинил свои «Жигули», а по праздникам, в состоянии подпития, колотил свою жену, не боясь свидетелей.

Пузан крикнул прямо в лицо девушки:

— Чё тут у моего гаража шастаешь, наркота проклятая?!

Мужчина был уже пьян. Благодаря его состоянию, Семёнович вспомнил, что сегодня праздник.

— Отпусти девку, — вступился Семёнович. Несмотря на грозный вид пузатика, он почему-то подумал, что тот может бить только женщин.

Мужчина отвлёкся на старика, и девушка воспользовалась этим замешательством. Она очень хлёстким ударом коленкой между ног противника заставила того переместить его руки с её шеи в область собственного паха. После удачного удара она сбежала.

Пузатый долго не мог выдохнуть, однако когда ему это удалось, он издал очень странный вопль. Быстро прокричавшись, он обратился к Семёновичу:

— Старый ты херен! Она же наркоманка, закладку искала, чё ты за неё впрягся-то? Таких, как она, давить надо!

— Я не знал, — только и ответил Марк Семёнович.

Пузатый, держась руками за штаны в области ширинки, медленно, чуть подпрыгивая, обошёл гараж. После чего пискливо крикнул собутыльнику:

— Стёпа! Стёпа, она мне яйцо там похоже сломала...

Никак Семёнович не мог поверить, что эта девушка могла быть наркоманкой. Слишком приятной была её внешность, ну, если не брать в расчёт одежду — обтягивающие шорты, громоздкие кроссовки, бесформенная толстовка. А лицо, её ясные глаза? Нет, она точно не была наркозависимой.

Он попытался поскорее уйти с этого места, выбрался на тротуар, и хотел было идти куда подальше, как боль в колене остановила его.

Ключка! Её-то он оставил там, прислонив к гаражу!

Пришлось обойти компанию утренних алкоголиков и снова протиснуться к кустам за гаражными постройками. Ключка стояла на месте, ждала хозяина. А совсем рядом от неё, между стеной гаража и неизвестно зачем тут вкопанным железным столбом, он заметил книжку. Семёнович тут же вспомнил, как пузан говорил что-то про закладки... но нет, это не его, нельзя трогать!

Но любопытство было сильным. Тем более, Марк Семёнович любил читать, хотя последнее десятилетие только и занимался тем, что перечитывал то, что прочитал когда-то в молодости. А здесь новая, красивая книжка.

Оглянувшись по сторонам, пожилой мужчина быстро схватил предмет и направился в сторону своего дома. Потом он сменил маршрут — совсем не хотелось домой, тем более там можно было застать молодёжь за занятием, которое они могли делать вдвоём, и это не только пить пиво.

Марк Семёнович решил прогуляться до парка. Воровато оглядываясь, там он вытащил из внутреннего кармана куртки предмет, который поначалу принял за книгу. Увы, это была не книга. Это была чёрно-жёлтая шкатулка, которая легко открывалась с помощью нехитрого приспособления. Внутри была ещё одна открывающаяся вкладка, за которой в специальных

ложементах лежало восемь стеклянных шариков, размером чуть меньше, чем мячи для настольного тенниса. Весьма странные предметы.

Марк Семёнович аккуратно достал двумя пальцами один шарик, долго смотрел на него — предмет был красивого тёмно-серебряного цвета. Открыть этот шарик не получилось, даже постукивая по нему клюшкой. Но ведь это не могло быть столь бессмысленным сувениром, ведь это должно как-нибудь и зачем-нибудь открываться? Если верить телевизору, то наркотики выглядели совершенно иначе.

Уже не боясь оставлять свои отпечатки пальцев на шарике, дед взял его в ладонь, пытаясь полноценно прикинуть его вес. Шарик был тяжёлым, несмотря на размер. Видимо, он был сделан из очень дорогого материала. Но мужчина даже представить себе не мог, насколько дорогим был этот материал.

Согревшись в ладонях мужчины, шарик вдруг резко стал увеличиваться в размерах, пока не достиг величины с бильярдный шар. Вес тоже существенно увеличился. Такая трансформация напугала внезапного обладателя столь великой ценности до такой степени, что тот выронил шар на асфальтированную дорожку. Шар тут же рассыпался, мгновенно озарив всё ослепляющей белой вспышкой.

Марк Семёнович ослеп и не на шутку испугался. Ему резко захотелось как можно скорее покинуть это место. И он попытался вскочить с места и побежать, но тут же свалился куда-то в траву.

Когда след от вспышки перестал мерцать в ослепших на короткие мгновения глазах, то пожилой мужчина увидел перед собой совсем не ту траву, которую ожидал увидеть, и что так щекотала его нос. Вернее, по ощущениям трава была вполне обычная, только совсем другого цвета.

И лавочка, и парк куда-то подевались.

Схватив клюшку, мужчина быстро поднялся на ноги. Нет, не мог он так сильно удариться головой, он, вроде бы, вообще ей не ударялся. Да только изображение реальности говорило об обратном.

Вокруг не было ничего похожего на тот парк, в котором он потерял сознание...

Было достаточно темно, как перед грозой, но всё было отлично видно. И чёрно-жёлтое небо, что чем выше от горизонта, тем сильнее напоминало открытый космос. Нет, звёзд не было, не было и какого-то холода или дискомфорта. Просто небо было чёрным, а облака ярко-золотистыми. В них спряталось чернеющей кляксой солнце, обрамлённое жирной золотой оправой. И трава, трава была по форме похожа на земную, только насыщенно-золотого цвета. Деревья, что стояли вокруг тоже были чёрно-золотого цвета.

Но одежда Марка Семёновича выглядела вполне естественно, хотя сильно выделялась из окружающего пейзажа, будто вполне реальную природу сфотографировали через какой-то чёрно-жёлтый фильтр. Да что говорить, вокруг было хоть и мрачно, но одновременно ослепительно красиво!

Осмотревшись, мужчина заметил в траве свою шкатулку. Она переместилась куда-то на задворки вселенной вместе с ним, и там осталось семь шариков.

Пройдя чуть вперёд по невысокой траве, мужчина вышел к склону невысокого холма, где трава была примята большой скатертью. На скатерти лежала корзинка. Обычная корзинка. Не чёрно-жёлтая. Она была прикрыта широкой салфеткой, под которой лежала бутылка вина с красивой этикеткой, два стеклянных бокала, нарезанный аккуратными дольками сыр с благородной плесенью и красный виноград. Марк Семёнович вернул на

место салфетки. Вино и сыр почему-то выглядели безумно аппетитными, несмотря на то, что алкоголь мужчина не любил ни в каком виде. Может быть, поэтому он, в отличие от Петровича, сохранил отличную память и рассудок. Ну, про рассудок он сделал такие выводы только потому, что он значительно реже улыбался, чем тот же Петрович. Хотя, может это только потому, что поводов для улыбок у него было меньше.

Прогулявшись к ближайшему лесу и побродив вокруг вытоптанной кем-то поляны, мужчина с трудом сел на край скатерти. С вершины холма открывался отличный вид. Одиноко стоящие деревья, бескрайнее... чёрно-жёлтое небо, золотистое море травы. Это было лучшее, что Марк Семёнович видел в свой жизни. Это даже нельзя было и близко сравнить с его свадебным путешествием в Гагры. Красота, которую никто и никогда не оставлял на своих картинах и фотографиях. Это было что-то инопланетное, и, одновременно, знакомое.

Рука так и тянулось к корзинке, но это было чужое, совсем не для него припасённое. Да уж, если это всё списать на действие наркотиков, то понятное дело, почему люди теряли от них голову.

Мужчина не знал, сколько времени он находился в этом мире. Но настала пора возвращаться. Почему-то у него не возникло сомнений в технологии возвращения. Были только сомнения в том, вернётся ли он туда, откуда сюда попал. Что если дальше ждут другие миры? Это было интересно и страшно.

Он вытащил из шкатулки ещё один шарик, который от тепла его ладоней вырос в полноценный шар. Но ничего не происходило, перемещения не случилось.

Но Семёнович недолго паниковал. Он с силой бросил шар в траву и крепко зажмурился. Вспышка была такой же яркой, но на этот раз он на неё не смотрел.

Когда всё прошло, он очутился в парке. Шкатулка с шариками лежала рядом в траве. Он быстро её подобрал, воровато оглянувшись.

Мимо пробежал спортсмен, но он не обратил никакого внимания на старика.

Пожилой мужчина отыскал свою клюшку, она также лежала около скамейки. Казалось, что времени прошло совсем немного. Будто те же голуби даже не успели улететь. Они ждали, что дед что-нибудь им даст, но сегодня у него с собой ничего не было, кроме впечатлений.

Путь домой был долгим. Мужчина много гулял по парку. Думал, насколько полезной может быть для него эта находка. Может быть, шарики можно продать за огромные деньги? Купить себе домик, оставить квартиру Сергею. Только бы знать, где найти покупателей на такой товар.

Марк Семёнович застал дома очередную пивную вечеринку. «Сикалки» пива стояли вдоль стены, ровно в ряд. Хорошо, что «друга» дома не было. Молодёжь громко смотрела свой плоский телевизор, что-то обсуждая. Мужчина, как всегда, попытался вести себя как можно тише. Спрятав шкатулку под кровать, он прошёл на кухню.

На кухне в пустой кофейной банке у раскрытого настежь окна лежали окурки. Хотелось ругаться, но Марк Семёнович этого не умел. И не хотел этого делать. Он прекрасно помнил, как от всех переживаний ему становилось плохо. Как сдавливало грудь, как трудно становилось дышать. Ужасное чувство. Обида и досада не лучше, но вдруг всё может обернуться гораздо большими проблемами.

Тем более Сергей уже был пьян. Он громко разговаривал и не вёл себя сдержанно, как обычно. Что можно ждать от человека, который по пьяной лавочке зарезал двоих человек?

Как теперь живёт та бедная девушка, что выжила в тот ужасный день, когда в Сергея вселился бес?

Одно письмо домой от Сергея Марк Семёнович запомнил. Оно было адресовано лично матери. Почерк был, как всегда, ужасен, мысли скакали с одной на другую, фразы выглядели неубедительно. Но он был удовлетворён тем, что Сергей просил прощения. Было там что-то и про «бес попутал», что «был пьяный» и «сильно любил». Были там строчки и о том, что он жалеет, что пострадал невинный человек. Видимо, это было про сестру друга. Остальных он явно не жалел.

Марк Семёнович старался не лезть в жизнь сына. Вот и теперь не следовало этого делать.

Сергей зашёл на кухню, когда его отец ел недавно приготовленную для себя яичницу. Мужчина посмотрел на отца уже раскосыми глазами, но ничего не сказал. Он взял на кухне две вилки и понёс в комнату.

— Серёж, — сказал Марк Семёнович. Нет, он, конечно, обратил внимание на острые предметы в его руках, но его ещё интересовала информация про волшебные шарики. — Скажи, пожалуйста. Может, знаешь. Наркотики, они ведь разные? Могут быть такие штуки круглые, такие шары...

Вопрос были дурацким, но это так тревожило сознание мужчины, что ему даже стало всё равно на то, как он выглядит.

— Бать, ты чего? — улыбнулся Сергей. — Ты давай с этим не связывайся. У нас таких не уважают. Это яд, а разновидностей у него большое множество...

— Я просто спросил, по телевизору видел...

— Надо меньше смотреть телевизор, — неожиданно добродушно сказал Сергей и ушёл смотреть телевизор.

Да, идея задавать вопросы была плохой. Значит, смысл найти покупателя есть. Только вот как это сделать, если никого, кроме Петровича, не знаешь. А Петрович человек слишком хороший для любого криминала. Но у него есть взрослая внучка, у которой есть интернет, а в интернете ведь есть всё! Стоило бы наведаться к ним в гости. Да попросить узнать что-нибудь через этот интернет.

Зато Семёнович поймал себя на мысли, что ему не грустно. У него появилась надежда на возможное обогащение, которое решит проблему с его бытом. Возможно, и Сергей ему потом скажет настоящее спасибо, если он сможет решить их жилищную проблему, ведь Вика явно недолюбливала «деда».

Но эти волшебные шары принадлежали не ему. Иногда совесть подавала голос, прося найти ту девушку. Но вдруг они тоже принадлежали не ей?

Вечером Марк Семёнович подслушал, что причина сегодняшнего распития алкогольных напитков стала покупка Сергеем современного мобильного телефона. Видимо, сейчас это является знаковым событием. Откуда у него столько денег за работу на овощебазе? Может быть, он скоро сам накопит себе на квартиру?

Кас и Вирис, которому крепко забинтовали сломанную ногу и даже наложили подобие гипса, недолго были в гостях у Аркадия Ивановича.

Они вернулись в Резервный мир, в котором Вирис стал повеселее, даже съел остывшие сосиски, после чего Кас снова зафиксировал верёвкой его руки, потом привязал пленника к трубе, возле унитаза. В его бачке ещё была жидкость, а также у раковины стояла большая канистра с чистой водой, пригодной и для умывания, и для питья, о чём Кас и уведомил пленника. После этого он оставил его в тёмной ванной комнате, дверь которой запер на ключ. У него в жилище был второй санузел, поэтому такая занятость важной для быта комнаты его не тревожила.

В это время Оливия ковырялась в комнате-хранилище в груде вещей, которых Кас наскладировал великое множество. Одежда плохо продавалась, но выбрасывать её было жалко и иногда её можно было выменять на цершеры, обеспечивающие водой — самые дешёвые, но очень нужные в этом мире шары голубого цвета.

— Как тебе мой новый наряд? — спросила Оливия, продефилировав мимо Каса в новых полусапожках, юбке и кофте с оголёнными плечами.

Кас сказал:

— Тебе не идёт. Ты без спроса ковырялась в моих вещах?

— А что, нельзя? — удивилась Оливия. — Я не могла спросить, ты же был занят со своим новым другом! Тем более, это женские вещи, а ты живёшь бобылём один!

— Так, он мне не друг!

— Зачем ты тогда оставил его в живых?

— Откуда в тебе столько... кровожадности? — Кас не сразу нашёл подходящее слово.

— Всё просто, — не смутившись, ответила Оливия. — Если меня хотят убить, то я должна убить в ответ.

— А ты смогла бы?

— Смогла, — уверенно ответила девчонка и Кас даже немного поверил.

— Он быстро поправится и мне поможет. Ладно, оставь одежду себе...

— А можно я ещё возьму? — спросила девчонка, и, не дожидаясь ответа, вновь скрылась в комнате, где вещи были свалены в кучу на полу. — Здесь темно, включи свет или зажги свечу!

На улице действительно темнело. Ещё немного и Резервный мир погрузится во мрак ночи, оставив только огромное жёлтое светило в небе, заменяющее луну и почти не дарующее света. В это время мир застывал, любые дела прекращались. А с электричеством здесь было совсем плохо, не все человеческие технологии могли тут прижиться. А те, что приживались, требовали почти ежедневного ухода из-за чёрно-жёлтой заразы, приводящей в негодность даже самые простые механизмы.

— Надо ложиться спать, — сказал Кас. — Я постелю нормальную постель в своей комнате...

— Я буду спать здесь! — запротестовала Оливия. — В своей новой одежде, я не пойду в твою комнату!

— Как знаешь, — устало сказал Кас, пройдя на кухню. Всех накормив, он остался голодным.

Поев, впотьмах он пробрался в свою комнату, посветив фонариком на Оливию, которая быстро угомонилась в куче тряпья и мирно посапывала. Навещать Вириса он не стал, хорошо, что в квартире было два туалета.

Он быстро уснул, засунув под подушку привычно перед сном перебранный, смазанный и заряженный пистолет. До этого всё оружие он сложил в своей комнате, его он обрабатывать от заразы не стал, пусть завтрашний покупатель сам этим занимается.

Утром он проснулся раньше всех, после чего разбудил Вириса. Вскоре проснулась и Оливия. Накормив своих гостей, Кас собрался идти на рынок. Нужно было послушать последние слухи, и, возможно, что-то продать. Также в этот день его ждала важная встреча, поэтому не уйти было нельзя.

Собрав почти всё оружие в рюкзак и сумку, он отправился в путь, предварительно крепко связав Вириса и надёжно приковав его цепью к трубе. Оливию он просто попросил ничего не предпринимать. И если она соберётся уходить, то пусть будет осторожной и захлопнет за собой дверь. Та заверила его, что никуда не собирается, так как вовсе потеряла след Оливера. Её это расстраивало, у девчонки не было ни настроения, ни того аппетита, что был вечером.

Как только входная дверь громко хлопнула, Вирис достал из рукава не найденное Касом лезвие, которым он с лёгкостью перерезал верёвку, что сдавливала его руки. Потом он расправился с цепью, которая оказалась не такой крепкой. Сломанная нога, конечно, была серьёзной помехой, но если найти подходящий упор, то всё могло стать лучше.

Выбив хлипкую дверь, Вирис встретился лицом к лицу с Оливией.

— Так и знала, что тебя стоило прикончить! — сказала она. В её руках был автомат, про который Кас совсем забыл. Девчонка ещё вчера закинула это оружие в кучу барахла.

У автомата не было рожка.

— А тебя стоило бы прирезать, — злобно сказал Вирис.

Грис жёсткой хваткой одной руки вцепился в дуло автомата, выворачивая оружие из рук девчонки, которая беспомощно и безрезультатно щёлкала спусковым крючком. Вирис смог выхватить автомат, но Оливия крепко схватилась за руку мужчины. Тогда грис со всей силы оттолкнул девчонку так, что она отлетела в соседнюю комнату, выбив своим не крепким телом запертую дверь. Вирис проковылял в эту же комнату. Но его интересовала не лежащая без сознания девчонка, а нажива, которую он сможет найти в этой квартире и самостоятельно унести с собой. И он принялся рыскать. Автомат у него уже был, следовало поискать патроны и ещё что-нибудь поинтереснее.

Но кроме шмоток, консервов, алкоголя и сигарет Вирис ничего не нашёл, хотя облазил всё вокруг. Тайник с цершерами был хорошо спрятан. Но под кроватью ему удалось отыскать один рожок с патронами.

Оливия долго лежала без сознания, потом пришла в себя и потирала затылок.

— Дурочка! — обратился к ней Вирис, используя вместо ключки автомат. — Эту штуку заряжать надо было.

Сказав это, он ловко вставил рожок в автомат, после чего передёрнул затвор. Он уже определился, что возьмёт с собой: конечно же, этот автомат и сумку с консервами, алкоголем и средствами по уходу за оружием и прочей техникой. Ноша получилась увесистая, но ничего, грисы очень выносливый народец. Нужно будет сообщить Дарину, что сюда надо вернуться как можно скорее и поискать тайники.

— Голова болит, — пожаловалась Оливия. — А ты злодей и негодяй! Теперь Кас тебя

точно убьёт!

— Ещё чего, — усмехнулся Вирис, хотя сам немного нервничал, опасаясь, что Кас скоро вернётся. С его стороны было глупо оставить Вириса здесь.

Он проковылял к Оливии вплотную, держа перед собой оружие. До последнего момента он думал, что убьёт её, но памятуя о некотором влиянии Каса в этом районе, он передумал стрелять.

В тот момент, когда он передумал, девчонка поднялась на ноги. Она, с вызовом, спросила:

— Что уставился, злодей?

— Если Кас придёт, передай ему, что я взял совсем немного. И напомни ему о том, что я пожалел тебя. Пусть меня не ищет, а то хуже будет...

— А я тебя не пожалею! — выкрикнула Оливия и со всей силы топнула каблуком по здоровой ноге Вириса.

— Вот гадина! — выругался Вирис, пытаясь схватить Оливию, но та оказалась проворнее, увернувшись от его рук.

Грис потерял равновесие и свалился на пол, кляцнув зубами, когда его подбородок прикоснулся к обшарпанной половой доске. Падение не заставило его отказаться от цели поймать эту наглую девчонку. Оставив оружие и широко растопырив пальцы, он сделал выпад в её сторону, но Оливия смогла ловко перепрыгнуть через гриса и оказалась у него за спиной. Пока он оборачивался и поднимался по стене на ноги, девчонка схватила с пола автомат и сказала:

— Теперь эта штука точно должна работать!

— Ты не выстрелишь, — сказал Вирис, сильно сомневаясь в своих словах.

Оливия зажмурилась и нажала на спусковой крючок. Дуло автомата застрекотало, короткую огневую пунктирную линию повело в сторону. Вирис успел вовремя пригнуться, иначе его голова была бы продырявлена.

Времени на раздумье у него было немного: входная дверь была совсем рядом, и грис в два корявых прыжка добрался до неё. Ловко справившись с засовами, он пулей выскочил на лестничную площадку и захлопнул за собой дверь.

— Я вернусь! — крикнул он в сторону закрытой двери. — Я вернусь с Дарином, и вам с Касом не поздоровится!

В словах чувствовалась обида и злость оставшегося ни с чем гриса. Несмотря на быстро появившееся выигрышное положение, Оливия не стала преследовать обидчика. Наоборот, она закрыла дверь квартиры на запоры. Она очень испугалась тяжести и шума стрекочущего автомата, от которого до сих пор звенело в ушах.

Немного отдышавшись, девчонка выпустила из рук оружие. Ей больше не хотелось пользоваться этой штукой. Но обстоятельства складывались так, что без оружия было не обойтись.

— Битва выиграна, но вся война впереди, так? — сказала она запертой двери, думая, что давно сваливший грис слышит её. — Каса я в обиду не дам.

Подумав о том, какие у Каса теперь могут быть неприятности, девчонка решила, что его нужно будет отыскать раньше, чем Вирис и этот Дарин доберутся до него. Он спас ей жизнь, и она спасёт его.

Осторожно покинув квартиру, девчонка не забыла прихватить с собой тяжёлый автомат. Теперь она знала, как обращаться с этим предметом.

Пенсионерам проще просыпаться по утрам, потому что жизнь дала наконец-таки шанс отдохнуть от рабочих дел. Поэтому вместе с ними просыпается и мятежный дух идти против правил. Но как-то поздно Марк Семёнович проснулся в этой жизни. Проснулся бы раньше, когда была дилемма, отдать сына на шахматы или на бокс. Супруга как-то обмолвилась, что именно в секции бокса Сергею «отбили голову». Но Марк подозревал, что отбивать там особо было нечего, тут дело в характере, который однажды мог проявить себя.

Ведь он сравнивал сына с собой. Были моменты в жизни Марка, когда и он мог не совладать со своими эмоциями.

Нет, тогда он был трезв, но его сознание было одурманено не только жарой, но и ревностью, ненавистью. Может быть, поэтому в глубине души он оправдывал Сергея, хоть и отрёкся от него в своё время.

Когда Марку было чуть больше двадцати, он женился в первый раз. С женой вместе они были около года. Детей завести не успели, да и не до детей было — оба были заняты учёбой. Потом, на заводе, где молодой, высокий, стройный Марк, капитан волейбольной команды, проходил стажировку, случился с ним несчастный случай. Железная болванка свалилась на парня. Хорошая реакция спасла от гибели. Но ногу покромсало серьёзно, дискомфорт в колене остался на всю жизнь. И пока Марк лежал в больнице, всё было отлично. Жена приходила каждый день. Выписаться удалось раньше срока, товарищи довели его до коммуналки, куда он приехал с костылями и букетом цветов для жены в знак благодарности за то, как она за ним ухаживала. Войдя вместе с товарищами в их уютную комнату, Марк застал жену со своим сокурсником в постели. Сломанная нога, два товарища, да и богатырская сила человека, посягнувшего на его семейное благополучие, помогли избежать трагедии. Но тогда Марк сумел дотянуться до перочинного ножика, которым его супруга резала яблоко перед тем, как лечь в кровать. Да, все же перед этим самым едят яблоки? Но никого порезать не получилось. Ребята схватили за руки, а коварный соперник сломал Марку нос.

Ужасная вышла история, она буквально выбила мужчину из колеи. Но потом, через пару лет, ему повстречалась Маргарита, брак с которой оказался крепким, надёжным и счастливым. Если бы не Сергей.

Кто знает, может быть, сын исполнил эпизодически возникшую волю отца? Это и есть карма, о которой Семёнович что-то слышал на четвёртом ТВ-канале?

Как бы то ни было, с Марком этого не произошло. Прошное можно перевернуть, но не изменить. Про этот инцидент Семечкин никому не рассказывал. Возможно, ему нужно будет когда-нибудь поговорить об этом с сыном, но стоит ли это делать?

После долгих раздумий Марка Семёновича о жизни, у Сергея и Виктории прозвенел ряд будильников. Пушечные выстрелы в головы молодых организмов и тревожность для сердца пенсионера.

Семечкин-старший уже забыл о том, что такое будильник. Но зато в его голову закралась интересная идея. Ему вдруг очень сильно захотелось узнать, сколько времени он будет в чужом мире, и как это количество времени отразится здесь, если он снова воспользуется этими магическими шарами? В тот раз он не засёк время своего пребывания там и время в родном мире, теперь это следовало исправить. В тот раз у него не было с собой ни сотового телефона, ни наручных часов. Зато сегодня он обязательно вооружится этими предметами.

Счастливые часов не замечают — с этим девизом Семёнович вышел на пенсию, практически отказавшись от средств исчисления времени. А сегодня он достал из шкафа свои наручные кварцевые часы и проверил исправность времени на мобильном телефоне. Осталось только дожидаться, пока опухшие от вчерашних излиятий Виктория и Сергей уйдут на овощебазу.

В десять часов утра всё было готово для эксперимента. Семёнович, заранее сходя в туалет после чая, надел на себя рубашку, спортивный костюм, кроссовки. На руку нацепил часы. В тумбочке он оставил телефон, запомнив время. В кармане лёгкой куртки спортивного костюма у него лежала шоколадка, чтобы в случае чего самому подкрепиться или угостить нового знакомого, если встретит кого. Шоколадка была хорошей, её много лет рекламировали по телевизору.

После этих приготовлений он присел на свою кровать, примостил рядом с собой клюшку, положил на колени шкатулку. С почти ритуальным дрожанием рук достал шар. Тот моментально согрелся, увеличился. После этого мужчина аккуратно бросил его на небольшой коврик у кровати.

Вспышка снова была очень яркой. Марк не успел закрыть глаза. Но их пришлось закрыть, когда он плюхнулся на задницу. Он знал немало историй, когда пенсионеры с ужасной лёгкостью ломали свои ослабшие кости и ему этого совершенно не хотелось. К счастью, он упал в мягкую траву. Хорошо, что клюшка оказалась рядом. С её помощью он поднялся на ноги.

Когда ослепление полностью прошло, он увидел знакомый луг и знакомую корзинку. Всё осталось нетронутым, только фрукты были уже сильно испорченными, да и сыр покрылся чёрными пятнами. Эх, а так хотелось сыра, и особенно винограда. Нужно будет в «Майском» гипермаркете купить себе такую же большую гроздь и поесть. Пока Сергей со своей подругой на работе. При них он стеснялся есть что-то «элитнее» пирогов из хлебной лавочки.

Время на наручных часах он выставил ровно на двенадцать часов, чтобы было легче ориентироваться. О, сколько открытий чудных может подарить этот мир! Но мужчина совсем не заметил, как часы, отмерив несколько секунд времени, остановились.

Это открытие настигнет его позже, и он уже не придаст этому событию особой значимости, а пока из всех новых открытий было лишь замечание про воздух, который был хоть и чистым, но каким-то тяжёлым. Он будто оседал в лёгких, не придавая сил. Наверное, здесь есть какая-нибудь радиация — подумал путешественник между мирами. Но как же тут было хорошо, несмотря на незаметный в первый раз дискомфорт! Чёрно-золотой мир выглядел значительно лучше, чем если бы он был чёрно-белым.

Но чем ещё может быть интересен этот мир? Семёнович погулял по окрестностям. Побродил по тропинке, ведущей от склона вглубь леса. Но он побоялся уходить далеко. Вдруг там водятся какие-нибудь опасные животные? С собой стоило бы взять какое-нибудь оружие. Например, тот большой кухонный нож.

Возвращаясь на возвышенность с другой стороны, мужчина заметил небольшой ручей, который почти бесшумно тёк с небольшого склона вниз, через лужайку. Не сразу Марк заметил, что звуки здесь глухие, и нет никаких насекомых, птиц — ничего. Только иногда дул лёгкий ветер. И то, не ветер, а будто какое-то волновое излучение. Зато ни холодно, ни жарко.

Вернувшись к корзинке, Семёнович заметил, что в его сторону кто-то ковыляет, упорно

поднимаясь в гору. Чужак был совсем близко, и, судя по выбранному направлению, неизвестный мужчина, нелепо опираясь на палку, шёл именно к нему. Но прятаться было и поздно, и проблематично, поэтому Марк Семёнович сделал вид, что он здесь не случайно, а по делу. Но тревога не покидала его, особенно когда он заметил, что мужчина хромал из-за уже покрывшегося чёрно-жёлтой грязью гипса на ноге, скрывающего часть конечности от ступни до колена.

— Ты кто такой?! — грозно спросил пришелец.

Теперь Семёнович смог его разглядеть получше. Кошачьи глаза, растрёпанные, но идеально прямые волосы на голове и бороде, похожие на шипы дикобраза. Кроме дикого взгляда и оригинально уложенных волос ничего странного в этом мужчине не было. Но, видимо, тот был очень зол, и Семёнович попал под горячую руку.

— Убирайся с дороги! — со злостью сказал пришелец, не получив ответа на первый вопрос. — Что стало с этим миром: люди шастают, как у себя дома!

Семёнович отодвинулся в сторону, хотя на этом пригорке не было даже намёка на дорогу, но кто знает этих пришельцев. После этих телодвижений он попытался спрятать за спину свою драгоценную шкатулку. Это действие и привлекло внимание Вириса.

— Что у тебя там? — спросил он.

— Ничего, — сказал Семёнович.

Но это «ничего» только сильнее разозлило Вириса, день, да и жизнь у которого явно не задались. Он толкнул Семёновича, но дряхлый с виду старик удержал равновесие, не упав. Вириса рассверипел, резко схватил руку Марка, в которой тот держал шкатулку. Та упала в мягкую траву и раскрылась. Увидев редкие шершеры, кошачьи глаза Вириса сразу заблестели огоньками подлости и жадности. Он ловко схватил упавший предмет и прижал его к своей груди.

— Молодой человек, это моё, — сказал Семёнович.

— Откуда у тебя это? — спросил Вирис. — Есть ещё?

Марк Семёнович ничего не ответил, ему на мгновение показалось, что пришелец знает о том, кому эти шары могли принадлежать.

— Ещё есть? — повторил последний вопрос Вирис.

— Нет, — честно ответил Марк Семёнович.

— Откуда они у тебя?

— Нашёл...

Такой ответ не устроил гриса, он замахнулся и ударил по лицу старика, разбив тому нос. Пожилой мужчина завалился на землю не от силы удара, а от обиды. Несколько капель крови окропили чёрно-жёлтую траву и его синюю рубашку.

— Я правду говорю, — простонал старик, закрывая голову дрожащими руками.

Грис не знал, что бы он сделал дальше, если бы так сильно не торопился к Дарину. Зато теперь ему было чем расплатиться за утерянное оружие, и Дарин будет просто обязан отдать ему несколько своих подчинённых, чтобы навестить логово местного торгаша. Как бы то ни было, Вирис сильно торопился, поэтому не стал добивать старого человека, дни которого и так сочтены, особенно когда он лишился предметов, без которых он не мог вернуться домой.

Вирис пошарил у него в карманах. Шоколадку он оставил старику, ведь больше тот ничем не располагал.

Плохой день начал превращаться в самый лучший, и, не обращая внимания на боль в ноге, Вирис продолжил свой путь к Дарину.

В это время Марк Семёнович сидел в траве, у него кружилась голова. Он ещё не до конца понимал, в какой ситуации оказался в один неприятный момент — он остался один в недружелюбном мире. Впрочем, что-то похожее уже было в его жизни.

Вытерев рукавом рубашки кровь с лица, Марк Семёнович вновь оглянулся по сторонам — не появилось ли ещё злых пришельцев поблизости. Но никого вокруг не было. Даже от незваного гостя след простыл. Но Марку Семёновичу не было страшно, он просто решил чуть попозже поискать кого-нибудь подороже в этом мире. Должен же был тут остаться хоть кто-нибудь добрый.

Он долго приходил в себя, но вдруг чёрно-жёлтую местность на мгновение озарила вспышка, и поблизости с кем-то оставленной корзинкой со снедью появился силуэт молодого парня, лицо которого было невозможно разглядеть из-за капюшона. Но парень, будто услышав мысли Марка Семёновича, тут же скинул капюшон и миру явился красивый лик девушки.

Это был тот самый ангел с большими голубыми глазами. Только голубизна глаз расплылась по всему пространству белков, образуя два бездонных озера, в которых можно было утонуть, потеряв берега в таком инопланетном совершенстве. Больше ничего потустороннего во внешности девушки не было. Разве что цвет кожи был почти белым и уши имели острые очертания.

— Чёрт, так и знала! — выругалась девушка, увидев Марка Семёновича. — Два дня тебя выслеживаю, а ты уже здесь!

— Обращаться к чужим людям на «ты» не вежливо, — сказал Семёнович, хотя чувствовал перед девушкой вину.

— А красть чужое — вежливо? — спросила девушка, оправдав предположения старика.

— Извините, — сказал Марк Семёнович. — Просто... ваша вещь даровала мне незабываемые впечатления... простите... я не устоял.

— Сколько цершеров ты использовал? — спросила девушка.

— У меня их украли...

— Кто?!

— Какой-то мужчина с кошачьими глазами, не такими, как у вас...

— Грис! Этого ещё не хватало! Что он мог тут забыть?

— Девушка, если бы я знал, я бы вам ответил, — сказал Марк Семёнович.

— Давно он ушёл?

— По моим ощущениям, час назад, — мужчина посмотрел на часы, но стрелки стояли неподвижно.

— В какую сторону он ушёл?

Марк Семёнович указал рукой направление, а девушка тут же бросила себе под ноги цершер и растворилась в воздухе. Но минут через пять она вернулась.

— Дела плохи, это человек Дарина, — сказала она.

— Вы догнали его?

— Нет, но я знаю, где он. От этого не легче. Его встретили сообщники. В бой не вступить, силы не равны. У тебя здоровье крепкое?

— Бывал здоровее, лет тридцать назад.

Девушка задумалась. Ей пришлось два дня следить за этим местом, мотаясь туда-сюда между мирами, тратя цершеры. А всё из-за того, что она обнаружила за собой слезку, поэтому не могла просто так напрямую получить шкатулку, за которую пришлось заплатить

достаточно большую цену. Причём, было совершенно непонятно, кто за ней следил: свои, грисы или, не дай межмировое вещество, Безликие. А может просто показалось.

Она сказала старику:

— Загнёшься ты здесь, если не вернёшься в свой мир.

— Что же мне делать? — растерялся Семёнович.

— Искать того, кто у тебя украл цершеры.

— А вы не поможете мне?

— Придётся. Мне они тоже позарез нужны.

— А зачем вам эти шары, если не секрет? — поинтересовался Марк Семёнович. —

Насколько я понимаю, вы смогли оказаться здесь и без них...

— Без них я могу легко гулять между двумя мирами, а вам помогут только эти редкие серебряные цершеры. Глупо получилось. У моего молодого человека был день рождения, я хотела подарить ему возможность побывать в моём мире...

— Молодому человеку? — Семёнович сделал ударение на второе слово.

— В том то и дело, что человеку, — погрустнела девушка. — Нам запрещено как-либо влиять на жизнь людей, но...

— Но чувства взяли своё, понимаю. Меня, кстати, Марк Семёнович зовут.

— Меренея, — назвала своё имя девушка. — А в вашем мире я Марина.

Меренея ошиблась с выбором места для романтического свидания. Оказалось, рядом властвовал Дарин, поэтому нельзя было сюда соваться без поддержки.

— Дела плохи, — второй раз произнесла эту фразу Меренея. — И у меня, и у вас...

Девушка вспомнила про вежливость, обратившись к пожилому человеку на «вы». Нет, она не была плохим альнелоном, тщательно выполняла свою официальную функцию, но всё пошло не так, когда она повстречала Адама. Она долго присматривалась к нему, но, несмотря на необычайно красивую внешность, его происхождение оказалось человеческим. После нескольких месяцев отношений, она решила ему раскрыться. Это нарушение, большая ошибка, но что поделать, молодость — это ветер в голове и влюблённость в сердце. Парень, немного старше её, ей не поверил, на что она решила ответить самым главным событием в его и её жизни, но подарок не получился. Теперь это нужно было исправлять, пока об этом не узнали те, кто мог повлиять на её судьбу.

Меренею не коснулся переворот грисов-альнелонов, она с рождения альнелон, но ввиду успешной службы и удачного происхождения, девушка оказалась в числе элиты своего рода. Но её поступок мог не только понизить её в статусе. Её могли утилизировать.

— Ладно, — Меренея начала рассуждать вслух. — С Дарином можно договориться, но мне сейчас нечем ему заплатить, да и не станет он со мной связываться из-за моей официальной деятельности. Может быть, поможет бывший альнелон Кас. Больше не к кому здесь обратиться. Придётся найти его, он в этих краях дела свои тёмные творит, был когда-то на хорошем счету. Знаю, что он ошивается на рынке. Эх, придётся идти туда. Здесь вас оставлять опасно, но из-за происхождения со мной вы переместиться не сможете. Придётся прогуляться, готовы?

— Да, далеко идти?

— Не знаю, мне было бы близко...

— Пойдёмте. Мне, признаться, жутковато. Спасибо, что не бросаете меня...

Меренея ничего не ответила. Они двинулись в путь.

Кабинет Аркадия Ивановича был очень просторным. Он располагался на втором этаже строения ангарного типа — овощной базы. Те немногие сотрудники, которым удалось в нём побывать, не задавали лишних вопросов. Если кабинет такой огромный и посреди него на полу начерчен круг — значит, так надо, и это не их дело.

Директора овощной базы уважали и побаивались. Аркадий Иванович производил впечатление делового мужика, который всегда был в курсе событий, происходящих с его бизнесом. Картошка, капуста, морковь и прочее — он в этом разбирался. Точнее, всегда знал, куда нужно загнать гигантские партии. Копеечные продукты, но какую империю он выстроил. Ходил слух, что овощная база была хорошим прикрытием теневого бизнеса. А в чём заключалась вся суть теневого бизнеса, знали лишь единицы.

Сергей Семечкин быстро попал в число избранных. Он отлично справлялся с ролью посредника, без лишних вопросов перевозя из одной точки в другую всё, что от него требовалось. Вопросов не задавал. Его друг, Гена, с которым они несколько лет синхронно «мотали срок», быстро ввёл Сергея в курс дела, и всегда был его постоянным спутником, благо имел личный автомобиль, и им вдвоём было не проблематично «подорваться» с работы по загрузке/разгрузке овощных фур на очередное дело, приносящее хороший доход.

Время медленно близилось к полудню, Аркадий Иванович уже был готов плотно пообедать, как к нему на сотовый телефон «упало» кодовое сообщение. Интересующий его товар появился в наличии, оставалось только поехать и забрать его. Конечно, на этот случай у него были Гена и Серёга. Их и попросил вызвать директор овощной базы к себе в кабинет. Исполнительная секретарша Кристина лично спустилась за ними на первый этаж.

Сергей, как всегда, выглядел спокойным и уравновешенным, готовым внимательно выслушать шефа и исполнить его поручение. Гена немного нервничал — осторожно оборачиваясь на круг на полу кабинета, он топтался с ноги на ногу, поглаживая рукой лысину.

Когда Аркадий Иванович озвучил суть своего поручения, и уже требовалось бы уйти, Гена задержался и всё-таки высказался мысль, которая его терзала:

— Шеф, можно вопрос, — сказал он, поглаживая лысину. — Мы идём на опасное дело...

— Опасное? — Аркадий Иванович поднял на него глаза.

— Возможно, опасное, — немного смутился Гена. — Сами знаете, вдруг там какие-нибудь... подводные камни...

— Давай без воды, — сказал шеф.

— Дайте пистолет, — попросил Гена. Он помнил, как когда-то этот предмет придавал какой-нибудь особенной уверенности даже в простых делах. Его необязательно было применять. Собственно, после одного из применений данного предмета он оказался за решёткой.

— Пистолет? — спросил Аркадий Иванович. — Не автомат? Не гранатомёт?

— Пистолет, — Гене почему-то хотелось смутиться. Но он только в этот момент понял, что достаточно выказал свою нервозность, поэтому в этот раз его слово обрело твёрдость. — Я слышал, что Горбачу и Ковалю уже выдали.

— Хорошо, — Аркадий Иванович подумал, но не долго.

Горбач и Коваль сами когда-то надыбали для себя эти предметы и пока с этим не было проблем. Шеф быстро достал из сейфа и положил на стол пакет, в котором лежал пистолет Макарова. Заряженный. Одна единица товара для Резервного мира. Не дорогая вещь, но,

как ни странно, здесь на неё было меньше спроса. Впрочем, там больше ценились ружья и автоматы.

— Это мне? — Гена улыбнулся.

— Бери, — сказал шеф. — Ты знаешь, как с ним обращаться. Там одна обойма. Он пока «чистый». На твоей совести останется то, что будет с этим предметом дальше. Я тут больше не причём.

— Я понимаю, шеф, — сказал Гена, доставая из пакета оружие. Он верил шефу, что шпалер «чистый». — Спасибо.

— Предупреждать не буду, — сказал начальник овощебазы. — То, что у тебя на руках этот предмет, это уже и есть предупреждение.

— Спасибо, — повторил Гена, убирая пистолет во внутренний карман спортивной куртки.

— Подожди, — сказал шеф, посматривая в сторону двери, за которой стоял Сергей, не проявивший к этому диалогу интереса. — Знай одну вещь. Если ты за меня, то и я за тебя. Если ты мне навредишь, натворишь глупостей, то ты перестанешь быть важным для меня человеком. Ты вообще перестанешь быть человеком...

— Понимаю всю ответственность, — как можно серьезнее сказал Гена.

Когда он вышел из кабинета начальника, то весело подмигнул Кристине, женщине лет за сорок, которую шеф очень ценил, но не отвечал взаимностью на её томные вздохи в его адрес.

Гена подумал, что, может быть, сегодня стоило осмелиться и пригласить Кристину в кафе? Ведь день так хорошо начинался — отдав Гене оружие, шеф обозначил своё доверие к нему. И уже плевать было на Горбача и Ковалю, про которых ходили слухи, что шеф им доверяет более масштабные дела.

— Крокодил, пошли, — поторопил Сергей коллегу, ведь дело само себя не сделает.

Кристина будто бы улыбнулась. Да, смешное погоняло, но что поделать, если оно закрепилось лучше, чем остальные. К Серёге вон вообще ни одно не прилипло. Разве только Серый. Но это разве кликуха?

— Кристина, тебе нравятся крокодилы? — спросил Гена у секретарши шефа, смиренно сидящей на страже его кабинета и не впускающей никого из посторонних.

Возможно, в другой раз он бы не стал подкатывать к ней. Но сегодня же был особенный день. Шпалер приятно тяготил карман. Даже приятнее денег.

— Крокодилы? — равнодушно сказала Кристина. — Крокодилы никому не нравятся. Я люблю людей.

Сергей, ненадолго, одним лишь краем губ, ухмыльнулся. Ему даже не пришлось вновь торопить коллегу, чтобы не стать свидетелем ненужного разговора. Гена обиделся. Даже ничего не сказал Кристине. Хотя мог. Ох, сейчас он многое мог. Нет, эта фраза его крылья не обрезала, а даже вызвала некий азарт. Желание что-то доказать. А, впрочем, какие крылья у крокодила?

Пока Гена спускался по железной лестнице на первый этаж, его настроение переменилось. Злости стало больше. Даже показалось, что Серёга уже не так безобидно хмыкнул. Это была настоящая усмешка. Но так сразу портить отношения с давним корешом не хотелось. Захотелось спросить:

— Ты мог меня при ней не называть Крокодилом?

— Мог, — спокойно сказал Сергей, пока они выходили на улицу. — Тебе дали оружие,

а ты сразу же перестал быть Генной. У тебя выросли зубы. Ты попутал. Это женщина шефа. Даже эти твои кривые подмигивания ей могут нам навредить...

— Чем? — озадачился Гена.

— Он, когда принимал тебя на работу, не говорил, что не потерпит кражи даже одной луковицы?

— Говорил. — Начал вспоминать Гена. — Ещё говорил, что связываясь с одной луковицей люди плачут. И что в случае с кражей тот плач будет очень сильно оправдан...

— Вот, — сказал Сергей. — Этот разговор был совсем не про лук. Не только про лук. Не надо покушаться на то, что принадлежит ему...

— Я понял, о чём ты, — буркнул Гена. Ему не понравился этот разговор. Но Серый был прав.

Они вышли на большую, полупустую парковку. Почти к самому входу на базу подрулило такси. Задняя дверь машины среднего класса открылась. Перед Геннадием и Сергеем появилась молодая, лет двадцати пяти, девушка. Её чёрные волосы были собраны в аккуратный хвост. Немного острые черты лица, маленький подбородок, большой лоб и выразительные серые глаза не впечатлили Геннадия. Но тонкая талия и стройные белые ноги девушки заставили мужчину замедлить шаг. Впрочем, он любил пышных дам, а эта незнакомка совсем не была эталоном его ощущения женской красоты. И маленькая грудь, обтянутая, без пошлости, аккуратным белым с серыми вставками платьем отчего-то заставила его думать, что перед ним менее совершенный соперник, чем Кристина — эта девушка точно не даст такого остроумного ответа, как секретарша шефа. Нужно было немного утвердиться в себе, вновь обрести чувство собственного достоинства.

— Девушка, — Гена обратился к незнакомке, непонятно что забывшей в этом царстве слезоточивого лука и других не менее опасных овощей (если их попытаться украсть у хозяина). — Девушка. Подожди. Как думаешь, я похож на крокодила?

— Нет, — ответила девушка.

Её тонкие дуги бровей и большие серые глаза не выказали удивления от этого вопроса. Она не улыбнулась глупости вопроса. Скорее, внутренне напряглась.

— Это хорошо, — сказал Гена, засовывая руки в задние карманы джинсов. Его распахнувшаяся спортивка не утаила рукоятку пистолета, высунувшуюся из внутреннего кармана. Мужчину это не смутило. — Пошли со мной на свидание?

— Нет, — вновь ответила девушка.

Она не стала долго рассматривать собеседника, больше уделив своего зрительного внимания уезжающему такси. Несмотря на появившийся внутренний дискомфорт, похожий на давно забытое чувство страха, она решила не ограничивать себя только односложными ответами.

Она продолжила мысль:

— Не быть крокодилом это ещё не секрет успеха.

Гена остановился, на несколько мгновений ощущая чувство растерянности, стремительно превращающееся в злобу. Он не сразу понял, насколько обидно прозвучали слова незнакомки. А девушка уверенно прошла мимо мужчин к самому входу на склад, перекладывая небольшую сумку из одной руки в другую.

Как только пальцы девушки с аккуратным ярко-красным маникюром прикоснулись к железной ручке большой двери, Геннадий ринулся к незнакомке и жёстко схватил её за белую, не тронутую загаром, руку. Одним резким движением он прижал девушку к себе так,

чтобы она смогла его лучше рассмотреть. Познакомиться, так сказать, поближе. Но та отвела взгляд. Её свободная рука выронила сумку на пол. Гена почувствовал, как сильно девушка была напряжена. И то, что она не закричала, ему очень понравилось. Злость на удивление быстро прошла, на её смену пришло другое чувство. Приятное, пьянящее.

— Боишься? — спросил он у девушки, вдыхая безумно вкусный аромат, исходящий от её волос, шеи, плеча.

Девушка ничего не ответила. Она поджала губы, всё также избегая зрительного контакта. Только общее напряжение её тела не позволяло назвать её типичной жертвой. Казалось, она могла свободной рукой вцепиться совсем не дружелюбному лысому здоровяку в глаза, но почему-то не делала это.

— Прекращай, — сказал Сергей. За те недолгие мгновения, что он наблюдал эту сцену, ему всё это порядком надоело.

Гена не дождался ни слова, ни взгляда, ни агрессии от девушки. Он отпустил её, шепнув ей на ухо:

— Бойся.

Оставив свою жертву, он, с садистской довольной ухмылкой, направился в сторону своего автомобиля, а Сергей всё ещё наблюдал за девушкой. Она так и не обернулась в их сторону. Пару мгновений она просто стояла в оцепенении, потом быстро подняла сумку и открыла дверь склада, чтобы скрыться в его прохладе.

Мужчины добрались до «Фокуса» Геннадия. Этот автомобиль уже перестал казаться его хозяину хорошим. Горбач даже как-то пошутил, что это не мужской автомобиль. Вот его старый «Крузак» выглядел более мужественно. Что ж, Геннадия вновь охватило мотивационное чувство, что нужно больше работать и больше зарабатывать. Сергей не стал ничего ему говорить. Гена сам мог настроиться на рабочую волну. Тем более последнее противостояние с женским полом он выиграл.

Аркадий Иванович пытался как-то отвлечься от всяких плохих мыслей, расстройств. Он заказал на доставку сытный обед, хотя иногда, даже небезуспешно, пытался держать себя в форме. В форме человека с не выпирающим на метр вперёд животом. Но всё равно пузо рвалось наружу через заставу пуговиц дорогой рубашки.

Нет, дела шли хорошо, даже слишком. Но расстраиваться было от чего.

Не так давно на него вышел один очень странный человек. Он сразу обозначил свои знания про Резервный мир. Однако он не был ни альнеломом, ни грисом. Впрочем, обычным человеком он тоже не казался, хотя выглядел подобно очень хорошо ухаживающим за собой мужчиной лет пятидесяти. Он был слишком хорош, визуально походил на какого-то голливудского актёра. Аркадия Ивановича задело то, как, оказывается, может выглядеть мужчина его лет. Ему даже не хотелось думать, что его новый бизнес-партнёр был старше его. Будто чувствовалась в нём особая порода, не человеческая.

Аркадий Иванович не смог отказать, хотя всегда был очень осторожен. Видимо, Олег Рубинович Гжельский был тоже таким же хорошим бизнесменом, поэтому смог убедить в перспективности общей выгоды. Что ж, как бы хорошо Иваныч ни шифровался, новое направление бизнеса сулило приличный заработок, хоть оно и было связано с самой секретной частью его деятельности — Резервным миром.

А расстроен Иваныч был от того, что имел ощущение, будто Гжельский применил к нему какое-нибудь НЛП или самый настоящий гипноз. Иначе Иваныч не мог бы так просто согласиться на такое дело, раскрывающее его тайную деятельность. Слишком легко Олег Рубинович завязал с ним деловую связь. Тут без магии, колдунства, наваждения или гипноза точно не обошлось.

Он не мог переиграть условия сделки, отменить её исполнение. Он больше всего хотел никогда больше не видеться с Олегом Рубиновичем, что просто так пришёл к нему домой и буквально за час добился нужного для него результата. А Аркадий будто даже не сомневался, нужно ли ему это. Впрочем, так было и на второй встрече и будет на третьей. А то, что третья встреча состоится Иваныч не сомневался — ведь Гжельский обещал. Будто его слова были тяжелее звука, извлечённого из рта с идеально белыми, ровными зубами.

Но дело шло медленно. Кристина, безропотно и почти безвозмездно, согласилась стать первым подопытным кроликом, и свои обязанности она выполнила безукоризненно. С другими претендентами было сложнее. Нет, деньги нужны были всем, но Аркадий Иванович, тщательно прощупывая каждый шаг, не был уверен ни в одном из кандидатов.

Гжельский тогда обмолвился, что если будет проблема с добровольцами, то он их предоставит. Но Аркадий решил, что сам их легко сможет найти. Иначе, зачем он нужен в этом деле? Только лишь для того, чтобы просто передать Гжельскому все виды волшебных шаров, что у него были, чтобы тот разработал уникальные серебряные цершеры, причём буквально за неделю?

Жаль, что тогда язык не повернулся спросить, как у него это получилось. Они не обменялись контактами, Аркадий Иванович поменял свои адреса жительства, чтобы вновь внезапно не увидеть этого мужчину на пороге личного пространства. Но начальник овощебазы чувствовал, что Гжельский придёт и сюда.

Нет, по-своему Иваныч попытался исполнить своё обещание. Ему даже получилось

хорошо «навариться» — на него вышла девушка-альнелон. Но она, согласно уговору, не предоставила первые результаты эксперимента, и Иваныч занервничал. Хотя внешний вид Олега Рубиновича и его слова не вызывали чувства паники, но было очень неприятно — Аркадий не мог для себя сформулировать, почему ему больше не хочется лично встречаться с этим странным господином.

— Аркадий Иванович, к вам посетительница, — объявила по средству связи секретарша Кристина.

— Посетительница? — недоверчиво переспросил шеф. — Что ей надо?

— Она говорит, что пришла по вопросу аренды цеха.

У Иваныча пустовал второй цех и то, что нашёлся потенциальный арендатор, серьёзно улучшало настроение.

— Кристиночка,пусти эту посетительницу, — попросил Аркадий Иванович.

* * *

Кас побродил по рядам уличной торговли. Торговцев было мало, интересных слухов не было, оружие и простые цершеры никто покупать не хотел.

Зато старый грис Гришатре, собственной персоной, был на месте — Кас это понял по специфическим табличкам у его торгового места. Тот не стал отряжать на встречу своих сыновей, значит, хотел личной беседы с Касом.

Вагончик важного гриса был приоткрыт, на лавке перед ним не было товара, но таблички информировали о том, что редкие травы у него ещё есть в наличии — кто знал алхимию, могли их использовать для самостоятельного изготовления цершеров.

На этот рынок и официальные грисы, и официальные альнелоны закрывали глаза — тем, кто придерживался официального противостояния грисов-альнелонов здесь делать нечего. Местные торгошники достаточно осмелели, чтобы даже не шифровать свои надписи на вывесках торгового павильона, который уже грозился обрушиться, изъеденный в опорах гнилью этого мира. Но пока торговля продолжалась.

— Гришатре, ты тут? — постучал в приоткрытую дверь вагончика Кас.

— Тут, погоди снаружи, — отозвался старый грис.

Кас подождал и это не заняло много времени. Большой, авторитетный грис вывалился из своего убежища. Осмотрел гостя наглыми кошачьими глазами — за его обликом не было той пронырливости, что была у младшего поколения. Была наглая уверенность в собственном превосходстве, и не было никакого желания угодить. Он много повидал, поэтому никуда не спешил.

— Что принёс? — спросил он.

А Кас ещё обладал той пронырливостью, помогающей быстро и удачно избавиться от ненужного товара, чтобы обрести что-то более стоящее:

— Смотри, что тебя интересует...

Гришатре усмехнулся и сказал:

— Только не дешёвые бусы из стекла. После переворота грядёт новое потрясение. Я чувствую. Поэтому, давай всё, что у тебя есть из редкого. Размен не предлагаю сразу — только деньги.

— А оружие не возьмёшь что ли? — «проверил почву» Кас.

— Возьму, спрашиваешь...

— Куда тебе столько?

— Так я не себе, — признался Гришатре. — Наш глубоко уважаемый Дарин повесил на

него спрос. Так что, складывай всё, что есть. Вижу, много притащил. Как только допёр. Сложи на стеллаж. Эта вещь всегда продаётся.

— Я знал, с чем идти, — улыбнулся Кас.

— Не знал, — противно цокнул языком Гришатре. — Это я возьму, Дарин просил. Но, несмотря на всё уважение, он не в ту сторону торгует. Сейчас нужно больше ресурсов, а не оружия. Ты знаешь, о чём я. И владеть этими ресурсами очень оправданное дело. Наш мир рушится, ты сам видишь. Я скоро свалю, под этим навесом уже небезопасно, как и под этим небом. Всё быстрее... ржавеет, изнашивается. Надо искать другие миры, и, желательно, без этих противостояний, бывший ты наш альнелончик-ангелочек.

— Ну, хватит про противостояние, — сказал Кас. — Цершеры на воду или на огонь надо? Боевых нет, дефицит. Или, раз тебя что-то простое не интересуется, то из серьёзного есть несколько килограмм золота. Какая цена сейчас и сколько дашь времени на консультацию с Аркадием Ивановичем?

Ему не хотелось разводить долгих разговоров про нынешние времена, о которых у всех были свои мнения, догадки. Кас не желал верить, что грядут большие перемены, ему нужна была нажива сейчас. А золото очень важный ресурс не только в мире людей, но и здесь. Оно входило в состав различных ценных цершеров. Эта сделка могла сулить хороший заработок, которого хватит надолго.

Гришатре ответил:

— Цершеры на воду и огонь возьму, но цена на них упала. Куплю за половину от курса. Не нравится — иди к Дарину, но знаешь, как с ним дело иметь...

— Знаю, — поёжился Кас, не хотелось ему к Дарину, тем более после событий прошлого вечера. — С собой у меня по две дюжины и тех, и других...

— Не торопись, — вздохнул старый грис, поправляя таблички лавки, у которой никогда не было очереди. — Про золото хороший разговор. А давай всё, что есть! Заплачу нормально!

— Нормально — это сколько?

— Надо торговаться, — сказал старый грис. — Ты же без Иваныча и шагу не сделаешь. Организуй нам встречу.

— Что бы вас всех точно выследили?

— Да брось. Не выследят, научишь нас этим своим штукам. А вообще, тут информация есть, что появились нейтральные цершеры. Ни для кого не табуированные. В том числе и для людей...

Кас вспомнил про Оливию. Сюда она точно попала при помощи таких штук. Эх, надо было больше пообщаться с девчонкой!

Кас спросил:

— У тебя есть эти самые цершеры?

— Нет, но есть кое-какая информация. Я хочу вести бизнес с Аркадием Ивановичем. Напрямую. Будет хороший доход. Не бойся, ты не останешься без крупных дел. Будешь с нами, как хороший специалист. Ты же хороший специалист?

— Пока не вижу выгоды в этом...

— А ты спроси у начальника.

— Спрошу, — сказал Кас. — Ладно, давай плати. Я тебе сегодня достаточно всего принёс. Потом приду с ответами на твои вопросы.

Кас разложил на прилавке оружие, боеприпасы, цершеры в простой упаковке. Гришатре

толстыми пальцами пересчитал выложенный перед ним скарб, его глаза заблестели, подгон был действительно хорошим. Нужно было вычесть разницу из ежепериодной оплаты и отдать деньги Касу, округлив сумму в свою пользу так, чтобы это не выглядело возмутительно.

Гришатре достал блокнот и карандаш. Быстро набросал количественные и качественные характеристики товара. Сделал подсчёт. Полученную сумму он показал Касу. Тому сумма тоже понравилась. Можно было и больше, но с Гришатре нельзя было портить отношения.

Гришатре начал быстро складывать в охапку оружие, чтобы побольше за один раз утащить к себе в вагончик. Потом остановился, спросил:

— У тебя точно нет ничего повесомее?

— Хочешь, выверну карманы! — пошутил Кас, убирая опустевшую сумку в такой же пустой рюкзак.

— Ладно, верю...

— Этот мир уже ничем не удивить. Тем, чем я располагаю...

— Мельчает твоя деятельность, — съязвил Гришатре.

— Соглашусь. Всех хороших алхимиков под своё крыло забрали официальные грисы и альнелоны. На чёрном рынке почти нет интересного предложения...

— Ну, надеюсь, ты поймёшь выгоду, — Гришатре прервал размышления Каса. — Выгоду в моём предложении. Тогда, раз ничем не удивишь, то жди здесь, вынесу я тебе твои «бабки».

Грис лениво направился в сторону своего вагончика. На удивление, он смог собрать весь товар в свои заgreбущие руки, чтобы поскорее спрятать его в своих закромах. Кас отошёл в сторону. Нормальный день. Но стоило больше узнать у Гришатре про Дарина. И зачем? Продать тому своего пленника? Надо было что-то с этим делать, но так не хотелось вступать в разборки, тем более Гришатре никогда ничего плохого про Дарина не говорил, да и Касу он напрямую не переходил дорогу.

Кас закурил, обдумывая план действий. Но хороших мыслей до сих пор не было. Когда до обеда нет хороших мыслей, то день стартовал неудачно.

В этот момент на пустом переулке рынка показалась странная парочка: молодая девушка-альнелон и какой-то неловкий мужчина в накинутом по самые глаза капюшоне чёрного балахона. Мужчина хромал, опираясь на трость, а симпатичная девушка была одета слишком легко: в футболку и короткие шорты. На её стройной талии виднелась поясная сумка. По тому, как она оттягивалась вниз, можно было предположить, что там могло находиться много цершеров.

Девушка-альнелон шла бодро, то и дело оглядываясь по сторонам. Заметив Каса, она решительно двинулась в его сторону. Хромой мужчина прохромал следом, не успевая за своей попутчицей.

Девушка обратилась к Касу:

— Гришатре где-то здесь?

— Вон его коморка, — показал Кас рукой, в которой держал уже почти истлевшую сигарету.

— А Каса не видели?

Этот вопрос насторожил гриса, он спросил:

— Зачем он тебе?

— Есть дело. За хорошие деньги...

— Опять деньги. Есть что поинтереснее?

— Это вы? — с недоверием спросила Мереня.

— Вопрос-то в чём? — грубо спросил Кас. Гришатре долго не вылезал из вагончика, это было плохо.

— Вопрос в помощи. Говорят, Кас всё знает и у него всё есть. Видимо, это не так.

Девушка демонстративно сделала несколько шагов в сторону, в этот момент её догнал хромающий мужчина. Зоркий взгляд Каса увидел под немного приподнятым капюшоном человеческие испуганные глаза. Это показалось интересным.

Пока Кас разглядывал незнакомца, Мереня разглядывала его. Татуировки на руках, тёмная одежда. Ничего приметного, даже несмотря на обилие чёрных узоров, украшающих руки по всей длине. Нельзя было ошибиться, поэтому пришлось проверить его личность.

Она незаметно обвела гриса аурой очень редкого цершера, помогающего его обладателю почувствовать основные знания о сканируемой личности, чтобы удостовериться, что перед ней именно тот самый знаменитый торговец. Грис ничего не заметил, Мереня была мастером этого дела.

Кас вернул своё внимание к девушке, спросил:

— А чем тебе Гришатре не тот, кто «всё знает и у него всё есть»?

— У меня имеются сведения, что он обманщик, а ты — нет.

Эти слова девушки ещё сильнее раззадорили Каса. Он возразил:

— Он такой же барыга, хоть и не прямой искатель наживы. Ничем не хуже. Откуда такая информация?

— Это же рынок. Тут всё продаётся. В том числе и информация. Так ты Кас или не Кас? — будто с долей ехидства спросила девушка. Она уже понимала, кто перед ним.

— Кас, — признался мужчина.

— Тогда надо уйти отсюда, чтобы спокойно поговорить...

— погоди. Так на рынке не принято, разве не знаешь? Я отдал товар, сейчас мне дадут деньги. И мы обсудим твоё дело, если оно хоть чего-нибудь стоит. Пару минут, свалите к выходу.

— Нет, подождём здесь, — сказала Мереня.

— Вы — странные. К вам могут быть вопросы в этом месте...

Кас не успел полностью выразить свою мысль, как из своего вагончика показался Гришатре. Но вышел он не один, с ним было двое его сыновей — когда они успели тут оказаться, ведь в его коморке было тихо, Кас достаточно прислушивался. Видимо, метко телепортировались. Значит, вопрос был важным.

Гришатре позвал:

— Кас, иди сюда.

Он послушался, выбросив в сторону сигарету. Мереня насторожилась.

— Вот твои денежки, Кас, — сказал Гришатре. — Кто там с тобой?

— А хрен знает, — по-простецки сказал Кас, протянув руки к пачкам денег.

В это время двое сыновей Гришатре схватили Каса за руки и повалили его на землю.

— Ты ж засранец, — сказал Гришатре, наклонившись над пленником, бессильно трепыхавшемся в руках крепких грисов. — Ты человека у себя скрываешь...

— Что? — просто для формальности спросил Кас, но он не смог добраться до какого-либо оружия, он был полностью обездвижен, а в его карманах уже шарили загребущие руки братьев, выгребая из них всё, что там лежало.

Гришатре обратился к незнакомцам:

— Идите отсюда, я сегодня больше не торгую. Или хотите под раздачу попасть, как этот обманщик?

— Извините, — сказала Меренея, но за спиной она уже сжимала свой самый мощный боевой цершер.

Фигура в чёрном балахоне проковыляла подальше от Меренеи. Марк Семёнович не хотел никаких проблем. Он хотел домой. Пусть там будет неумытая Вика и пьяный Сергей.

— Пошла отсюда! — прикрикнул Гришатре, ему нужно было торопиться, он только что получил интересную весть, и у него было мало времени всё обдумать. Да и поздно он заметил этих гуляк.

Меренея решила действовать. У неё тоже пока не было надёжного плана. Она продемонстрировала всем свой ценный цершер, крикнув:

— Отпустите его!

— У неё ЦБ-4! — хрипло воскликнул один из молодых грисов, почувствовав мощь демонстрируемого оружия.

— Ты чертовски прав! — улыбнулась Меренея.

— Она тут всё разнесёт! — пискляво сказал второй, что был помладше своего брата.

— Дура, — выругался Гришатре. — Кинув его, ты накроешь под козырьком рынка всех. И меня, и себя...

— Мне терять нечего! — улыбка не сходила с симпатичного лица Меренеи.

У неё действительно появились такие мысли, ведь за добычу редких и дорогих цершеров для встречи в этом мире со своим возлюбленным ей пришлось переступить через черту дозволенности. Об этом поступке скоро могли узнать все. Её могли наказать, и она только догадывалась, насколько жёстко.

— Тебе это зачем? — спросил Гришатре, не хватало ещё этого шума...

— Мне он нужен живым! — воскликнула Меренея.

Марк Семёнович покорно стоял в нескольких шагах от неё, он ничем не мог помочь или помешать конфликту.

Гришатре нервно засмеялся:

— Так я его не собираюсь убивать...

— Оставьте его, быстро! — крикнула Меренея, не став дослушивать его речь. И грисы приняли это за недобрый знак.

Один из братьев-грисов, тот, что был помладше, ослабил хватку, и Кас смог вступить в борьбу, которая быстро превратилась в катание по холодному плиточному полу павильона, обросшего чёрно-жёлтой плесенью. С мужчины сняли рюкзак и хорошенько помяли бока. Решительность Меренеи куда-то пропала.

Эта сцена продолжалась совсем недолго — вскоре на арене конфликта появилась Оливия с автоматом...

Глава 6

Разумеется, появления рыжей девчонки с автоматом никто не ожидал. Копотение на полу резко прекратилось, все уставились на Оливию, и она, почувствовав это внимание, звонко заверещала:

— Оставьте Касика в покое, живо!

После своей эффектной, даже немного оглушительной вступительной фразы, она начала стрелять...

У неё было уникальное чутьё. На короткий промежуток времени она вновь уловила связь с Оливером, но опять быстро её потеряла, будто что-то сильно мешало восприятию его местонахождения. Зацепившись за след Каса, она оставила поиски Оливера на потом, ведь недружелюбный грис был достаточно добр к ней, и ему грозила большая опасность — она чувствовала это.

Отдача от короткой очереди выстрелов была сильная, Оливия даже не смогла прицелиться, но пули опасно просвистели над головой некрасивого старого гриса. Несколько выстрелов попали в вагончик торгоша и сбили висящие у прилавка таблички. Гришатре пришлось пригнуть голову в страхе. Девчонку ещё несколько секунд трясло после залпа, хотя оружие быстро затихло — её палец быстро устал жать на спусковой крючок.

Касу этой паузы хватило на то, чтобы освободиться от объятий уже потрепавших его сыновей Гришатре. С руки капала кровь — во время борьбы он получил небольшое ранение, содравшее часть татуировки с предплечья.

Мужчина кинулся в сторону своих спасителей. В ботинке у него было припрятано несколько цершеров, которых не нашли грисы. Один из шариков он и достал, чтобы телепортироваться в безопасное место.

— Валим! — крикнул он, стараясь рассчитать круг лиц, которых он хотел забрать с собой подальше от этого места.

— Есть проблема, — сказала Меренея, прочитав замысел Каса.

Кас остановился, понимая, что на рыжую спасительницу его цершер может не подействовать, ведь визуально она выглядела обычным человеком, а разбираться с её истинным происхождением не было времени. Он не мог её бросить, ведь она честно старалась его спасти. Что за день — аж две девушки встали на его защиту, хотя обычно все свои проблемы он решал сам.

Во время шумихи, Меренея успела поменять своё грозное оружие на менее мощный цершер, имеющий обозначение ЦБ-1 (цершер боевой первой степени поражения), спрятав очень ценный ЦБ-4 в поясную сумку. Она замахнулась новым шаром, готовясь бросить его точно к ногам банды грисов, злобно уставившихся на неё. Она не могла знать, что у них на уме.

Самый молодой из грисов не заметил подмены цершера Меренеи. Он оперативно достал защитный магический шар, который мог на определённое время поставить бронированный купол над всеми, кто был в зоне его доступности. А в спешке вместо одной минуты он загадал десять. Ему хватило ловкости разбить свой цершер быстрее, чем Меренея заметила это защитное средство в его руке. Прозрачным, но прочным куполом он накрыл себя, брата и отца.

Меренея сказала:

— Вот теперь валим отсюда!

Её порадовал тот факт, что ей не пришлось использовать боевые цершеры и конфликт пока обошелся без жертв.

Все её послушались, даже Марк Семёнович первое время попытался не отставать. Не бежать не получалось, быстрый темп ходьбы буквально через три-четыре секунды превратился в попытку хотя бы просто ковылять быстрее обычного. Колено сильно заболело и общая слабость организма оказалась критичной для любых быстрых действий.

Девчонка с автоматом опередила всех, а потом задала важный вопрос:

— Куда бежим?

— Дай, — потребовал Кас, и, не дожидаясь ответа, выхватив из её рук автомат.

Он вовремя это сделал, ведь охрана рынка уже прознала про конфликт. Но пара коротких и точных автоматных очередей Каса заставила бдительных охранников спрятаться за бетонными защитными плитами, ненадолго лишив вооружённых мужчин желания открыть ответный огонь или применить боевые цершеры. До выхода с рынка оставалось около ста метров.

Кас обратился к Меренее:

— Дай шариков. Боевые, защитные, маскировочные — любые!

Мереня, почти не имеющая опыта боевых столкновений, послушалась и быстро протянула Касу три цершера, в спешке извлечённых из поясной сумки. Грису протянутые магические предметы не пришлись по душе, но он сумел ими правильно воспользоваться.

Первым он бросил «хлопушку» — бессмысленный цершер, который только издаёт громкий звук взрыва, не создавая какого-либо разрушения. Но данный бросок вовсе отбил у охранников рынка желание высовываться из укрытия. Вторым броском Кас создал дымовую завесу. Последний, третий цершер оказался маскировочным. Все эти действия и помогли им скрыться. Боевые цершеры Мереня приберегла для себя, но ей не пришлось их использовать, Кас всё сделал правильно.

Покинув территорию рынка, Оливия, Кас и поддерживаемый Меренеей Марк Семёнович направились в сторону леса, некогда бывшего парком, пока в этот мир не пришла чёрно-жёлтая зараза.

Беглецы скрылись в гуще жёлтой листвы. Никто не торопился их преследовать — охрана ещё находилась в замешательстве, не понимая что произошло, и безопасно ли было вообще кого-нибудь преследовать, ну а Гришатре с сыновьями ещё торчали под защитным куполом.

Первым попытался высказаться Марк Семёнович. Он тяжело дышал, скинув с головы капюшон. Он так не «бегал» лет тридцать, и то было пятисекундным ускорением за троллейбусом. Да, бегом это сегодняшнее ковыляние с клюшкой назвать было нельзя, но он, не без помощи Меренеи, справился с дистанцией — и это оказалось пределом его возможностей.

— Не могу, — сказал он, скрючившись на тёплой жёлтой траве. У пожилого человека болело абсолютно всё.

— Вот что за хрень! — выругался Кас, наблюдая из-за густой листвы за обстановкой возле рынка.

Он думал, что охрана не стала их преследовать, предполагая, что беглецы могли использовать цершер для перемещения.

— Слушай, — обратилась к нему Мереня, пытаясь не терять время зря. — Мне нужна

твоя помощь. Помоги мне совершить обмен с Дарином: с него мои серебряные цершеры, ну а с тебя то, за что ты их сможешь выменять. Ты же профи в этом. А я обещаю отплатить тебе потом. И самое главное вознаграждение: я не буду натравливать на тебя официальных альнелонов. Они давно тобой интересуются. Я хорошенько запеленговала тебя специальным цершером, не убежишь теперь...

Девушка продемонстрировала и тут же спрятала цершер, который почти невозможно было сыскать на чёрном рынке.

— Чего? — удивлённо воскликнул Кас. — А сначала ведь говорила про деньги, чёртова аферистка. Я всё равно не с вами! Пошли вы все! Делай, что хочешь! Засунь себе этот специальный цершер в... в специальное место!

В разговор встряла Оливия:

— Помоги им, что ты какой упрямый! Твой пленник сбежал, тебе надо срочно что-то предпринять!

Кас не стал ничего говорить, даже слова Оливии его не задели. Он просто сделал то, что хотел сделать ещё на рынке. Он быстро уверил себя, что здесь его спасительница в безопасности.

Он бросил себе под ноги цершер, запланировав перемещение в сторону своего убежища. И у него это легко получилось.

Очувтившись в одиночестве в соседнем к своему жилищу подъезде, Кас выдохнул. Нужно было забрать всё самое необходимое и пуститься в бега. Благо, «тревожный чемоданчик» со всем ценным и необходимым у него уже был заранее припрятан. Нужно было учесть слова Оливии о том, что Вирус сбежал, поэтому долго находиться в здании было опасно. Как он был глуп, что не пристрелил его! Какой выгоды хотел? Да и встречу с Гришатре надо было отсрочить, что только на него нашло...

Ругая себя, Кас пролез через дыры в стенах к тайнику, но тот оказался пуст. Приглушая панику, он осторожно выбрался в свой подъезд. Верёвочная лестница была внизу, но её могла оставить в таком виде Оливия или сбежавший Вирус. Но вскоре он услышал многочисленные шаги и разговоры — дом тщательно прочёсывали.

Кас узнал и Вируса, и Дарина, что стояли на два этажа выше у неработающего лифта. Там же кто-то хлопал дверями его жилища, вытаскивая за пределы уютной берлоги весь скарб Каса — все его тайники оказались разграблены.

Дела были действительно плохими. Пришлось вернуться в соседний подъезд, чтобы перевести дыхание и не наткнуться на кого-нибудь.

Там его поджидала Мереня, сумевшая отследить его перемещение своим особым цершером. Она спросила у погрустневшего гриса:

— Может, всё-таки поможешь нам? И себе тоже...

— Чем я помогу? Если тебе нужны цершеры для людей, то спроси у Оливии, она же тут как-то оказалась!

— Она... необычная, — только и сказала Мереня.

У неё было совсем мало времени, чтобы поговорить с девчонкой перед тем, как отправиться вслед за Касом. Но она быстро поняла, что Оливия не совсем человек и о Резервном мире почти ничего не знает. Мереня попыталась раскрыть её личность с помощью специального цершера, но впервые эта технология не сработала.

— Я, зато, обычный! — грубо сказал Кас, не зная, что ему делать.

— То есть, ты не против, если я передам твой след официальным альнелонам. Они тебя

давно ищут...

— Пусть ищут... ветра в поле! Я сейчас бездомный, как ты уже можешь понять! Дарин здесь...

— Не кричи! — сказала Меренея, хотя у самой было состояние не из лучших.

Завтра нужно было вновь приступить к своим обязанностям, как ни в чём не бывало. Или пускаться в бега. Нужно было решать все проблемы сегодня.

— Ладно! — Кас с досады махнул рукой. — Тут нечего делать. Есть предложения?

— Есть. Вернёмся к людям и обсудим ситуацию.

— Ну... — Кас не успел выразить мысль, как Меренея телепортировала их обоих в парк.

Марк Семёнович, всё также еле справляясь с тяжёлым дыханием, лежал в траве, а Оливия бродила по зарослям в поисках возможной надвигающейся опасности. Возвращение Меренеи и Каса её не удивило. Она только успела сказать:

— Есть хочется!

— Нужно уходить, — позвала за собой вглубь леса/парка Меренея. — Нас могут отследить из-за двойного перехода.

Кас хмуро последовал за ней. Рука продолжала неприятно саднить и кровоточить. Ещё его волновало малое количество патронов в автомате и та ситуация, за которую он себя нещадно ругал. Из тайников в ботинках удалось выгрести два цершера: один для телепортации и один боевой ЦБ-2. Больше у него с собой ничего не было.

Никто не стал помогать Марку Семёновичу встать на ноги, но как только ему это удалось, Оливия, видя его неуверенные шаги по густой траве, попыталась физически его поддержать, и ей это с неожиданной лёгкостью удалось. Несмотря на то, что походка старика, поддерживаемого рыжей девчонкой, стала заметно легче и быстрее, они отстали от Каса и Меренеи.

— Ситуация такая, — сказала Меренея, замедлив шаг, чтобы отстающие догнали их. — Мне надо вернуть цершеры у Дарина. Замять эту ситуацию, чтобы о ней никто не узнал. Цершеры помогут деду не скопытиться в этом мире. Да и тебе, юная воительница.

Они не успели познакомиться с Оливией, но Меренея уже испытывала к девчонке симпатию и некоторые опасения.

— Я в норме, — сказала рыжая девчонка, — а вот дедушке нужна помощь.

Марк Семёнович ничего не сказал. Ему было действительно тяжело. Он ещё никак не отдышался, сердце бешено стучало, сбиваясь с ритма и отдавая в виски пульсацией. Но он думал, что после такого если не бега, то импульсивного рывка ему будет значительно хуже. Даже колено вроде бы уже утихло, хоть и хромота никуда не делась. Хорошо, что клюшка была на месте.

— Времени мало, — волновалась Меренея. — Кас, у тебя небольшое кровотечение, можешь подхватить заразу. Приложи это.

Девушка помогла Касу нацепить на руку извлечённый из сумки широкий пластырь.

— А зачем тебе вообще были нужны серебряные цершеры? — спросил Кас, что тоже замедлил шаг.

— У моего парня был день рождения, — сказала Меренея. — Он человек. Я очень многое за них отдала, хотела просто показать ему Резервный мир, ничего больше...

— Человек, — усмехнулся Кас.

— Да, — не обиделась Меренея. — Я хотела устроить один романтический ужин в Резервном мире, никто бы ничего не узнал! Но за мной была слежка. Или мне показалось,

что за мной следили. Пришлось передать цершеры не лично в руки. Но их нашёл этот... пенсионер. И попал сюда...

— Круто, — сказал Кас. — А почему бы тебе не обратиться к тому, кто тебе продал эти редкие шарики?

— Я боюсь к нему обращаться...

— И кто он? Сильно страшный, что ли?

— Не скажу, — Меренея отвернулась.

— А ты скажи, — настаивал Кас. — Я знаю крупных дельцов двух миров. Это поможет нам рассмотреть ситуацию со всех сторон. Я договорюсь, у меня есть имя, некоторая репутация...

Меренея съязвила:

— Видела я твою репутацию.

Кас, не обратив на эту фразу внимания, продолжил мысль:

— Вижу по твоим не дешёвым цершерам, у тебя есть достаток, связи. Поэтому договоримся так: я возвращаю без шума и пыли цершеры для людей, а ты делаешь так, чтобы официальные альнелоны меня никогда не искали. Чтобы я исчез с их радаров. И чтоб я встал под их защиту, и они надавили на Гришатре и Дарина. Пусть они мне всё вернут и больше меня не трогают! Или я уйду, сейчас же!

— Не всё так просто, — сказала Меренея. — Не могу точно обещать, но приложу все свои силы. Если уйдёшь, то я всё равно отследю тебя...

— А я тебя застрелю! — пригрозил Кас.

— Не застрелишь, — Меренея была уверена. — Альнелоны тебя тогда точно найдут. И шкуру сдерут.

— Не найдут, — усомнился в своих словах Кас.

— Хочешь проверить? Ты у них давно на прицеле.

Кас только злобно зыркнул в её сторону.

Меренея после недолгой паузы прервала молчание:

— Он человек.

— Кто? — не понял Кас.

— Если это действительно поможет, — продолжила мысль Меренея. — Поставщика серебряных цершеров зовут Аркадий Иванович. Я мало о нём знаю. Знаю, что его так называют все. Очень неприятный человек. Ему была выгодна эта сделка не только в финансовом плане. Он попросил отследить, какие могут быть изменения в человеческом организме после нескольких переходов. Попросил сделать медицинский отчёт, который я уже заранее подделала...

— Да ладно! — удивился Кас. — Иваныч добрый, как пингвин. Но я не знал, что у него есть такие шутки... он ведь всего лишь... как много он от меня скрывает!

— Это всё очень дорого стоило, — сказала Меренея.

Но Кас не стал скрывать свои мысли, повторив обзывательство Гришатре, адресованное ей:

— Дура, — сказал он, поправив ремень автомата на плече. — Ради подростковой любви натворить таких дел. Ты подумала о последствиях?

— Я не подросток, — сказала Меренея. — А кто не дурак? Давно бы могли договориться и поделить этот чёртов Резервный мир. И нормально сосуществовать с людьми. Но, нет!

— Дурочка — Кас выразился немного мягче.

— Хватит! — сказала Мереня. — Я поступила плохо, но я взвесила все «за» и «против». Это никому бы не навредило...

Кас усмехнулся, хотя ему было не до смеха. Внутри него стала закипать злость, но он пытался пока не показывать своего негатива. Он спросил:

— А если бы этот переход навредил твоему хахалю?

— Я слышала, что кто-то уже пользовался этими цершерами. Эксперимент прошёл без серьёзных последствий... зато мой парень мне бы поверил! Поверил бы во всё, что я рассказывала про Резервный мир!

— Ты предательница, — Кас вновь обозвал Мереню. — Выдала главный секрет. А меня ещё пугает официальными альнелонами, когда у самой такие проблемы. Про противостояние грисов и альнелонов, наверное, всё подробности нарасказывала...

— Какое тебе дело до противостояния? Тебе плохо живётся?

— Жилось, — сказал Кас. — Я бы и дальше существовал вполне хорошо, просто отлично! А противостояние... у меня другая цель. Была. Слишком много открытий за день: агрессия Гришатре, Иваныч оказался немного не тем за кого себя выдавал, Дарин в моём доме. Теперь и не знаю, что делать, что стало с моей целью...

После долгого молчания в разговор встряла Оливия:

— Если цель потерялась, то теперь ты бесцельный. Бессмысленный. Заведи другую цель.

Кас брезгливо сказал:

— А вот ты вообще, кто?

— Тебя волновать не должно! — грубо ответила девчонка, крепко сжав локоть Марка Семёновича. — Мне нужно найти Оливера!

— Что за Оливер? — спросила Мереня.

— Не что, а кто! — воскликнула Оливия. — Ты сама из-за мужика пустилась неизвестно в какую авантюру, а я не могу найти своего причудного, чудесного Оливера?

— Ох, женщины, — сказал Марк Семёнович, который уже смог перевести дух, хоть и воздух чужого мира немного давил на лёгкие. Но он уже вполне бы мог идти без поддержки Оливии.

Рыжая девчонка не оставила его замечание без своего комментария:

— Мужчины, вы лучше? Что-то постоянно доказываете друг другу...

— Дело не в этом, — Мереня попыталась дать развёрнутый ответ, держа в голове мысли о противостоянии народов Резервного мира. — Кто-то хочет играть в... в волейбол. Они играют! Кто-то любит смотреть, как они играют. Кому-то всё равно. А кто-то хочет делать поделки разные, и делает. Кому-то это нравится, кто-то покупает. А кто-то не любит пылесборники, не делает их и не покупает. Это нормально, никто не против же. А кто-то любит конфликт. Хочет провоцировать, нарываться, изо всех сил отстаивать своё мнение. Но, конечно, не все поголовно хотят это делать, не все хотят участвовать в этом — кто-то же должен играть в волейбол и делать всякие поделки. Но когда противостояние превышает все... пределы, то это касается всех. И тех, кто играет в волейбол, и тех, кто хочет делать поделки. И вот... хочешь, не хочешь, а вовлекаешься...

Кас перебил:

— Иначе не будет возможности делать поделки, играя в волейбол. Мир зависит от конфликта. Хочешь мира — готовься к конфликту...

— У меня два вопроса, — прервала мужчину Оливия. — Неужели нельзя отгородить от мира тех, кто хочет этого вашего конфликта? Пусть конфликтуют только между собой без любителей поделок и этого самого... волебола?

Кас злобно, непродолжительно рассмеялся, Марк Семёнович ещё больше погрузился из-за собственных мыслей, а Меренея не выказала эмоций — ей не понравилось то, как она только что сформировала свою мысль.

Оливия продолжила:

— Нечего ответить? А второй вопрос в другом: что такое волебол?

Марк Семёнович решил блеснуть знаниями:

— Волейбол — это увлекательная командная игра, суть которой не дать мячу опуститься в зоне своей команды и переправить его за сетку, на сторону противника так, чтобы тот не смог его принять, чтобы он опустился в его зоне. Это если вкратце. А про этот конфликт я тебе ничего не отвечу... я только сегодня узнал о существовании грисов и альнелонов. Мне Марина рассказала. И я не понимаю, кто там плохой, а кто хороший...

Меренея ответила Марку Семёновичу:

— Никто не плохой и никто не хороший. Просто из дальнего прошлого тянется это противостояние, закрепляется на генном уровне неизлечимым диагнозом вражды...

Оливия перебила:

— Не интересно. Почему бы не превратить все противостояния в волей... бол?

— Ну, — решил высказаться Кас. — Конфликт это своего рода волейбол, только там погибают, цена победы выше.

— Я не пойму, — сказала Оливия.

Марк Семёнович перевёл разговор в другое русло:

— Жаль, что ты до сих пор не смогла найти Оливера.

Оливия ответила:

— Я не сразу вспомнила, где мы могли видеться. Ну и угораздило вас! Сидел бы дальше на скамейке...

— Да, — улыбнулся Марк Семёнович, девчонка ему нравилась больше грозного мужчины с кошачьими глазами и неуверенной в правильности своих речей и поступков Меренеи. — Давайте знакомиться официально. Прошу прощения, но я мог не так услышать имя молодого человека...

— Не человека, — огрызнулся Кас. — Что моё имя тебе даст?

Но Оливия поддержала мысль Марка Семёновича:

— Меня зовут Оливия. Грубияна зовут Кас, но он добрый.

Меренея представилась сама:

— В Резервном мире я — Меренея. В мире людей — Марина.

Семечкин назвался просто — Марком.

На этом знакомство закончилось.

Через некоторое время Кас спросил у Оливии, приспустив автомат на уровень более близкой доступности для приведения его в боевую готовность:

— Так всё-таки, как ты смогла меня найти? Может быть, с грисами около моего жилища ты оказалась не случайно?

В ответе Оливии не было и тени смущения:

— Я чувствовала твой след. В первый раз мне показалось, что ты сможешь мне помочь, когда я добралась до той дыры, где ты живёшь. А найти тебя во второй раз не составило

труда, след стал отчётливым, так как мы уже были знакомы.

Но Каса этот ответ не устроил, он сильнее вцепился в рукоятку автомата, спусковой крючок был совсем рядом. Оливия со стариком оказались прямо перед ним. Кас задал новый вопрос:

— Как почувствовала? Объясни — кто ты такая и откуда взялась!

— Чутьём своим почувствовала, что непонятного-то? — сказала Оливия, ей не понравился тон гриса. — А откуда я взялась не твоё дело!

Нужно было идти дальше, но грис стоял прямо у неё на дороге, не пытаясь сдвинуться с места. Пришлось остановиться.

Кас задал третий вопрос:

— Что сейчас говорит твоё чутьё?

Оливия недолго думала над ответом:

— Оно говорит, что пошёл ты в со своими подозрениями, которые должен был высказать раньше! Ты ведь впустил меня в свой дом! Если бы у меня были бы какие-то намерения против тебя, то ты был бы мёртвой кочерыжкой!

Она явно разозлилась. Меренею этот настрой Каса смутил, она достала из поясной сумки боевой цершер, но не для возможности его применения, а для собственного успокоения. Она больше думала о последствиях той ситуации, в которой оказалась. Оливия ей нравилась, но она выглядела крайне неестественно в этом чёрно-жёлтом мире.

Кас не отступал, резко настигнувшее плохое настроение заставляло его задавать новые вопросы:

— Ты за грисов или альнелонов? За Дарина? Это ты отпустила Вириса?

Оливия не дала задать ему новых вопросов, прервав его:

— Какой же ты тугой! — она даже не думала называть его «тупым». — У меня чутьё! По нему я ищу Оливера между вашими скверными мирами! И тебя также нашла, потому что я выбилась из сил и нарвалась на компанию негодяев. И ты мне мог помочь и помог! А я хотела помочь тебе! И помогла, между прочим! Что сложного? Я ни за тех, ни за других! Я — за Оливера!

Кас выдохнул и с угрозой в голосе озвучил свой вывод:

— Меренея легко рассказала о своей глупости, а о тебе я ничего не знаю. Придётся рассказать.

Марк Семёнович попытался заступиться за девчонку, которая была значительно ниже его, но помогала ему крепко держаться на ногах:

— Уважаемый! — сказал он с достоинством в голосе. — Вам не следует винить в неудачах эту добрую девушку...

— Заткнись, — велел Кас старику. — Я всегда работаю один и не привык никому доверять. Все перевели дух? Теперь пора приводить в порядок нашу ситуацию. Оливия, рассказывай всё!

— С чего начинать рассказ? — в голосе Оливии была издёвка. — С момента зарождения вселенной? Так я не была его свидетелем. А то, что я своими глазами видела, так тут даже не знаю о чём рассказать, многогранность всех миров не отследили даже Безликие...

Кас занервничал:

— Ты издеваешься? Как у тебя язык повернулся упомянуть Безликих?

Меренея резко выбрала сторону в этом конфликте:

— Что ты знаешь про Безликих? — она встала рядом с Касом.

— Не буду ничего говорить! — с обидой сказала Оливия, сняв со своего хрупкого плеча руку Марка Семёновича. — Я вообще уйду! Есть хочется!

После этого жеста она развернулась и пошла в сторону чащобы леса, из которой они не без труда совсем недавно выбрались. Её переполняла обида. Прежде чем ускорить шаг она обернулась и воскликнула:

— Если я сильно захочу, то Безликие придут сюда. И вам будет плохо. Но я этого не хочу. И объяснять что-то не буду! Вы этого не достойны!

Она скрылась в чёрно-жёлтых зарослях.

Первым оживился Марк Семёнович, его начала переполнять какая-то энергичная жизненная сила. Возможно, от стресса, переживаний. Он сказал:

— Вы хоть и велели мне заткнуться, но я считаю, что девочка ни в чём не виновата. С таким же успехом вы можете обвинять меня!

— Точно, — сказал Кас, направив дуло автомата в его сторону.

— Стоп, — сказала Мереня, спрятав в сумку так и не раскрывшийся в собственной силе цершер. — Историю этого пожилого господина я уже рассказала. Он почти не виноват. Виновата я. А про Оливию ничего не могу сказать, тут уж извините... очень странная девочка. Я тоже считаю, что сложно кому-то доверять, но и поводов для негатива она не давала.

— Я спас её, — сказал Кас. — Её могли покровсать эти дикие гисы Дарина. Потом она спасла меня. Впрочем, ты тоже хотела меня спасти. Ну, или подорвала бы всех своим ЦБ-4...

— Что ещё за претензия? — возмутилась Мереня.

— Заварила ты кашу! — упрекнул Кас.

— Кашу? — вновь возмутилась Мереня, на этот раз из-за нелепой поговорки. — Но ты же согласился мне помочь, у нас уговор. Оливию здесь никто не держал, она сама пошла с нами. И, как я понимаю, сама пошла спасать тебя. А потом тебя кусает за попу злая собака, и ты решаешь на неё «наехать»...

Кас злобно улыбнулся:

— Но ты же понимаешь, что она здесь не просто так...

— Я не знаю! — сдалась Мереня. — Я ни в чём не уверена. Предлагаю поговорить с ней помягче. Откуда ей знать про Безликих? Если честно, то меня это просто немного пугает!

Марк Семёнович решил, что и ему есть о чём сказать:

— Меня не пугает! Я вернусь за ней! Мне лучше быть с ней, чем с вами! Она хотя бы помогала мне идти! Отдала тебе оружие, Кас. В ней я, в отличие от вас, не сомневаюсь. Одна дуручка молодая, а другой дурачок без грамма совести. Я лучше с Оливией пойду. Она не пропадёт, а вы в своей злобе точно ничего не добьётесь!

— Вали к чёрту, — сказал Кас, опустив автомат.

Он устал и хотел курить. Но всё осталось в потерянном в бою рюкзаке. Эх, а дома лежали запасы дорогого алкоголя, еды, драгоценностей. Может быть никотиновая ломка повлияла на его настроение и действительно не стоило срываться на Оливию...

— Вот и пойду! — старик снял с себя кофту Меренеи и отдал вещь хозяйке. Потом поковылял в сторону зарослей, пытаясь по мятой траве определить путь Оливии.

— Ну что? — Кас обратился к Меренее. — Давай выберемся отсюда вдвоём, если наш

договор ещё в силе. Они только обуза. А сейчас, если у тебя осталось много цершеров, то давай перенесёмся сразу во владения Дарина. А там сориентируемся. А то идти ещё далеко...

— Нет, — сказала Мереня. — Я не уверена, что это будет правильно.

— Она не уверена! А что тогда правильно? — спросил Кас, не зная ответа.

— Подумай, ты же мужчина, — сказала Мереня, приминая подошвой кроссовка высокую, но редкорастущую траву Резервного мира, чтобы та не щекотала оголённые стройные ноги.

— Твою, блин, мать! — выругался Кас. — Как легко вам, девушкам, взваливать всю ношу на мужчин...

— Извини, — сказала Мереня. — Я догоню Марка... и Оливию. Мне есть о чём с ней поговорить. А ты делай, что хочешь. Договор расторгнут. Свободен.

— Ах ты... — Кас не знал, какое обзывательство озвучить на этот раз.

— Я знаю, кто я, — перебила его Мереня, не дав придумать себе новое оскорбление.

— Подожди, — остановил девушку Кас, аккуратно поймав её запястье своей рукой. Собственная переменчивость настроения напрягала его. — Я сам не знаю, что делать. И, не смейся, я даже начал чувствовать вину перед Оливией. Нам надо вместе «разрулить» эту ситуацию...

— И зачем нам друг другу доверять? — сказала Мереня, быстро избавившись от тактильного контакта с грисом.

Но Кас нашёл ответ:

— Давай не будем друг другу доверять. И им тоже. Но догоним их. И наш договор останется в силе. Я всё потерял. Надо с чего-то начинать всё сначала...

Мереня вроде бы даже улыбнулась. Она встречала мужчин, которые твёрдо стояли на своём, придерживались своих принципов. Но так редко ей встречались те, кто мог найти компромисс. Это выглядело разумно, производило хорошее впечатление. Наверное, умение найти компромисс это свойство торговцев, а не воинов? Но сейчас это не важно, ей совсем не хотелось воевать и она была рада, что ей так и не пришлось использовать свои боевые цершеры. Да и Кас не всегда, оказывается, бывает невыносимым.

Они поспешили догнать Марка и Оливию.

* * *

Аркадий Иванович, увидев молодую гостью, широко заулыбался. Ему визуально понравилась стройная брюнетка в белом с серыми вставками платье. Мужчина пригласил возможного арендатора в переговорную — данное помещение не вызывало столько вопросов, чем личный кабинет начальника овощной базы. Он деликатно пододвинул удобное кресло, чтобы девушка могла присесть. Потом мужчина попросил Кристину «организовать» им кофе, однако гостя отказалась.

Тогда Аркадий Иванович тоже отказался от тонизирующего напитка, после чего сел напротив незнакомки на своё кресло, которое было чуть выше кресла собеседника, чтобы тот не чувствовал себя здесь выше хозяина этого криминально-овощного мирка.

Потом он посмотрел на свои дорогие часы, просто чтобы обозначить перед гостьей, что они у него есть, и что он ценит и своё, и чужое время. После чего он сделал участливый вид. Его настроение было хорошим, он был даже готов предложить скидку.

Но как только секретарша оставила их наедине, девушка сказала:

— Я от Олега Рубиновича Гжельского. Его беспокоят предварительные результаты

эксперимента.

Настроение мужчины упало. Он немного подумал, но всё-таки решил начать разговор так же, как и планировал его до того, как узнал, что перед ним человек Гжельского.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Екатерина, — ответила девушка.

— Видите ли, Катенька, — попытался добродушно улыбнуться Аркадий Иванович. — Эксперимент продолжается, но пока не в том объёме, о котором мы изначально договаривались...

— Мы в курсе, — сказала Екатерина. — Из оговоренного количества в десять добровольцев в указанную Олегом Рубиновичем клинику от вас обратилась только ваша секретарша. Этого недостаточно для статистической отчётности.

— Я знаю. Просто это не делается быстро. Тут много тонкостей, людей надо подготовить...

— У вас трудности с добровольцами?

— У меня нет никаких трудностей, — твёрдо, совсем не добродушно сказал Аркадий Иванович. Он вспомнил, что обычно никогда ни перед кем не оправдывается. — И вообще, какого чёрта? Почему Гжельский сам не приехал? Испугался, что я его на порог не пущу? И сама-то хороша, откуда только про аренду цеха узнала, шпионка сраная...

— Олег Рубинович очень занятой... — спокойно сказала Екатерина.

— Человек? — зачем-то продолжил за ней фразу Иваныч. — А ты ему кто? Дочь?

— Нет, мы не связаны родственными связями...

— Ясно, — начальник овощной базы гадко улыбнулся, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки. В этом помещении кондиционер был настроен хуже, чем в его кабинете. — Значит, связаны какими-то другими связями. Короче, Катька, скажи своему папику, что всё идёт так, как надо. Результаты будут, но позже. Вы же контролируете клинику, поэтому узнаете сразу же, как человеческие гости Резервного мира целыми вагонами к вам понесут чёрно-жёлтую заразу в своих лёгких на исследования. Надеюсь, ты поняла меня и больше не будешь меня отвлекать, а то обед скоро должны принести...

— Ещё один момент, — сказала Екатерина, которую не смутил тон собеседника. — В рекомендованную нами клинику обратилась ещё одна личность. Заказ был на те исследования, о которых вы договорились с Олегом Рубиновичем. Но эта личность предпочла эти исследования купить...

— Кто это был? — Иванычу было неприятно это услышать. Он понял, что это была его случайная, но щедрая клиентка.

— Это была девушка. Она купила сразу несколько результатов исследования. Девушка оказалась альнелоном...

— Ясно, — будто успокоился Иваныч. — Она обмануть меня захотела. Вот гадина. Альнелон, а скользкая, как грис...

— Нам нужно знать, насколько эта девушка опасна для нашего дела.

— Абсолютно безопасна...

— Мы потеряли её след. Как нам на неё выйти?

— Я скажу вам... скажу, куда вам, а точнее тебе, выйти. Выйди-ка в дверь. То, что ты мне тут говоришь, звучит, как откровенное недоверие ко мне, как к партнёру по бизнесу. Так дела не делаются.

— Олег Рубинович считает, что о нашем деле узнали те, кто не должен был узнать.

— Иди-ка отсюда, не буду я с тобой больше разговаривать. У меня всё под контролем. Если не нравится, то забирайте свои цершеры и ищите другого дурака.

Екатерина поднялась с кресла и медленно пошла к выходу.

— Подожди, — немного пришёл в себя Иваныч. — Дай контакты Гжельского. Не могу так работать непонятно на кого.

— Он сам на вас выйдет, — сказала девушка и покинула помещение.

— Чёрт, — выругался Иваныч. Как-то не получилось у него сегодня с дипломатией.

Марк Семёнович чувствовал себя достаточно бодро. Переживания об этом невероятном приключении перекрывали все недуги. Он даже на трость опирался через раз. Не хотелось думать о том, как потом отзовутся физические нагрузки и нахождение в этом месте, если несмотря на небывалую энергичность чувствовалось, как наполненный какими-то едкими микрочастицами воздух оседает в лёгких совсем не полезным грузом. Зато мужчине не было страшно. Даже тогда, когда была близка опасность.

Он не просто жалел Оливию, у него появилось странное понимание — когда девчонка пыталась ему помогать, то будто каким-то неведомым магическим даром заряжала его жизненной энергией. Боль и усталость отступали, будто и дата рождения в паспорте становилась менее устрашающей. Но Семечкин чувствовал, что этот эффект не будет с ним долго — вот уже и больное колено стало не таким гибким и начала появляться одышка.

Вокруг было всё также красиво. Чёрно-жёлтые деревья не качали приветливо кронами, зато были такими же величественными, как и земные вековые дубы и сосны. Небо странно мерцало то тёмной, то жёлтой дымкой. Источник света висел где-то сбоку, но его мощности хватало, чтобы этот лес выглядел живым. Не хотелось думать, что здесь может наступить ночь и тёмные оттенки этого мира станут ещё темнее, а позолота сдастся беспросветному мраку.

Хорошо, что будто высушенная жёлтая трава Резервного мира достаточно долго восстанавливала свою форму после того, как по ней кто-то прошёл. Поэтому по характерным примяностям травяного покрытия Марк Семёнович смог определить, что Оливия отклонила свой курс от их прежней дороги, и пошла куда-то туда, где кустарники были гуще, а деревья стояли кучнее. Мужчина пошёл по новому следу.

Спустя некоторое время ему попалось поваленное дерево. Захотелось присесть. Не то чтобы он сильно устал, но жизненная энергия была уже не той, что минут пятнадцать назад.

Присев на дерево он глубоко вздохнул. В груди этот вздох отозвался неприятными ощущениями — будто известковой пыли вдохнул. Может быть, и смерть в этом месте не такая тяжёлая. Уснёшь, задохнёшься, и всё тут.

Но Марку Семёновичу совсем не хотелось умирать. Были ощущения, что-то должно произойти, ведь недаром жители этой местности такие агрессивные, недружелюбные, вечно ищущие свою выгоду. Впрочем, как и люди. Это не должно удивлять.

Семечкин не заметил, как к нему сзади кто-то подкрался, аккуратно прячась за тёмными стволами деревьев. Но незнакомец не стал долго таиться. Вернее, это было два незнакомца.

— Ты один? — спросил вооружённый автоматом мужчина, чем-то похожий на Каса.

— Один, — вздрогнул Марк Семечкин. — Как жена умерла, так совсем один...

— Где твои подельники? — продолжил расспрос грис.

— Подельники-бездельники, — сказал Марк.

Нет, он не любил стихи, но на маленькое мгновение был рад пришедшей в голову рифме. Почти в этот же момент ему в голову по касательной прилетел и удар прикладом автомата.

Нет, удар был совсем не сильный, но много ли надо старику, чтобы упасть? Хорошо, что трава была мягкой. Её пряный запах быстро ударил в нос. С приятностью этого запаха

вернулось осознание сильной ядовитости этого мира. Да, тут явно не стоит нюхать местные цветочки.

В первые секунды после удара подать хоть один признак жизни оказалось затруднительно, но сознание ещё было в норме — вот, траву нюхало...

— Ты убил его? — спросил второй мужчина с автоматом. Альнелон. Только очень небрежно выглядевший, будто специально, в нарушение стереотипа, что все альнелоны те ещё аккуратисты.

— Я легонько, — сказал грис, наклонившись над стариком. — Чтоб он не юморил...

Оливия запоздала. Она успела почуять, что Марк Семёнович пошёл по её следам. Не совсем рядом были охранники с рынка, которых подкупил Гришатре на поиски беглецов.

Она подросла только к тому моменту, когда грис ударил старика. Расстояние было большим, быстроты её бега не хватало.

Но когда Оливия оказалась на месте развернувшихся событий, то успела хорошенько ковырнуть ногой зад склонившегося над стариком гриса. Отправляясь в полёт тот не успел задеть всё ещё лежащего в траве пожилого человека, но хорошо впечатался головой в ствол поваленного дерева.

Второй негодяй тут же направил автомат в её сторону, но девчонка просчитала этот манёвр и набросилась на него восходящей силой в область солнечного сплетения. Удар маленьких кулаков был сильным, но недостаточным, чтобы уронить более рослого, чем грис, альнелона. Тот немного нагнулся, а Оливия попыталась выхватить у него автомат, но мужчина крепко его держал.

Сил у альнелона было больше, он уже начал перетягивать оружие в свою сторону, как его молодецкую мощь обрубил удар клюшкой по голове.

Марк Семёнович постарался. Он никогда не бил людей клюшкой, но в данной ситуации у него не было выбора. Удар пришёлся куда-то в область шеи. Альнелон быстро ослабил хватку и свалился в кустарник. Оливия тоже упала, нелепо отбросив в сторону чужое оружие.

Старик помог ей подняться. Девчонка не выглядела напуганной или уставшей. Она выглядела торопящейся.

Оливия сразу же доложила о причине своей спешки:

— Короче, — сказала она, протягивая старику какой-то синий камень. — Вот тебе... штука. Я должна бежать. Только что наткнулась на след Оливера. Этот след очень нестабильный, я не должна его потерять. Понимаешь?

— А что мне с этим делать? — спросил Марк, взяв в руки небольшой камешек, полностью скрывающийся в ширине ладони.

Оливия не стала сразу отвечать на вопрос. Она выхватила из рук старика его клюшку и несколько раз хорошенько огрела головы альнелона и гриса, чтобы те даже не попытались встать. Это выглядело жестоко.

Оливия выдохнула, и, вернув клюшку владельцу, объяснила:

— Нужно только взять этот камень в руки, как увидите Оливера. Подумать обо мне. И я приду. Это на тот случай, если я опять потеряю его след, а он тебе встретиться. А теперь беги отсюда. Думаю, сил хватит поскорее скрыться, пока эти два оболтуса не пришли в себя...

— Но как это работает? — не понял старик.

— Неважно, — сказала Оливия. — Бегите. Бежать — это важно для тебя.

— Подожди, — попросил Марк Семёнович. — Ты есть хотела, возьми.

Он протянул ей шоколадку, что лежала в кармане ветровки.

Девчонка взяла подарок, поблагодарила:

— Спасибо. Надеюсь, это и вправду вкусно. Есть действительно хочется. Ладно, мне нужно бежать. Никто из вас не должен идти за мной. У нас разные пути.

Она дотронулась до его плеча. Это выглядело простым дружеским приободряющим жестом. Но как только свершилось прикосновение, Семечкин почувствовал новый прилив сил. Нет, нарастающий дискомфорт в колене не прошёл, но ему стало проще совладать с гравитацией, которая тянула его к земле, чтобы присесть, отдохнуть.

Девчонка направилась в сторону кустов, где всё ещё валялся альнелон. На прощание она сказала Марку Семёновичу:

— Кас и Меренея уже близко, будь рядом с ними. Они смогут защитить.

Она скрылась из виду, но мужчина не сразу послушался её наставлению. Он всё оглядывался по сторонам, не понимая, откуда на этой опушке смогут появиться его недавние попутчики. Да и удар прикладом отзывался дискомфортом в области шеи — приходилось подстраиваться под эти ощущения, чтобы понять, какие движения были опасными.

И это промедление грозило обернуться новыми проблемами.

Первым пришёл в себя грис. Он резко поднялся на ноги, нащупал в траве ствол своего автомата.

Но применить его смертоносную силу ему не дали. Кто-то, стоящий за его спиной, резко применил для него телепортационный цершер, который отправил агрессора в путешествие в озеро, которое находилось где-то в Карелии. Ледяная вода в лесу мира людей должна была охладить его пыл. Меренея, применившая этот цершер, вглядывалась в кусты вокруг небольшой опушки, вычисляя новых врагов.

— Второй там, — Марк Семёнович показал клюшкой в сторону кустов, где должен был лежать альнелон. Но тот успел куда-то отползти, не привлекая внимания.

Кас тут же ринулся в указанную стариком сторону, распинав ногами ветки густой растительности, но за ними никого не оказалось.

Меренея напряжённо всматривалась в темноту окружающих опушку растений. Чёрный оттенок этого мира хорошо маскировал тех, кто пытался в нём спрятаться.

— Надо уходить, — сказала девушка, боевой цершер в её руках был готовым раздробить на части любого врага. — Где Оливия?

— Ушла, — сказал Марк Семёнович. — Просила не ходить за ней. Говорит, нам с ней не по пути...

Меренея улыбнулась:

— Вот оторва!

Кас вылез из кустов. Тут же упрекнул Меренею:

— Не могла того гриса отправить отсюда без оружия? Применить не телепортировочный, а боевой цершер?

— Ворчун чёртов, — Меренея ответила обзывательством на упрёк. — Я применила то, что было необходимо. Но теперь пощады не будет, надо экономить телепортационные цершеры...

— Вот и отлично, — сказал альнелон, вылезший из зарослей черневельника со стороны Меренеи. — Отдай мне их все! Никому не двигаться. Застрелю её.

Дуло его автомата смотрело прямо в спину девушки. Марк Семёнович и Кас, стоящие справа от неё и также находящиеся под линией огня, замерли.

— Давай быстрее! — альнелон был настроен решительно, его руки не дрожали.

— Сейчас, — только и сказала Меренея. — Мне нужно залезть в сумочку. Вот так...

Девушка аккуратно расстегнула набедренную кладь и нарочито медленно, по одному, стала доставать цершеры. Альнелон нетерпеливо и внимательно смотрел за её манипуляциями, успев сделать предупреждение:

— Только не кидай. Передай прямо в руки. Нет. Лучше оставь их в сумке. Да. Теперь сними сумку и передай её мне.

— Ага, — сказала Меренея, медленно отстёгивая сумку.

Кас вмешался в кажущийся по интонациям миролюбивым, если бы не оружие, диалог.

— Подожди, — сказал он. — Не отдавай...

Альнелон криво улыбнулся, не сведя автомат с Меренеи. За то время, что она мешкалась с ремнями сумки, он сократил расстояние до девушки на несколько шагов и был уже совсем близко, чтобы удобнее принять то, что требовал.

Девушке пришлось отвлечься на слова Каса:

— Как не отдать. Он же просит.

Кас сказал:

— Вот безотказная девка!

Он усердно заставлял себя думать, как выйти из этой ситуации. Прицельно выстрелить он не мог, быстро достать свой цершер тоже, но и увесистую сумку с магическими шарами отдавать просто так не хотелось.

— Безотказная девка?! — возмутилась Меренея.

— Давай живее! — поторопил вооружённый альнелон.

— погоди, чувак, — обратился к нему Кас. — Ты на кого работаешь?

— На Гришатре, — ответил тот. — Сейчас это не важно, если в её сумочке будет хороший арсенал. Обещаю, если дадите мне уйти, то я ничего никому не расскажу.

— Как мило, — сказала Меренея. У неё больше не было возможности тянуть время. Сумка была отстёгнута. Она ничего не придумала, да и Кас не выручил.

Альнелон выхватил у неё из рук дорогой аксессуар, наполненный значительно более дорогим ресурсом.

— Ого, — удивлённо прикинул альнелон вес переданного ему предмета.

Он тут же запустил руку вглубь сумки, чтобы пощупать энергию цершеров, что стали его добычей. Разнообразие ощущений от магических предметов ненадолго затмило его разум.

Кас тут же воспользовался этим моментом. Он резко вскинул автомат и прицелился. Но осторожный альнелон заметил этот жест — он отскочил в сторону.

Но использовать огнестрельное оружие альнелону было неудобно, но у него под рукой было несколько цершеров, один из которых он тут же и выкинул в сторону неприятелей...

* * *

Как только гостя покинула территорию овощной базы, задумчивый Иваныч вылез из переговорной.

— Она ушла? — спросил мужчина у секретарши.

Та, проверив по мониторам, ответила:

— Ушла. Покинула стоянку.

— Пешком?

— Пешком, — сказала Кристина. — Что-то случилось?

— Отмени заказ обеда. Ты сегодня на машине?

— Нет, она второй день в автосервисе...

Иваныч не стал слушать до конца её рассказ про беды с автомобилем. Ему нужно было свалить отсюда, лечь на дно, подумать, собраться с мыслями. У него было стойкое ощущение, что его голову сломали. Что кто-то управляет им помимо его воли. Его воля была скрыться, спрятаться, не связываться с Гжелским, но будто сам Олег Рубинович сидел у него в мозгах и приказывал продолжить начатое дело. Как только мог Аркадий Иванович из твёрдого хозяйственника за такой короткий срок превратиться в непосредственного истероидного балбеса?

Мужчина медленно погрузился в своё удобное кресло, окинул взглядом кабинет. Его впервые в жизни напугала возможность того, что среди нарисованного на полу круга появится Кас — у них это было в порядке вещей, если знакомый грис находил что-то особенное, то он мог явиться раньше оговоренного срока. А что если в круге появится кто-то другой? Об этом Иваныч никогда не думал, так как хорошо знал механизм перемещений от того же Каса.

Мужчина потеревил редкие волосы на голове, достал из ящика какой-то цершер и со всей злости кинул шарик в дальнюю стену своего кабинета. Нет это был не серебряный цершер, а какой-то более простой, бесполезный для людей. Тот не долетел до цели, лишь громко стукнулся о деревянное покрытие пола и откатился в сторону не повредившись.

Иваныч достал из кармана мобильный телефон, позвонил Горбачу.

— Можешь подъехать? — попросил он подчинённого.

— Буквально через полтора часа, — ответил ему Горбач. — Мы сейчас с Ковалем на рыбалке в области...

— Двигай ближе к базе, можешь понадобится. Бери всех своих.

— Понял, — сказал Горбач.

Потом Иваныч позвонил Серому.

— Вы где?

— Возвращаемся, — сказал Сергей Семечкин. — Дело прошло успешно.

— Будьте готовы, что на базе может случиться ЧП.

— Понял, — Сергей повторил за Горбачём важное для начальственного уха слово.

Иваныч положил телефон на стол. Серебряные цершеры тоже на всякий случай были под рукой, но так не хотелось их использовать. Не зря Рубинович проводил исследование того, как скажется на человеческом здоровье перемещение в Резервный мир. Тот мир чужой, и, по рассказам Каса, там человеку нечего было делать. Оказаться там всё равно, что попасть в бразильское гетто, где тепло местности обманчиво, а опасность непредсказуема.

Нужно быть жёстче с этим Олегом Рубиновичем. Нужно поставить этого лощёного метросексуала на место!

Иваныч хищно улыбнулся и достал из сейфа пистолет. Пришлось понизить температуру помещения и надеть пиджак, чтобы спрятать кобуру. Пусть приходит этот колдун. У Иваныча уже была отработана схема, как спрятать труп, хоть и Кас не был рад таким поручениям. Удивительно, но живой человек раньше не мог попасть в Резервный мир, пока не изобрели серебряные цершеры. А вот труп человека всегда туда можно переместить легко и просто — там он бесследно разлагался в рекордно быстрые сроки.

* * *

Альнелон, завладевший сумкой с цершерами Меренеи, выбросил атакующим

намерением боевой магический шар, чтобы нанести как можно больше урона противникам. А лучше убить их, ведь Кас, известный в округе торговец, уже был готов выстрелить в альнелона из человеческого оружия.

Но из-за того, что альнелон не успел чётко сформировать своё намерение, боевой цершер не сработал. Лишь журча едкой кислотой шар растворился в жёлтой траве, испарив много чёрного дыма в и так ядовитый воздух.

Кас стрелял наверняка, чётко воспроизведя в памяти то место, где стоял нелепый альнелон. Но на выстрелы он поспешил — нужно было экономить патроны. Пули прошли мимо.

Лишь только показался проблеск в дымовой завесе, альнелон, вместо того, чтобы использовать телепортационные цершеры и свалить отсюда как можно дальше, вытащил ещё один боевой магический шар, чтобы выбить дух из тех, кого Гришатре приказал найти живыми или мёртвыми.

Меренея на этот раз успела подготовиться. Ловко спрятанный боевой цершер был оперативно вытасчен наружу и вовремя раскрылся, и девушка успела бы его применить, если бы не новые одиночные выстрелы Каса. Пришлось отступить за толстый ствол поваленного дерева, где уже прятался старик.

Альнелон успел бросить цершер. Раздался взрыв — хорошо, что это был слабый боевой цершер, иначе Каса бы разщепило так же, как и трухлявую древесину, недолго служащую убежищем для человека и девушки-альнелона. А так грися просто отбросило в сторону, легко контузив.

Приспешник Гришатре всё-таки додумался до того, чтобы телепортироваться куда-нибудь подальше от этой опушки. Но, прежде чем применить телепортационный цершер, он должен был застрелить Меренею — девушка находилась слишком близко и могла попасть в его телепортационное поле. Он был не слишком умелым телепортатором, да и с предыдущим броском цершера вышла нелепая осечка. Рисковать — себе дороже.

Он нажал на спусковой крючок. Но автомат заклинило. Такое нередко случалось с человеческим оружием без ежедневного тщательного ухода за ним. Мужчина щёлкнул спусковым крючком ещё несколько раз...

Но Меренея не стала ждать момента, когда оружие противника придёт в себя.

Она успела кинуть заранее припасённый и настроенный на атаку боевой цершер. Альнелона разорвало на мелкую пыль как раз тогда, когда Кас смог оклематься после непродолжительного полёта. Он видел эту мгновенную гибель и даже успел восхититься броском девушки — шар попал точно в цель, не оставив шансов мужчине-альнелону. Ядовитое зарево быстро испарилось, никого даже не забрызгав следами чужой смерти.

Но девушка, казалось, не была рада такому исходу. Она не торопилась подбирать свою сумку. Пара цершеров повредились при взрыве и тлели в шипящей жиже прямо на траве. Вместо девушки сумку поднял Кас и вернул владелице.

— Надо бы уйти отсюда, — сказал он. У него немного шумело в голове, но мужчина достаточно быстро пришёл в себя.

Меренея согласилась с его предложением. Она помогла Марку Семёновичу подняться на ноги, обратив внимание на то, как он нервно теребил в руках какой-то синий камень. Но она совсем не чувствовала силы этого предмета.

— Всё нормально? — спросила у него девушка.

— Не уверен, — ответил Марк Семёнович, убрав камень в карман, чтобы удобнее

опираться на клюшку.

— Давай шустрее, трёхногий, — поторопил Кас, также помогая старику быстрее перебирать своими длинными тонкими ногами и клюшкой, дабы поскорее покинуть место происшествия.

Они в достаточно быстром темпе преодолели большое расстояние, и вышли к склону, где кончался лес. Меренея чуть кубарем не свалилась вниз, но Кас вовремя поймал её за руку.

Когда она отошла от мимолётного испуга, то сказала ему:

— Не считай, что мы квиты!

Он ответил:

— Я вообще не считаю, что тебе что-то должен. Я должен нашему уговору.

Перед ними раскинулись руины города, покрытые чёрно-жёлтой растительностью: виднелись заброшенные высотные дома, подобные жилищу Каса, а также совсем рядом полностью утопали в траве и мелколесье малоэтажные застройки. Между ними проходили полосы малохоженных за последнее время дорог.

Марк Семёнович спросил:

— Что всё-таки случилось в этом мире?

Кас ответил:

— Есть предпосылки считать, что здесь была война до того, как мы сюда попали. В войне не оказалось победителей, мир опустел, пожираемый чёрно-золотым излучением после применения какого-то оружия. Вполне логичный финал любого мира.

Когда они спустились к одной из дорог, ведущей через город к противоположному холму, также покрытому лесом, Марк Семёнович, всё ещё думающий о словах Каса, спросил:

— Вы хотите также?

— Что? — не поняла Меренея.

Семечкин продолжил мысль:

— Хотите также загубить своё существование своими противостояниями?

Меренея не захотела говорить об этом. Она высказалась о менее глобальном — о сложившейся ситуации:

— Что будем делать дальше?

— Надо думать, — сказал Кас. — Но открытую местность нужно пройти как можно скорее. Идём к холму. Там локация лучше, нас будет сложнее отследить.

— Пожалуйста, — попросил Марк Семёнович, придерживаемый за локоть Касом. — Давайте сделаем привал, как доберёмся к тому холму. Он выглядит очень высоким. Мне нужна передышка. У меня заболело колено... и очень хочется пить.

Меренея, идущая сзади них, сказала:

— Я могу быстро переместиться в одно место. Взять еды, разных цершеров...

— Подожди, — сказал Кас. — Мы столько шли сюда, чтобы себя выдать? Давайте взойдём на холм, и там ты совершишь прыжок. Мы тут как на ладони. Удивительно, что нас ещё не догнали. А там, если повезёт, то твою телепортацию не отследят.

— Разумно, — согласилась Меренея.

— Даже не будешь спорить? — спросил с улыбкой Кас, обернувшись в сторону идущей позади девушки.

— Не буду, — ответила она.

— Сильно устала? — в голосе Каса послышалось сочувствие.

— И это тоже, — ответила Меренея.

— Скучаешь по своему парню?

— Нет, — этот вопрос не застал Меренею врасплох. — Я думаю о том альнелоне, которого я рассыпала на части. Мне жаль, что он погиб.

— Жаль, потому что он альнелон? — спросил Кас.

Марк Семёнович молчал. Ему становилось всё тяжелее и тяжелее идти.

Меренея не сразу ответила на вопрос Каса. Но её ответ немного удивил гриса:

— Дело в том, что я никогда никого не убивала.

— А со стороны ты выглядела тёртым бойцом, — сказал Кас, думая, что отвечает неплохой комплемент.

— Нет, — сказала Меренея. — Я проходила подготовку, как и все, но никогда не участвовала в боях. Максимум, что мне приходилось делать в опасной ситуации, так это припугнуть или, на худой конец, отправить противника плавать в озере в Карелии. Вблизи берега, там не очень глубоко. Надеюсь, тот грис выбрался...

— Выбрался, — заверил Кас. — И уже, наверное, идёт за нами по пятам. А тебе я дам совет: если не хочешь никого убивать, то тогда не бери с собой боевые шарики. Или отдай их мне.

Меренея ничего не ответила. Но Кас решил всё-таки как-то приободрить девушку:

— Не думай, что ты поступила плохо, когда спасла себе жизнь от того, кто готов был у тебя её отнять, если бы ты промедлила. И ещё я говорю тебе спасибо за то, что ты это сделала. С твоим арсеналом у нас со стариком против этого альнелона не было бы никаких шансов.

— Да, спасибо, — поддержал Марк Семёнович.

Некоторое время они шли молча. Семечкин смотрел под ноги, чтобы не споткнуться, Кас постоянно оглядывался по сторонам, а Меренея проводила ревизию в своей набедренной сумочке. Девушка смогла отделить боевые цершеры от остальных, после чего все шесть маленьких чёрных шариков она протянула Касу.

Тот восхитился таким подарком:

— Ничего себе! Тут даже ЦБ-4! Вот это подгон! Значит, доверяешь мне?

— Ты с ними лучше справишься, наверное, — равнодушно сказала Меренея.

— Спасибо, — сказал Кас, пряча цершеры по карманам. — Можно ещё одну маленькую просьбу?

— Валяй, — сказала Меренея.

— Если будет возможность, то захвати мне из мира людей сигарет. Любых. Вместе с тобой я прыгать не буду, это повысит шансы на то, что нас отследят. Да и старика не нужно одного оставлять.

— Ладно, — приняла заказ Меренея, а потом обратилась к Марку Семёновичу. — У вас будут какие-нибудь пожелания?

— Воды, пожалуйста, — ответил Семечкин.

— Не задерживайся, — сделал наставление Кас. — Когда мы поднимемся, то уйдём глубже в лес. Тебе придётся нас догонять.

— Я постараюсь, — сказала Меренея.

Они добрались до старой железной лестницы, по которой можно было взобраться из низины на живописный холм. Подъём они совершали в полном молчании.

Последние шаги по, на удивление, крепкой лестнице дались девушке легко. На повороте

лестничной площадки она даже обогнала мужчин, чтобы первой посмотреть на руины города с нового ракурса.

Едва ступив на шаткий настил самой последней лестничной площадки, девушка была сбита с ног ударом в спину.

Кас толкнул её нарочито сильно, чтобы Меренея упала как можно дальше от края, чтобы не оказаться открытой мишенью. Даже свалившись в густую траву вершины холма, она не сразу заметила, что их уже ждали.

В чувство её привёл только разорвавшийся вблизи боевой цершер, который Кас успел перехватить аналогичным магическим оружием.

Но это не помогло. Со всех сторон в них полетели ещё несколько цершеров, Кас старался их перебить, но шаров было слишком много. Зато последними патронами ему получилось отогнать несколько грисов и альнелонов от Меренеи, что отступила в направлении кустов края холма, чтобы хоть как-то спрятаться.

Нападавшие отбились защитным цершером, но время было упущено, благодаря усилиям Каса Меренея смогла сбежать. А мужчины остались вдвоём на открытом пространстве.

Что было дальше Кас не увидел, потому что несколько боевых цершеров попали в основание лестницы, на верхней площадке которой он находился вместе с Марком Семёновичем. Конструкция пошатнулась и с тяжёлым скрипом начала рушиться вниз, не оставляя мужчинам шанса вступить на вершину холма.

Катя специально отошла как можно дальше от овощной базы. Её внешнее спокойствие контрастировало с внутренним страхом. Она не думала, что имея за плечами такую надёжную опору, как Олег Рубинович, она может легко оказаться в такой скверной ситуации, когда какой-то гопник просто позволил себе схватить её, напугать. Она даже не смогла дотянуться до перцового баллончика, что лежал у неё в сумке. Скорее всего, на самом дне и просроченный.

Эта ситуация нарушала душевное равновесие Кати и она вспомнила насколько обязана Гжельскому за то, что он когда-то вывел её из беспомощного состояния. Но помимо психотерапии борьбы со страхами нужен был ещё и другой курс гипноза — теперь перед ней предстало не обезчеловеченное чудовище, а мужчина, который просто решил, что имеет право трогать её. К этой ситуации не подходило слово «возмутительно», тут было что-то похуже.

Удостоверившись, что за ней не следили, она сделала звонок. Хоть Гжельский действительно был занят другим проектом, но оказался на связи. Он сразу понял, что дело идёт не так, как он предполагал. Было удивительно, что Иваныч смог найти в себе какие-то блоки, раз не стал беспрекословно исполнять то, на что его настраивал Олег Рубинович.

— Будь осторожной, я скоро буду, — пообещал мужчина.

Время ожидания было не долгим. Катя успела зайти в плохое кафе и прогуляться по местной аллее. Правда, всё время приходилось быть осторожной, оставаться всегда наготове — ей иногда казалось, что гипноз Гжельского мог распространиться и на телефонный разговор. Возможно, это было самовнушением.

Чёрный, не сильно приметный автомобиль остановился около девушки, когда она хотела перейти дорогу по нерегулируемому пешеходному переходу. За рулём автомобиля сидел невозмутимый Ник — крепкий мужчина, неизвестно как попавший в окружение Гжельского.

Катя села в машину на переднее пассажирское сиденье, так как не хотелось тесниться сзади, где уже располагались Гжельский с другой своей помощницей Лерой — молодой, обманчиво хрупкой блондинкой, скрывающей белую повязку на глазу за длинной чёлкой. На ней был лёгкий спортивный костюм. Видимо, девушка была готова к серьёзному развитию событий. Катя была наслышана о подвигах ровесницы и даже была свидетельницей нескольких боевых сцен с участием коллеги.

Катя была инструментом Гжельского в плане дипломатии, а Лера славилась имиджем «ангела Чарли».

Катя лаконично объяснила суть своего разговора с Иванычем. Никаких комментариев от находящихся в машине людей и Гжельского не последовало.

Когда они оказались около овощной базы, никто не поторопился выходить из авто. Олег Рубинович думал. Или делал вид, что думал, а сам мысленно находился в тех местах, где ему было хорошо и спокойно.

Катя посмела нарушить молчание:

— Олег Рубинович. Сегодня меня смогли оскорбить. Позвольте мне стать смелее. Позвольте мне найти силы на достойный ответ на грубость в свой адрес...

— Всё было так плохо? — пришёл в себя Гжельский. — Может быть, способность не

реагировать на грубость лучше, чем умение дать на неё ответ?

— Нет. Сейчас мне дороже собственное достоинство, а не равнодушие.

— Катя, я обращаюсь к тебе, — пододвинулся поближе к девушке Олег Рубинович, наклонился прямо над её ухом. — Только ты слышишь меня. Ты смелая и жестокая. Ты не дашь себя в обиду. То, что подсказывает страх — это не твоё. Твоя ловкость и острый ум сильнее страха. Ты острей, вонзающее в самую суть. Твоё тело и твой ум — смертельное оружие в момент стресса.

Катя хотела поблагодарить, но её тело свело судорогой. На этот раз это был не ступор страха, а момент концентрации внутренней силы. Она почувствовала то, что хотела. Нет, на полное программирование требовались более долгие сеансы, но сейчас этого было достаточно.

Гжельский собрался с мыслями и стал раздавать приказы:

— Ник, твой взгляд самый цепкий, любую реальную опасность ты задушишь, либо застрелишь. Точно в яблочко, точно между глаз. Катя, ты сама уверенность, ты видишь все детали на уровне инстинктов, ты не боишься. Лера, ты...

— Я знаю, — спокойно сказала Лера. Она и так всегда была положительно "заряжена" на любое дело. Может быть, Гжельский занимался с ней больше всех? Или до этого переборщил с дозировкой гипноза?

Они вчетвером вышли из машины и уверенно направились к входу на овощную базу. Большая парковка, также служащая местом стоянки фур, практически пустовала.

Не дойдя и десяти метров до большой двери двухэтажного строения ангарного типа, Катя озвучила свои опасения:

— Мало машин. Они отпустили перевозчиков, клиентов и часть сотрудников. Они нас ждут.

Два мужчины и две девушки прошли мимо наспех припаркованных «Фокуса» и более старого «Ленд Крузера».

— Логично, — сказал Олег Рубинович. — Как жалко выглядит агрессия в обмен на вежливость. Я войду первый. Держитесь за моей спиной.

Гжельский резко отворил массивную дверь. Его встретила темнота. Но он прекрасно почувствовал дула направленного в его сторону оружия.

— Бросить оружие! — скомандовал Гжельский.

Раздался звук падения огнестрельного оружия на бетонный пол.

— Стоп! — поднял палец вверх Олег Рубинович. — Всем стоять. Кто не успел вовремя избавиться от оружия, те стреляют себе в голову самым безопасным для меня образом. Вы сломлены, вы мне должны. Исполнять!

— Зачем это делать? — спросила Катя, выглядывая из-за его плеча.

— Убрать человеколюбие, — сказал Гжельский.

На несколько мгновений наступила тишина. Потом почти синхронно раздалось два выстрела.

Два тяжелых тела упало на бетонный пол.

— Все, кто остался жив, пусть выйдут ко мне с поднятыми руками. По степени поднятости рук я должен буду понять, насколько вы любите мой голос.

Перед взором Гжельского предстали Горбач, Коваль и ещё пара мужчин, причастных к тёмной стороне бизнеса Аркадия Ивановича. Одним из этих людей был Валя Карась. Он был ровесником владельца овощной базы, имел несколько ходок, но здесь почти остепенился.

Да, он не был чист на руку, старательно выполнял простую работу «на подхвате», а в остальное время работал грузчиком — от усердия даже сорвал недавно спину.

Но его вырвали с больничного на это дело. И он поднял руки настолько, насколько позволял клин в его нервных окончаниях организма.

Его невысоко поднятые руки показались Гжельскому неубедительными.

— Ник, ты можешь вырвать ему кадык?

Гжельскому подумал, что на Валю Карася плохо действует его гипноз. В такой экстремальной ситуации это могло грозить лишними неприятностями.

— Я могу вырвать ему кадык! — ответил Ник, пряча пистолет в кобуру. Это не было приказом. Это было лишь вопросом, но мужчина был в полной готовности.

Лера не обратила на действия Ника внимания. Катя отвернулась. Она знала, что у Гжельского был свой карательный отряд. Но ей почти не доводилось принимать участия в подобных операциях. По словам Олега Рубиновича справедливое насилие случалось лишь в эпизодических случаях.

— Я хочу больше равнодушия, — попросила Катя у Гжельского.

— Ты хладнокровная, ты знаешь, как выглядит возмездие, ты не сопротивляешься ему, — наскоро сформулировал фразу-наставление Гжельский.

Ник не смог вырвать кадык Вале Карасю. Но задушил его своими крепкими, мускулистыми, с выпирающими венами, руками буквально за минуту. А Гжельский, удостоверившись в том, что это действие произвело необходимый устрашающий эффект, озвучил новый приказ для оставшегося войска Иваныча:

— Ведите меня к своему хозяину.

По железной лестнице аккуратно двинулась вереница гипнотически поверженных врагов Гжельского: Горбач, Коваль и Минян.

Геннадий, находившийся на втором этаже, на подступах к кабинету Иваныча, не стал стрелять в сотоварищей. Не стал он стрелять и в Гжельского, после того, как тот убедительно приказал этого не делать. Ещё сегодня подаренный Геннадию пистолет с грохотом упал на пол. Мужчине резко расхотелось иметь при себе этот предмет — внушение Олега Рубиновича было сильным.

Делегация в сторону логова начальника овощной базы увеличилась за счёт Сергея, Геннадия и Кристины. Вся процессия безропотно переместилась в просторный кабинет Аркадия Ивановича, который стоял в самом дальнем углу помещения, держа в руках серебряный цершер.

— Ты не сделаешь это, — сказал ему Олег Рубинович.

Только узрев бесперспективность своей обороны, Иваныч сумел отставить дикий, сжигающий нутро страх неизвестности и переместиться в Резервный мир. Гипноз не сработал, мужчина затолкал в уши поролон, поэтому не разобрал слов Гжельского.

Олег Рубинович расстроился. Ещё он сразу же понял, что Иваныч забрал с собой все серебряные цершеры. Хорошо, что у него в кармане лежало ещё несколько. Но применять их он не стал. Зачем рушить собственное здоровье недоказанной вредностью параллельного мира, когда рядом столько «добровольцев»...

* * *

После того, как раздались хлопки, конструкция массивной железной лестницы покачнулась...

Мереня оцепенела, когда увидела, как Кас, со своими большими кошачьими, по-

настоящему испуганными глазами, медленно отдалялся от того места, где была спасительная земля. Казалось, он мог прыгнуть и спастись, но он остался стоять на шаткой железной площадке, в перила которой вцепился Марк Семёнович. Его клюшка лязгнула по ступенькам и улетела вниз.

Когда старое, ржавое строение полетело вниз, Меренея успела заметить, как старик попытался то ли помочь падающему навзничь грису, то ли беспомощно вцепиться в него, так как перила оказались совсем не прочной для удержания равновесия конструкцией...

Кас с Марком Семёновичем обязательно бы разбились насмерть, но их нагнали несколько цершеров, которые с избытком бросали вниз сыновья Гришатре. Эти волшебные шары заковали в прочную сферическую оболочку и гриса, и старика.

По приземлении их уже поджидал сам Гришатре с несколькими вооружёнными грисами.

— К Дарину торопились что ли? — улыбаясь, спросил Гришатре. — Я сам вас туда доведу. Более коротким путём.

Меренея не стала дожидаться, пока сыновья Гришатре переключат на неё внимание. Она быстро убедила себя в том, что с мужчинами всё в относительном, но порядке, и стала пробираться кустами между невысоких деревьев как можно дальше от того места, где случилась эта заварушка.

По тому, какую пыль поднимали кустарники, её было легко отследить. Сыновья Гришатре потеряли некоторое время на то, чтобы не дать разбиться насмерть человеку и грису, но уже пустились в погоню за девушкой. Меренея оказалась достаточно ловкой для того, чтобы вооружённые грисы не смогли быстро сократить расстояние. Они тоже были осторожны — ждали, что она применит мощные боевые цершеры, не зная, что их у неё уже не было.

Когда Меренею эта погоня окончательно вымотала, она всё-таки решила телепортироваться, не вступая в неравный бой. Ей пришлось использовать несколько телепортаций, чтобы сильнее запутать следы.

Когда она прибыла на конечную точку своего путешествия, в свою просторную квартиру в мире людей, то сразу поняла, что здесь кто-то был. Вещи были повсюду разбросаны, шкафы стояли с открытыми дверцами, а ящик с цершерами оказался пуст. Даже в холодильнике кто-то похозяйничал. Это всё очень напугало Меренею.

В одиночестве решать проблемы ей не хотелось. Она вытащила из набедренной сумки бесполезный в Резервном мире мобильный телефон, включила его. За время путешествия он не успел испортиться, но если бы она использовала его там во включённом состоянии, например, чтобы сделать несколько живописных фото, то аппарат сразу же пришёл бы в негодность — такие были особенности у того места. Поэтому вся электроника в Резервном мире не работала, а механизмы без практически ежедневного ухода быстро приходили в негодность, покрываясь чёрно-жёлтой заразой.

Девушка позвонила своей близкой подруге, которая свела её с Аркадием Ивановичем. Та работала в одном из центральных отделов департамента и у неё были большие связи. Девушка-альнелон Мона, в мире людей Мария, была достаточно занята, но не отказалась от диалога с Меренеей.

— У меня кто-то был, — проинформировала Меренея. — Они забрали все цершеры.

— Марин, тут такое началось! — поведала Мария подруге. — В департамент просочился слух про существование цершеров для людей. Тебя напрямую не подозревают, но

ты в лонг-листе, так сказать. Понимаешь, простая проверка. Кто-то выдал твои локации, поэтому у тебя был обыск. Но повторяю, тебя не подозревают, официального дела нет, я бы узнала... серебряные цершеры забрали?

— Их там и не было.

— Тогда всё просто хорошо. Сделают анализ на твои личные цершеры и отстанут от тебя...

— Мы можем встретиться? — спросила Мереня.

— Не хочу подставлять ни себя, ни тебя. Пойми. Все на всех косо смотрят...

— Как они вообще на меня подумали? — недоумевала Мереня. — Это ведь мог быть кто угодно! Ещё с цершером правды допрашивать начнут, не дай Безликие...

— Этого я пока не знаю, — только и ответила Мона. — Что будешь сейчас делать?

— Ты можешь дать адрес, где найти Аркадия Ивановича?

— Тебе зачем? — спросила Мона, но тут же осеклась. — Понимаю, не моё дело. Потом, если что, расскажешь. Контакты есть, но ты же понимаешь, что я не причём?

— Какие разговоры, подруга, — сказала Мереня, открыв бутылку сока.

— Я тебе скину то, что знаю. В соцсеть грисов. Поняла? У тебя же есть туда доступ?

Мереня сделала несколько жадных глотков апельсиново-мангового сока, потом ответила:

— Что за вопросы, ты же знаешь, что есть...

— Ясенько. А мне надо к работе возвращаться. Сейчас повышенная готовность. Пока-пока!

Они попрощались. В мире людей день близился к вечеру, но всё равно было очень жарко. Захотелось включить кондиционер, принять душ. Но нужно торопиться.

В сообщениях соцсетей грисов оказался адрес овощной базы.

Ситуация была сложной. У неё изъяли все цершеры. Но не сделали засаду. Значит, её действительно не подозревают. Проверят и вернут, и всё будет хорошо, всё будет, как раньше. Никто не подумает, что она решила побаловаться с Самой Главной Тайной, и повести в Резервный мир человека.

Но Каса со стариком нужно было выручать. Нужно, и всё тут.

Ещё существовала вероятность, что Дарин, когда особым способом просканирует на предмет опасности серебряные цершеры, поймёт, что она дотрагивалась до них, узнаёт о её намерениях. И тогда он может захотеть «слить» эту информацию официальным силам ради какой-нибудь выгоды. Ах, зачем она тогда трогала эту шкатулку, а потом, почувствовав опасность, просто бросила её у тех гаражей? Если бы она не прикасалась к ним с особым намерением, то никто бы никогда не догадался, что она нуждалась в этих предметах. Но она тогда растерялась, испугалась, была "на измене". И одно прикосновение оказалось большой ошибкой.

Мереня набрала номер Адама.

— Зайка, ты куда пропала? — без приветствия спросил Адам.

— Командировка срочная была, а там связи никакой! — растерянно сказала девушка.

— Командировка в Резервный мир? — не без лёгкой усмешки спросил мужчина.

Марина-Мереня не знала, что ответить на эту язвительность. Он ей не верил, но как ей хотелось доказать, что Резервный мир существует. У неё даже не было сомнений в том, что после его открытия у атлетически сложенного, всегда знающего какое правильное слово можно «ввернуть» в разговор, мужчины «поедет крыша» от увиденного. В хорошем смысле

этого выражения. Она была уверена в нём, но он не был уверен в ней, и уже совсем не добродушно над ней надсмехался. Но не зря же были эти тёплые зимние вечера вдвоём, горячие ласки и слова об общем будущем.

Она спросила:

— Я могу тебе доверять?

— Какие-то проблемы? — встревожился мужчина.

— Да...

— Какие мои действия помогут тебе решить их?

— Твоя смелость...

— Смелость? — переспросил мужчина. — Ты ставишь под сомнение то, что она у меня есть?

Марина-Мереня ответила не сразу. Пришлось подбирать слова и у неё получилось:

— В любой другой момент я бы сказала «нет». Но сейчас...

— Нужно кого-то пришить в вашем Резервном мире? Я, кстати, сейчас серьёзно.

Это уже понравилось девушке.

— Я за тобой сейчас заеду.

— Вот даже как, — у Адама появился некоторый азарт. — Надеюсь, будет интересно.

— Интересно. Но не обязательно весело.

— Куда едем?

— На овощную базу.

— Ну, трепещи морковь с сельдереем!

После разговора Мереня переобула кроссовки, схватила ключи от машины и покинула квартиру.

Гжельский не стал торопиться, хоть по нему было видно, что он расстроился — Иваныч так легко выскользнул из его из рук. Ох уж эта самонадеянность при постоянном превосходстве!

Он медленно сел в роскошное кожаное кресло начальника овощной базы, громко выдохнул, после чего осмотрел предметы, лежащие на столе местного авторитета. Ни один из них его не заинтересовал.

— Кто-то ещё должен сюда придти, чтобы навредить мне? — спросил Гжельский у выстроившихся в ряд вдоль стены сподручных Иваныча: Сергея, Геннадия, Горбача, Ковалю, Миняна и Кристины.

— Нет, — раздался нестройный многоголосый, но честный ответ.

— Даже жаль, — тихо сказал Олег Рубинович. Пошарив в карманах своего пиджака он достал один серебряный цершер. — Кто из вас знает о технологии перемещения в Резервный мир?

Этот вопрос тоже был озвучен с использованием Силы.

— Я, — ответила Кристина.

— Ты боишься? — спросил Олег Рубинович.

— Боюсь, — честно ответила Кристина. Но она не стала уточнять, что боится за Аркадия Ивановича больше, чем за саму себя.

— Это правильно, — сказал Гжельский. — Бойтесь не найти вашего шефа. Бойтесь больше смерти не привести его мне сюда. Вот вам пропуск в Резервный мир.

Мужчина положил серебряный цершер на стол.

— Один? — не поняла Кристина. — Чтобы вернуться нужно два...

— Вернётесь с Иванычем и с теми шарами, что отберёте у него. Поняли?

Положительный, полный готовности к действию ответ озвучили все, кто работал на Иваныча.

— Разрешите? — попросила Кристина забрать маленький, круглый, серебристый предмет.

— Разрешаю, — властно сказал Гжельский. — Возьмите ваше оружие с собой. Приберитесь на первом этаже и заберите навсегда в Резервный мир всех трупов. И ещё. Если встретите кого-нибудь из этих людей, что пришли со мной, то подчиняйтесь любым их командам. Повторяю. Если вы встретите Леру, Ника или Катю, то подчиняйтесь им так же, как подчиняетесь мне. Вы — грязный инструмент, который должен работать только по моему желанию и по желанию Леры, Ника и Кати. Исполняйте.

Гжельский, называя имена своих подчинённых, беспардонно тыкал в них пальцем. Он был взвинчен, поэтому немного забыл о хороших манерах. Его эксперимент перестал быть похожим на эксперимент. Он потерял контроль. Вероятно, просто плохо запрограммировал Аркадия Ивановича.

Кристина вышла из кабинета первая, за ней поспешили пятеро мужчин.

Гжельский остался наедине со своими подчинёнными.

Катя спросила у него:

— Почему нельзя просто оставить этих несчастных людей в покое?

— Людей? — Гжельский хмуро посмотрел на подчинённую. — Ты права, людей надо

прощать. Но у меня сегодня нет на это настроения. В этом мире должно быть меньше тех, кто не хочет мне подчиняться беспрекословно.

Катя впервые слышала от него такие слова, слишком долго он казался мудрым, справедливым и терпимым ко всем. Сегодня перед ней предстал другой Гжельский — обиженный, бессмысленно-жестокий.

Олег Рубинович тоже был не доволен собой. Но нельзя играть во всемогущее существо в полсилы.

— Что ж, — сказал он. — Может быть, у кого-нибудь из вас есть желание посмотреть на Резервный мир? Кто не боится побывать в том месте, степень вредности для людей которого ещё не доказана...

— Я готова, — отозвалась Лера. — И не в таких неприятных местах удалось побывать. Вы знаете.

— Ценю тебя, — честно сказал Гжельский. — Но я хочу, чтобы ты осталась здесь.

Последние слова были не приказом, а личным желанием Гжельского. Но личные желания куда слабее приказов. Желания необязательно исполнять, а вот приказы, тем более с использованием Силы...

— Нет, — сказала Лера, её немного задела эта просьба. — Неужели вы начали бояться за меня только сейчас, после всего того, что мне пришлось пережить?

— Чувствую, что ты должна остаться здесь, со мной, — Гжельский был откровенным. — А Резервный мир это тупиковое, менее приоритетное направление развития моих исследований.

— Я пойду, — вызвалась Катя.

— Откуда такое желание? — ненадолго удивился Гжельский, потом понял, что, возможно, последние наставления сыграли свою роль.

— Личное, — сказала брюнетка.

— Даже так? — изобразил удивление Гжельский. — Ник, проводишь девушку?

— Без проблем, — ответил Ник.

— Лера, тебе придётся навести здесь порядок, — сказал Гжельский. — В машине Ника есть химия. Убери следы крови, их вряд ли хорошо уберут эти, как у вас точно принято говорить, оболтусы. Исправь их работу...

— Я не хочу! — запротестовала Лера.

— Исполни, — Гжельский применил лёгкое наставление. — Если у ребят возникнут проблемы, то ты тут же придёшь им на помощь. А теперь заberi у Ника ключи от машины и займись делом.

Девушка забрала ключи у здоровяка, потом вытащила из сумки «Глок» и передала пистолет Кате.

— Должна знать, что это такое, — сказала Лера.

— Спасибо, — поблагодарила Катя, спрятав оружие в сумочку. Да, перцовый баллончик мало бы помог в чём-то более серьёзном, чем встреча с быдлом. Хотя, и там он не пригодился.

— Ник и Катя, — обратился Гжельский к подчинённым, как только Лера покинула кабинет. — Вы должны проследить, работает ли гипноз в Резервном мире, проконтролировать работу подопытных. Никого возвращать и спасать ненужно. При любой опасности — возвращайтесь. Будьте благоразумны и осторожны. Выдержите небольшую паузу, не будьте навязчивыми для испытуемых.

Девушка и мужчина забрали у Гжельского по два серебряных цершера. Катя не стала долго ждать — не прошло и десяти минут, как она применила один свой магический шар, переместив себя и Ника в чужое измерение.

* * *

Марку Семёновичу показался крайне долгим путь до владений Дарина. Мужчина очень устал от этого пешего путешествия, поэтому даже не думал наслаждаться видами. Ему хотелось пить воды и прилечь. Колено ныло однотипной, неспешно жующей нервные окончания болью, поэтому он шёл медленно. Но никто из подчинённых Гришатре не поднимал на него руку и не угрожал оружием — им самим было непросто преодолевать такие расстояния, в то время как сам Гришатре заблаговременно переместился к Дарину. Терять время и худеть ему явно не хотелось.

На Каса не стали тратить телепортационный цершер. Мужчине немного помяли бока, когда отнимали у него весь арсенал из магических шаров, в основном подаренных Меренеей.

Его лицо искажала гримаса, но боли он почти не чувствовал, его переполняла обида, досада, злость. Сегодняшний день не должен был стать таким плохим. И не должен оказаться последним — но про скверный нрав Дарина ходили разные слухи и Кас не зря обходил его стороной, не ведя с ним дел. Особенно его настораживали последние разговоры: во время переворота, поменявшего местами часть грисов и альнелонов, и воцарив бардак во всех структурах этих двух рас, Дарин, бывший некогда альнелоном и ставший грисом, наотрез отказался принимать своё новое обличье. Вследствие этого, по рассказам очевидцев или фантазёров, он совсем сошёл с ума, стал более жестоким, а также совершил со своей внешностью ряд изменений. Кто-то распускал слух, что он хирургическим путём изменил форму ушей, а кто-то говорил, что он ограничился лишь специальными линзами, отбеливающим кремом для кожи и «химией» на волосяном покрове головы, чтобы волосы лежали как прежде, «по-альнелоновски».

За время долгого пути Кас успел смириться со своим поражением, со своей ролью пленника. Он смог себя утешить тем, что Дарину он, по сути, и не нужен. Может быть, Дарин станет его новым начальником вместо ничего не подозревающего Иваныча. Да и на внешность этой грозы местных разбойников хотелось посмотреть и сравнить её с теми слухами, которыми полнилась здешняя земля — ведь сегодня в подъезде своего жилища ничего толком и не удалось разглядеть.

Так или иначе, настроение Каса улучшилось. Зато пришла боль — нет, ему явно нужна будет реабилитация после всех этих приключений. Откопать бы старые тайники и устроить себе отдых, если, конечно, получится выжить и не стать бессмысленным рабом Дарина.

Чёрное солнце в ореоле ярко жёлтой бахромы приближалось к холму, за которым оно должно было погаснуть, дав волю местной луне — бледному, тусклому, почти не дарящему света, блину.

Владения Дарина не впечатлили. Это была небольшая деревня с кучно расставленными домами у подножья высокого живописного холма, за плечами которого местное солнце так спешило спрятаться.

Пройдя по единственной улице к трёхэтажному строению, процессия остановилась. Отворились широкие ворота, и перед уставшим Марком Семёновичем и уже успокоившимся Касом предстала горстка приближённых к Дарину, в числе которых был довольный Гришатре.

Чуть позже появился и сам Дарин. Кас тут же взгляделся в его лицо и улыбнулся. Слухи

оказались верными. Нелепые линзы, уже почти смазанный потом крем и такая знакомая причёска, что была в моде у альнелонов среднего поколения, к которым Дарин себя и относил. С ушами вроде бы всё было в порядке.

— Что, твари? — спросил Дарин. — Думаете, вы мне... подарки на день рождения? А нет. Ошибаетесь. День рождения у меня только завтра! А подарки заранее не дарят!

Настроение Каса ухудшилось. Для всех было заметно, что этот псевдо-альнелон был сильно пьян. Поэтому предсказать его поведение было сложно. Даже для Гришатре, который хоть и продолжал улыбаться, но чувствовал себя немного неуютно. Ему пришлось отшутиться:

— Дорогой Дарин, разве нужен повод для подарков?

— Э-э-э, — протянул Дарин. — Я найду этим вещам применение. Всех их посадить в мой зоопарк! Вы теперь мои звери. Вы теперь мои вещи.

Свой приказ Дарин сопроводил свистящим звуком, призывающим быстрее исполнять обозначенную работу. Марка Семёновича и Каса повели в дальнюю избу, строение которой уходило в глубину холма.

В длинном и узком помещении, где было холодно и плохо пахло, в противоположной стороне от входа находилась массивная дверь с тяжёлым замком. За эту дверь и швырнули гриса со стариком.

Марк Семёнович обессилено упал в колючее ложе из соломы. У него уже не было возможности о чём-то думать и переживать. А Кас стал осматриваться. Конечно, он сразу заметил, что в темнице, свет в которую проникал лишь через большие, размером с кулак, щели, был кто-то ещё. Но вопрос изучения незнакомца он оставил напоследок.

Низкий потолок темницы подпирали массивные столбы, три из четырёх бревенчатых стен не пропускали свет, с них мелкими крошками сыпалась холодная земля. Через эти стороны темницы точно не сбежать, они уходили вглубь холма. Выход был только один — через большую дверь, за которой, сидя за столом о чём-то непринуждённо разговаривали вооружённые подчинённые Дарина.

Тогда-то Кас обречённо опустил в солому.

— Ты кто? — обернулся Кас на пленника, который успел раньше них обжить это место.

Человекоподобная тень, сидящая в дальнем углу темницы и почти с головой зарывшаяся в солому, ничего не ответила.

* * *

Пока недовольная Лера копошилась в набитом всякой всячиной багажнике автомобиля Ника, красная «Мазда» Меренеи без каких-либо проблем въехала на территорию овощной базы.

Большая парковка была почти пустой, но девушка не стала подъезжать к самому входу в здание ангарного типа. Она остановила автомобиль чуть поодаль, криво заняв два парковочных места. Уровень адреналина в её крови понизился за время поездки, и она уже даже начала сомневаться, не сделает ли она хуже, если поспешит на помощь Касу и Марку Семёновичу. А сможет ли она им вообще помочь? И не навредит ли себе? Адам тоже был молчалив всю поездку. Он уже не источал того оптимизма, что наблюдался при телефонном разговоре.

— Боишься? — улыбнулась Меренея, хотя ей самой было не по себе.

Сегодня был сложный день. Пришлось рисковать и убивать. Не такой она видела свою карьеру, которой она сейчас сильно рисковала.

— Боюсь, — неожиданно даже для самого себя признался Адам. — Нет, ну не то, чтобы прям боюсь-боюсь, но...

— Да брось! — Меренея попыталась выглядеть позитивной. — Ты мне нужен только для того, чтобы злобно посмотреть на одного мужика. Просто выгляди убедительно. Мы поговорим и всё. Точнее, всё будет зависеть от того, о чём мы договоримся. Не переживай. Не думала, что ты испугаешься овощной базы. У тебя какие-то счёты с брокколи?

— Дело не в этом, — сказал Адам. — Я не могу так просто...

— Ты именно сейчас решил расстаться или что? — Меренея всё ещё улыбалась, но по спине прокатился скользкой ледышкой холодок неприятного предчувствия.

— Поехали отсюда, а? — попросил Адам.

— Всё нормально?

— Нет, — сказал Адам. — Короче, я знаю про ваш Резервный мир. На меня вышли эти ваши грисы-альнелоны-макарены. Они обещали заплатить, если я расскажу, где ты. Потом угрожали. Может, следили. Поэтому я попросил забрать меня не из дома...

— Ты им что-то рассказал? — Меренея была раздавлена этой новостью.

— Нет, — сказал Адам. — Я не умею в это шпионство, но после встречи с ними я переехал к другу. Ты же пропала, сутки не выходила на связь. Был повод волноваться! Я не сдал тебя. Но мне это совсем не нравится. Эти парни выглядели убедительно...

— Почему раньше не сказал?

— Сомневался, — сказал Адам. — Я хоть и предпринял все возможные меры, но предполагал, что это всё твои шутики, это лишь спектакль, чтобы я поверил тебе. Действительно, после этих своих мыслей я хотел с тобой расстаться. Ну, знаешь, неприятно мне это всё. Думал много. Сейчас только решил, что это не твои тупые шутики...

— Чёрт, Адам, я с тобой глупо шутила когда-нибудь?

— А про брокколи? Только что?

— Мне не хочется бросать тех, кто мне помог, пытался помочь...

— И всё? — удивился Адам. — Ты просто хочешь помочь кому-то? Ты сама в беде? Или это просто опять твоё желание на уровне «нужно срочно пристроить бездомного котёнка»...

— И у меня проблемы, и я в беде, — сказала Меренея, глядя в зеркало заднего вида на своё отражение.

Да, выглядела она сейчас менее привлекательно, чем даже после самых интенсивных тренировок в фитнес клубе, где они с Адамом и познакомились.

— Короче, — сказал мужчина. — Если хочешь помощи, то давай действовать. Но учти, что твои грисы или альнелоны, как вас различать, блин, тоже тебя ищут. Мы можем пока скрываться у моего друга на даче, а там надо что-то придумать...

— Боюсь, что это могли быть не альнелоны, а чёрте кто, тут всё запуталось...

Меренея не переставала смотреть в зеркало заднего вида. Она видела, как какая-то на вид хрупкая блондинка с длинной, полностью закрывающей один глаз, чёлкой уверенно тащила большую тяжёлую сумку в сторону входа на базу. Девушка скрылась в здании, а Адам даже не повернулся в её сторону, когда она прошла мимо их машины. Это был хороший знак, потому что Меренея начала сравнивать девушку с собой и даже находила некоторые её черты более привлекательными, чем у неё. Разве только машина у той блондинки была хуже, какой-то мужиковатой что ли. Ещё эта тёмно-зелёная сумка. Что можно в ней таскать?

Из ненужных размышлений Меренею вырвал возглас Адама:

— Так мы будем что-то делать?

— Да, пошли.

Они почти синхронно покинули автомобиль и вскоре скрылись в строении овощной базы.

Они не успели увидеть, как на парковку заезжает три чёрных автомобиля, перекрывая выезд.

* * *

Аркадий Иванович, попав в Резервный мир, не стал долго любоваться его красотами. Он лёгкой трусцой спустился со склона холма и побежал в сторону леса — противоположная сторона с редко растущими деревьями его мало заинтересовала.

Бежал он, по своим внутренним ощущениям, очень долго. Минуты две. Потом перешёл на хромающий шаг. Добравшись до леса, он некоторое время петлял от одного дерева к другому, опираясь на их стволы, чтобы отдышаться. Он старался не оглядываться. Ведь пока ты не видишь погони за собой, можно думать о том, что её нет — бежать хоть немного в более быстром темпе вряд ли бы получилось.

Через некоторое время начальник овощной базы смог отдышаться. Но в глазах темнеть не перестало — на это повлиял сгущающийся лес и чувство нарастающей тревоги. Чёрные деревья с золотой листвой совсем не напоминали про осень, а внушали чувство неприятия эстетики чужого мира. Да, малообразие цветов хоть и отличалось множеством оттенков, но заставляло глаза долго привыкать.

Как только взор Иваныча зацепился за новые вкрапления цветовой гаммы, мужчине вновь пришлось напугаться. Потому как посторонние цвета были лишь на сильно поношенной одежде двух грисов — Аркадий сразу понял, кто это такие. Незнакомцы были вооружены ружьями и находились совсем близко.

— Стой! — сказал один из них.

— Стою, — устало сказал Иваныч. — Что вам надо?

— Как это что? — удивился тот, кто велел ему остановиться. — Ты в лесу Дарина. И нахрен ты тут быть не должен.

— погоди, — сказал второй грис. — Так это же людь!

— Людь? — удивился первый грис. — Раз людь, значит имеем право!

— Имеем! — согласился второй.

Первый повесил за спину ружьё и достал из небольшой котомки цершер, завёрнутый в тряпку.

— Дарин обрадуется, — сказал второй грис, улыбаясь жёлтыми зубами. — Скажет, не зря мы тут на заставе хлеб свой едим.

— Свяжи его, — попросил первый грис товарища. — Вдруг людь быстро бегают и больно дерётся.

— Может, не надо, — попросил Иваныч. Ему не хотелось чтобы его кто-нибудь трогал.

Но эта просьба не была удовлетворена — руки мужчины быстро оказались связаны прочной верёвкой. Пока его вязали, у мужчины отобрали пистолет, часы, телефон, деньги и золотую цепочку с шеи. Серебряные цершеры, лежащие во внутреннем кармане пиджака, знакомцы не заметили.

— Кидай енту штуку, — сказал грис, который только что завязал крепкий узел за спиной Иваныча.

И первый грис кинул цершер на землю.

Белая вспышка и тишина. Оба гриса исчезли, а Иваныч остался.

Он же людь, а цершер был самым обычным.

Как он потом ни пытался, самостоятельно развязать руки ему не удалось. Когда два нерасторопных гриса вернулись, он уже успел найти подходящее укрытие за корнем большого повалившегося дерева. Грисы искали его, даже звали, но он не отзывался.

Мужчина уже успел понять, что совсем не помнит, с какой стороны он попал в этот лес, да и тугая верёвка сильно пережимала кровоток. Остаться здесь одному совсем не хотелось, а до цершеров, что находились во внутреннем кармане пиджака, он никак не мог дотянуться. Пришлось сдаться.

— Эй, Биба и Боба! — позвал он.

— Откуда ты знаешь наши клички? — удивился один грис.

— Вы знаете, что на людей ваши цершеры не действуют? У меня в кармане есть серебряные. Они помогут мне перенестись к вашему начальнику. Достаньте один из моего внутреннего кармана пиджака, и мы переместимся все вместе...

— Так я тебе и поверил, людина, — сказал один из грисов, сильно ударив Иваныча прикладом по голове.

Мужчина упал без сознания.

— Как мы теперь его потащим к Дарину? — спросил второй грис.

— Ты за ноги, а я за руки. Как устанем, то наоборот! — ответил первый.

— Точно, — сказал второй.

* * *

Ник и Катя открыли для себя удивительный для человеческого глаза Резервный мир. Он распростёрся перед ними чёрно-жёлтым пейзажем, тянувшимся с одной стороны в лес, а с другой возвышающимся небольшим холмом. В центре пологого склона которого и оказались ненадолго очаровавшиеся здешним миром путники.

Именно с этого возвышения их и ждала засада.

Первым начал стрелять Коваль. За ним открыли огонь остальные — этот недолгий залп показал, что стрелки из подчинённых Иваныча так себе. Ник успел сориентироваться, успел крикнуть Кате, чтобы она убегала, а также успел наглухо застрелить Миняна.

Но план Кристины сработал — она первая пришла в себя, оказавшись в уже знакомом месте. Она первая и предложила самую реальную возможность выбраться отсюда, поняв, что гипноз того странного мужика в этом мире не работает. Иваныча поблизости не оказалось, значит нужно было действовать наверняка.

А Катя бежала с холма, пригибая голову от свистящих ей вслед пуль. Она обернулась ровно в тот момент, когда часть головы Ника буквально раскрошилась двумя неожиданно меткими попаданиями.

Остальные пули всё также летели мимо, срезали траву, рыхлили землю или стремились в сторону чёрно-жёлтого солнца. Но Катя уже не замечала их. Она понимала, что последние мгновения жизни Ника будут ей мерещиться до конца её дней.

Впрочем, сама жизнь Кати могла оборваться прямо сейчас.

Бежать в платье и в хоть и достаточно удобных, но всё-таки туфлях, было сложно. Девушка упала.

В этот момент раздался крик Кристины:

— Экономьте патроны!

Стрелки прекратили огонь и ринулись к поверженным врагам. Коваль и Горбач принялись обыскивать Ника. Сергей и Геннадий подбежали к Кате, которая уже даже не

пыталась подняться.

Она сидела в траве, обречённо рассматривая содранные колени.

На миг ей пришли на ум воспоминания из прошлого, когда папа её учил кататься на велосипеде, и потом она смогла сделать самостоятельный заезд, который окончился точно такими же разбитыми коленями. Может быть, не стоило в этой жизни быть самостоятельным?

Из недолгого помутнения её вывел Геннадий. Он властно возвысился над ней, «светя» своей довольной физиономией. Сергей стоял рядом, наблюдал — как и тогда, на парковке. Но сейчас он не стал бы его останавливать, это другой мир и другие правила.

Просторное помещение овощной базы оказалось малоосвещённым и, на первый взгляд, безлюдным. Меренея и Адам не сразу заметили ведущую на второй этаж лестницу.

Как только они сделали несколько шагов вглубь помещения, их окрикнула девушка. Пришлось обернуться. Блондинка с парковки караулила их почти у самого входа. Меренее удалось немного лучше рассмотреть незнакомку: стильная длинная чёлка скрывала белую повязку на глазу.

Также два пистолета в её руках не добавляли девушке красоты, хотя Адам, также уставившийся на незнакомку, мог думать иначе.

— Зачем пришли? — спросил блондинка с оружием, направленным вверх. Пока ещё вверх, ведь ничто не мешало ей направить пистолеты в сторону гостей.

— Мы к Аркадию Ивановичу, — сказала Меренея.

— Кого вы сюда привели? — блондинка с оружием задала второй вопрос.

Лёгким, но уверенным движением талии она приоткрыла массивную дверь и посмотрела в образовавшийся просвет. После недолгого наблюдения она аккуратно закрыла дверь.

— Мы были одни, — растерянно сказала Меренея, также увидев мужчин, направляющихся к входу.

— Стойте здесь. Или быстро валите отсюда, — сказала Лера и быстрым шагом направилась куда-то вглубь цеха.

Но ни Меренея, ни Адам даже не пошевелились, они были в замешательстве. Было предчувствие, что начиналось что-то нехорошее.

— Что здесь произошло? — только и спросил мужчина, увидев на полу неаккуратно размазанную лужу крови.

Но ему никто не дал ответа. Из темноты вырвался погрузчик, которым ловко управляла блондинка. Припарковавшись ровно у входа, она подпёрла тяжёлой машиной дверь, открывающуюся вовнутрь.

— Остались, значит, — Лера озвучила факт. — Тогда идите вперёд, к лестнице. Потом наверх. И без резких движений.

У неё в одной руке был уже один пистолет, а второй рукой она подхватила тяжёлую сумку и последовала за Меренеей и Адамом.

Их встретил Гжельский вопросом, заданным с использованием Силы:

— Кто вы такие?

Меренея замешкалась с ответом, а вот Адам выдал всё, что только мог, чтобы удовлетворить любопытство незнакомца:

— Меня зовут Адам, а это Марина, моя любимая. Она утверждает, что она из Резервного мира, её народ — альнелоны, враги грисов. Я не всегда ей верил, но сейчас меня гложут сомнения...

Меренея удивилась:

— Зачем ты это ему рассказываешь, что с тобой?

Адам не ответил на её вопрос, зато Олег Рубинович и Лера поняли, что на девушку-альнелона гипноз совершенно не действует. Гжельский ещё не общался с представителями Резервного мира, поэтому для него это стало неприятным открытием.

Зато он полностью утвердился в том, что связываться с Резервным миром было плохой идеей.

Олег Рубинович вновь «надавил» своей Силой на гостей:

— Что вам здесь нужно?

Адам поспешил ответить на вопрос:

— Я здесь только потому, что моей девушке зачем-то понадобилось приехать сюда...

— Хватит! — прервала его Мереня, толкнув своего парня кулаком в плечо. — Ты что творишь? Я сама буду говорить. Аркадий Иванович, извините, что на этот раз общаюсь в открытую. Но мне нужна ещё небольшая партия серебряных цершеров. Я заплачу. Заплачу больше, но немного попозже...

Лера, стоящая у лестницы, услышала, как дверь первого этажа начали взламывать, поэтому поспешила прервать разговор:

— Там люди. Вооружённые. Нужно что-то делать.

— Это точно люди? — спросил Гжельский.

Ответ «не знаю» был у всех одинаковым. Лишь Мереня могла догадываться, что за ней приехали альнелоны из департамента. Её разговор с Моной могли подслушивать, или подруга оказалась предательницей. Во всё это не хотелось верить.

— Я быстро проверю, — сказал Гжельский. — Лера, если у тебя в сумке есть оружие поинтереснее пистолета, то приготовься его использовать.

Олег Рубинович быстро спустился вниз. Погрузчик не давал выломать дверь, но те, кто так хотел попасть внутрь, уже могли выламывать и запасной выход.

— Остановитесь, — приказал Гжельский.

Он знал, его услышали. Но не послушались.

— Открывай дверь, иначе хуже будет! — раздался голос из-за преграды.

Гжельский понял, что не готов к такому диалогу. Дверь уже была почти снята с петель, в то время как испуганный Гжельский вбегал на второй этаж, прячась за спиной Леры, у которой в руках уже был автомат.

Адам, глядя с опаской и некоторым восхищением на приготовления Леры к бою, спросил:

— Уважаемые, а что здесь происходит? Может быть, мы просто уйдём?

Но на его вопрос никто не ответил. Осаждающие здание вооружённые люди смогли преодолеть преграду и уже всю исследовали пространство первого этажа, аккуратно окружив подступы к лестнице. Лера уже была готова стрелять по первому, кто попытается подняться на второй этаж.

Гжельский стоял около окна приёмной, напротив рабочего места Кристины. За окном был унылый пейзаж из гаражей и нежилых строений. Было достаточно высоко, чтобы прыгать. Ему до последнего не хотелось использовать серебряные цершеры — пачкаться, окунаясь в это чёрно-жёлтое болото, применения которому он ещё не придумал.

Первой в диалог вступила Мона. Голос подруги заставил Мереню вздрогнуть — та подошла к лестнице вплотную, чтобы её было лучше слышно. Лера тут же взяла девушку «на мушку».

— Не стреляй, — попросила Мона. — Нам нужна Мереня и Аркадий Иванович. Остальные нас не интересуют.

— Мона, какого хрена? — крикнула Мереня, прячась за спину Леры.

Мона поспешила оправдаться:

— Меренея, прости. Наш последний разговор был на прослушке. Ты совершила ошибку. Давай исправим эту ошибку по-хорошему. Ты оступилась, но ещё не всё потеряно. Прошу тебя, спускайся. Нам ничего не сделают. Мне обещали.

— Нет! — крикнула Меренея.

— Прошу, не делай глупостей, — попросила Мона. — Не подставляй меня!

— Нет! — повторила ответ Меренея.

Она даже не предполагала, как департамент решит её судьбу. Но она знала, что такие вопросы не заканчиваются хорошо для обвиняемого. Сколько оступившихся альнелонов просто пропадали, их судьбы легко перечёркивались, а упоминания об их существовании стирались, будто документально этих личностей никогда и не существовало. Вот и Меренея не хотелось быть навсегда «стёртой». Черета неаккуратных действий и вот она в ловушке, а Мона в роли нелепой приманки — она, наверное, тоже предполагала, что её не ждёт ничего хорошего.

— Здравствуйте, — обратился Гжельский к Моне. — Меня зовут Олег Рубинович Гжельский. Я учёный. Смею доложить вам, что Аркадий Иванович ушёл в Резервный мир Его здесь нет. Меренею мы вам предоставим в обмен на нашу безопасность.

Меренея была напряжена и не знала что делать. Ей захотелось, чтобы Адам её защитил, он выглядел более спокойным, чем когда они сюда ехали. Но с ним что-то было не так. А сдаваться ей совсем не хотелось.

— Сколько вас там? — спросил мужской голос, это был руководитель операции.

Гжельский ответил:

— Это не наше противостояние. Мы должны уйти.

Он сказал это с использованием Силы. Так, на всякий случай. Хоть и понимал, что те, кто был на первом этаже, не были людьми — гипноз на них не действовал.

Мужской голос повторил вопрос:

— Давай без лишних разговоров. Сколько вас там?

Гжельский явно был недоволен этой грубостью, но ответил честно:

— Я и моя подчинённая. Она отличный стрелок, между прочим. А также здесь Меренея со своим спутником.

— Вы все должны сложить оружие и спуститься к нам с поднятыми руками, — сказал мужской голос. — Считаю до трёх, иначе не будет никаких разговоров.

* * *

Довольный вид Геннадия и безучастность Сергея испугали Катю. Лысый мужчина заметил этот испуг и ещё сильнее обрадовался. Но ему не хотелось бегать за ней, как льву за антилопой с упругими бёдрами. Ему нужно было просто аккуратно схватить жертву сейчас.

Лысый убрал пистолет во внутренний карман спортивки и медленно сел на корточки перед Катей, беззащитно прижимающей к груди свою сумочку. Мужчина смотрел девушке прямо в глаза. Потом на мгновение переместил свой взор на её ноги. Эти милые коленки ещё больше возбудили его влечение к Кате, как к типичной жертве.

За спиной Гены показалась Кристина. Когда рядом не было властного начальника, она решила, что сможет заменить его в критичный момент. Она недовольно изрекла:

— Что ты с ней возишься? Пусть отдаст то, что прячет.

Этой фразы оказалось достаточно, чтобы Геннадий схватил Катю за лодыжки и с силой притянул к себе, задрал чуть ли не к подмышкам подол платья девушки, испачкав её светлые трусики жёлтой травой и чёрной землёй.

Катя одним рывком вытащила из сумочки пистолет и прислонила его дуло прямо ко лбу Геннадия. Оружие быстро оказалось готово к выстрелу.

Теперь испугался он.

Но девушка всё испортила, промедлив, задрожав, растерявшись перед собственным преимуществом.

Лысый мужчина быстро прочувствовал её неуверенность и одним резким махом своей крепкой ладони попытался выбить оружие из рук девушки.

Но в момент прикосновения его руки к пистолету, Катя смогла собрать всю свою решительность, и успела нажать на спусковой крючок, прежде чем оружие было выбито из её хрупкой ладони.

Прозвучал выстрел. Пистолет улетел куда-то в траву.

Гена пригнулся, оглушённый — пуля проскочила в сантиметрах от его лысой макушки. Сергей бросился ему на помощь, попытавшись схватить Катю за плечи. Но та увернулась от него и он успел только схватить ремень её сумочки и рвануть его на себя.

Сумка осталась у него в руке, а девушка стремглав побежала прочь. Сергей некоторое время преследовал её, но быстро отстал. Зато он успел пошвыряться в женской ручной клади, в результате чего быстро спрятал у себя в кармане серебряный черчер и наличную внутренность чужого кошелька. Перцовый баллончик не привлёк его внимание, а паспорт и разное женское барахло он разбросал по сторонам, после чего выкинул сумку.

Сергей вернулся к другу, который чуть ли не лил слёзы над лежащей в траве Кристиной, которая оказалась ранена выстрелом беглянки — пуля попала сантиметров на пятнадцать ниже левой ключицы.

Гена пытался успокоить женщину, которая жадно хватала ртом воздух, но не могла не произнести ни звука. Гена приговаривал:

— Всё хорошо, мы сейчас вернёмся домой, вызовем скорую, всё хорошо...

Но слова не помогли. Кристина умерла буквально за пару секунд до того, как из непродолжительной погони вернулся Сергей.

— Ты поймал её? — обратился к нему Геннадий, прекрасна видя, что тот пришёл один.

— Нет, — спокойно ответил Сергей.

Зато он успел отыскать в траве пистолет Кати, который оказался как нельзя кстати — Сергей был единственным безоружным мужчиной в компании.

Горбач и Коваль сочувственно склонили головы, стоя немного в стороне от трупа Кристины. Горбач закурил, перед этим долго чиркая зажигалкой.

— Хорошая была баба, — сказал он.

— Я буду мстить! — пришёл в себя Геннадий, поднимаясь на ноги и приготавливая свой пистолет к боевым действиям.

— Надо уходить отсюда, — сказал Коваль. — Нам нечего тут делать.

— Я бы всё-таки попытался найти Иваныча, — сказал Сергей. — Возвращаться сразу опасно.

— Уверен, — сказал Горбач, — наш Иваныч тут, как рыба в воде, в своей стихии. Думаю, он тут все лазы знает. Не пропадёт. А у меня уже лёгкие болят здесь находиться. Будто снова на стройке пыли вдохнул.

Он выкинул недокуренную сигарету.

— Делайте, что хотите, — сказал Геннадий, выбирая направление погони. — Я пока эту суку не пришибу никуда не вернусь.

Он уверенно пошёл в сторону редколесья, туда, где завершилась погоня Сергея за девушкой. Ему даже показалось, что он видел в чёрно-жёлтом мельтешении местной растительности человеческие черты.

— Серёг, ты с нами? — спросил Горбач.

— Воздержусь, — пожал плечами мужчина. — Да и вам не рекомендовал бы возвращаться. Вдруг будут последствия.

— Не, — сказал Коваль, играясь двумя цершерами, найденными у Ника. — С нас хватит фантастики. Пусть Иваныч эти шарики себе в задницу засунет. Мы к людскому делу больше приучены.

— Что ж, берегите себя, — сказал Сергей.

— По-братски, — сказал Коваль, протягивая ему один из двух цершеров Ника. — Думаю, этого хватит, чтобы вам обоим вернуться.

— От души, — поблагодарил Сергей, принимая дар. — Ну, бывайте.

Он в быстром темпе поспешил за убегающим в сторону мелколесья товарищем, чтобы не упустить его из вида.

— Да, оставили мы тут целое кладбище, — сказал Горбач, поднявшись на холм и оглядывая трупы. — Зато их всех точно никто не найдёт. Оружия надо побольше взять, а то неизвестно, как нас там встретят. Вдруг так же, как и мы их.

— Как вернёмся, залагу на дно, — поведал Коваль, подойдя к сообщнику. — Скорее всего, там нас ждёт этот. Который лапшу на уши вешать умеет. Его валить надо в первую очередь.

— Согласен, — сказал Горбач, вновь вытащив из кармана пачку сигарет.

Он отломил фильтры у двух сигарет и затолкал их себе в уши. Коваль проделал с фильтрами ту же самую манипуляцию в надежде на то, что это защитит их от гипноза Гжельского. Потом они приготовили оружие и использовали свой серебряный цершер по назначению.

* * *

Гжельский достал из кармана серебряный цершер, поморщился от отвращения. Шар увеличился в размерах и перестал помещаться в ладони. Меренея наблюдала за мужчиной больше, чем за Лерой. При виде цершера её посетила надежда.

— Прошу вас, — обратилась Меренея к Гжельскому. — Не сдавайте меня.

— Два! — раздался голос с первого этажа, максимально приближая свой отсчёт к заветной цифре.

Мона аккуратно ушла с прицела Леры, чтобы не мешаться под ногами в случае штурма.

Гжельский проигнорировал просьбу Меренеи. Он подошёл вплотную к Лере, но девушка-альнелон ловко преодолела небольшое расстояние до мужчины и крепко схватила его за руку. Хоть Гжельский и оказался сильнее её, но Меренея успела выхватить у него цершер, быстро разбив его с намерением забрать с собой в Резервный мир Адама.

Но её намерение было сформулировано наспех, не точно. Поэтому, когда вспышка рассеялась, и Меренея, и Адам, и Лера, а также Олег Рубинович оказались на лугу, где когда-то впервые в этом месте очутился Марк Семёнович и все остальные его человеческие последователи.

Меренея, не успев отойти от привычного ослепления, вызванного переходом в параллельный мир, тут же бросилась к Гжельскому с просьбой:

— Умоляю, у вас есть ещё цершеры? Мы должны их сейчас же использовать, иначе они

быстро нас догонят! Мы должны запутать следы...

— Боюсь, ничего не получится, — сказал Гжельский, ставя рукой барьер от совсем близко оказавшейся рядом с ним девушки-альнелона. — Функционал моих цершеров ограничен локациями. Мы вернёмся в мир людей в то же самое место, откуда совершили переход. А при переходе в Резервный мир мы окажемся только здесь.

— Тогда ждём гостей, — устало вздохнула Лера и впервые обратила внимание на Адама. Несмотря на его атлетическую комплекцию, он не выглядел опаснее своей спутницы.

В это время Адам был в полном восторге — с приоткрытым от удивления ртом и заметно округлившимися глазами он оглядывал просторы параллельного мира, не находя слов. Не сразу он догадался достать свой айфон, чтобы сделать несколько кадров.

Мереня сказала ему:

— Боюсь, твой телефон уже испорчен, если не был заранее выключен.

— Вот чёрт, — расстроился мужчина.

Экран его айфона продемонстрировал несколько жёлтых полосок и выключился навсегда. Зато парень посмотрел на свою девушку новыми глазами и высказал озвучил свою новую причину восторга:

— Маринка, какая ты стала... другая. Твои глаза это просто бьютифул! Боже мой, тебе так идёт!

Мереня улыбнулась краем губ. Но совсем не в такой ситуации она хотела услышать эти слова.

Лера спросила, держа наготове автомат:

— Что нам делать, бежать? Тут мы как на ладони...

Больше оружия у неё с собой не было, так как всё осталось в сумке, задвинутой под стол Кристины.

Мереня принялась быстро размышлять вслух:

— Они появятся в разных местах и окружают нас. Это будет легко для них. Либо они вовсе не станут соваться в это место Резервного мира, так как здесь особая территория. Тут действуют некоторые правила, которые департамент должен соблюдать по договорённости с грисами. В любом случае бежать глупо, тут мы везде как на ладони. Так же как и они, если появятся здесь. Кто тут говорил, что она метко стреляет?

На последней фраза девушка повернулась к Гжельскому, но тот завёл совсем другой разговор:

— Тебе было проще сдаться.

— И погибнуть? — сказала Мереня.

— Другого варианта развития событий для тебя нет?

— Нет, — попытожила Мереня.

Гжельский ничего не ответил.

Адам не долго расстраивался испорченному айфону и плохим перспективам на будущее — он был единственным, кто восторгался этим местом.

— Марина, а как же тут... круто! Нереально! Это вандефул!

— Чёрт, — выругалась Мереня и села в траву, благо склон небольшого холма был достаточно удобным для посиделок. — Здесь гора трупов. Это всё того не стоило. Какая же я дура. Кас прав. Дура набитая...

Она опустила голову. Адам сел рядом с ней и нежно обнял. Озвучил первые попавшие в голову мысли:

— Ты не дура. Тебе не стоит себя ругать. Это был бы восхитительный подарок...

— Теперь нам всем грозит беда...

Адам перестал восторгаться местным пейзажем, после того, как позже всех его взгляд обнаружил несколько трупов. Один из них был женского пола. Чуть поодаль лежал крепкий мужчина почти похожего телосложения, только он был старше. Это пугало. Вся прелесть здешних мест быстро пропала.

Вмешался Гжельский:

— У вас есть какое-нибудь оружие? Чем вы сможете помочь нам всем защититься?

Адам сказал:

— Я с одного удара челюсть выбиваю только в путь! Правда, это было один раз и то случайно, на батуте...

— Проклятье! — выругался Гжельский, быстро изучая территорию и осматривая трупов на предмет оружия. Но он нашёл только перцовый баллончик около сумки Кати.

— Жалко, Ник погиб, — сказала Лера. — Хотелось бы верить, что с Катей всё в порядке.

— Вряд ли, — сказал Гжельский, найдя её паспорт и косметичку в траве. — Это дело не стоило таких потерь. Это дело, чёрт побери, не стоило таких потерь! Проклятье!

Олег Рубинович был сильно раздосадован. Он бегло искал взглядом труп Кати, не находил его, но тревога нарастала.

— Эй, здоровяк, — обратился он к Адаму. — Сделай сейчас же тридцать отжиманий.

— Но как это сейчас поможет? — не подчинился Силе его слова Адам. — Я, конечно, не против лёгкой физкультуры, но мне кажется, что сейчас...

— Заткнись, — велел расстроенный Гжельский, понимая, что в этом мире он бессилен.

— Сам заткнись, чувак, — сказал Адам.

Они заткнулись оба, не найдя больше слов. Зато по делу высказалась Лера:

— Может быть, не будем никого ждать, а прогуляемся по местности? Может быть, Катя ещё жива и ей нужна помощь.

— Поддерживаю, — сказал Гжельский и повёл всех за собой в сторону мрачного чёрно-жёлтого леса. Здесь его развитая интуиция тоже выглядела бессильной.

* * *

После перехода Коваль и Горбач некоторое время шурились, пытаясь привести зрение в порядок, но всё же быстро смогли узнать то место, в котором они очутились. Это был первый этаж овощной базы, ровно та точка, откуда они и смогли переместиться в Резервный мир после того, как собрали в одну мерзко выглядящую кучу трупы менее удачливых коллег по криминальному ремеслу.

Но на этот раз на овощной базе было достаточнолюдно. И их действительно ждала засада. Не так давно оставшиеся с ничем альнелоны из департамента были очень злы.

Ковалю и Горбачу пришлось бросить оружие и поднять руки вверх.

— Вы видели Меренею? — обратился к людям командир отряда.

— Кого? — чуть ли не синхронно спросили Коваль и Горбач.

Нет, несмотря на затычки в ушах они прекрасно слышали хорошо поставленный командирский голос.

— Девушка, белые волосы, синие глаза, — пояснил предводитель маленького войска альнелонов, в мире людей не отличимых от коренных жителей.

— Один глаз, — сказал Коваль. — Мы видели одну блонду, у неё была повязка на

одному глазу. Она была с этим, фокусником, как его там. Они тут были, на втором этаже...

— Где Иваныч? — перебил его командир отряда.

— Где-то нычится в Резервном мире, — поведал Горбач. — Мы делов не знаем. Нам бы просто уйти. Это всё нас не касается. Нас заставили туда пойти, мы вернулись, чтобы никогда с этим не связываться...

— Кто-то ещё должен придти? — командир отряда вышел из тени и подошёл вплотную к людям, чтобы лучше почувствовать, действительно ли перед ним обычные люди, а не грисы, например.

— Не, мы одни остались, — сказал Коваль.

— Плохо, что вы не видели Меренею, — командир утратил интерес к гостям, отойдя в сторону овощных стеллажей, которые должны были пойти на погрузку, если бы сегодня всех простых работяг так рано не прогнали с работы.

Мона старалась держаться как можно ближе к нему, чтобы все понимали, что она тут не заложница, а такой же сотрудник департамента. По крайней мере, официально её ещё не уволили.

— Сами понимаете, — она попыталась что-то объяснить. — Время в Резервном мире немного «сдвинуто», они могли разминуться буквально на минуты...

— Что с запросом на разрешение войти в ту зону Резервного мира? — спросил командир то ли у Моны, то ли у своего помощника.

— Молчат, вроде, — ответила Мона, проверив телефон.

— Ждём возможности подтверждения от грисов, — сказал более осведомлённый помощник. — Департамент не против, чтобы мы выловили нарушительницу в той зоне.

Мона погрузилась. Да, не ей теперь с важным видом озвучивать решения департамента.

Помощник спросил у командира:

— Что делать с этими людьми?

— Аккуратно утилизировать, — спокойно ответил командир, убирая пистолет в кобуру.

— Есть, — сказал помощник и махнул ладонью по своему горлу, показывая остальным членам отряда о необходимости проведения карательной деятельности. — А с ней что теперь делать?

Он имел в виду Мону.

Сердце девушки буквально сжалось от страха после того, как до неё дошёл смысл этого вопроса. И ей совсем не хотелось услышать на неё ответ. Поэтому она поспешила обозначить свою полезность самостоятельно и как можно скорее:

— Я знаю, где может прятаться Меренея в Резервном мире! Не утилизируйте меня...

Командир вздохнул, но ответил жёстко:

— Тебя, в отличие от этих, утилизируют только после решения суда. Мне всё равно где ты будешь ждать этого решения. За решёткой или помогая нам. Я не особо верил в твою помощь, но там, наверху, попросили тебя взять с собой. Если тебе есть чем помочь, то помогай. Но не дай Безликие ты нам как-то помешаешь... спишу твою гибель на издержки операции.

Мона ничего не ответила. Только растерянно захлопала длинными ресницами, пытаясь не дать своим карим глазам расплакаться.

После того, как приказ об утилизации Ковалья и Горбача был исполнен, от департамента пришло разрешение посетить запретную зону Резервного мира. Грисы разрешение так и не дали, как того требовали законы, но руководство альнелонов решило, что если небольшой

отряд проведёт быструю и аккуратную операцию по поимке и утилизации Мерени и серебряных цершеров, то ничего плохого не случится. Дело носило исключительный характер для безопасности Резервного мира, поэтому можно было немного отойти от правил.

Командир, к которому все в условиях боевой обстановки обращались по позывному «Вихрь», выстроил перед собой отряд, после чего раздал короткий инструктаж. После инструктажа одна часть отряда переместилась в запретную зону Резервного мира, где царило беззаконие. А другая, меньшая часть отряда, осталась ждать возможного возвращения кого-либо на овощную базу.

Мона очень хотела убежать, скрыться, спрятаться. Был бы только шанс. Но командир решил не брать её в Резервный мир, она осталась на овощной базе в качестве обречённого на строгий суд арестанта, хоть пока и не со связанными руками.

— Как же хочется курить, — простонал Кас.

Ему никто не ответил.

Марк Семёнович почти не приходил в себя. Иногда Касу даже казалось, что тот умер, но когда грис трогал его шею, та ещё пульсировала жизнью.

Сосед по заключению так и не стал общаться с Касом, как тот ни старался его разговорить. Грис даже один раз попытался потрепать его за плечо, за что получил небольшой заряд током — видно сено, которым себя укрывал немногословный пленник, сильно наэлектризовалось, если это было, конечно, возможно. Впрочем, это Резервный мир, тут иногда происходит какая-нибудь дикость, аномалия.

Так или иначе, пленник не вступил в разговор с Касом, но тот смог его немного рассмотреть — это был совсем молодой парнишка, стриженный почти «под ноль», с ясными, почти бесцветными глазами, белёсыми бровями и ресницами. Он не был похож ни на гриса, ни на альнелона, ни на человека, хотя визуально был ближе к последнему. Но эти большие, светло-серые глаза, были наполнены нечеловеческой безучастностью. Наверное, так могли выглядеть совсем просветлённые тибетские монахи. Но, несмотря на внешнюю невозмутимость, постоялец этой неудобной «гостиницы» иногда шмыгал носом, видимо тоже замёрз. Парень был одет в простые штаны и клетчатую рубашку с длинными рукавами. Поза «по-турецки» показывала его необутые даже в носки ноги. Ещё он был фрагментарно накрыт охапками соломы, чем немного походил на чучело.

Марк Семёнович чувствовал себя очень тяжело. Он даже не мог поменять положение головы, шея сильно затекла, но сил не было, чтобы хоть пошевелиться. Грязные пальцы Каса вновь проверили пульс. Но наличие пульса не всегда признак жизни.

Семечкин понял, что серьёзно заболел. Сказались нереальные для его состояния здоровья нагрузки и местная атмосфера. А может и возраст — пора ложиться и никогда не вставать, привыкать к горизонтальному положению.

Но мужчина ещё мыслил, ещё ощущал своё сознание, которое несколько отделилось от действительности. Марку Семёновичу даже стало всё равно на то, что творится в настоящем. Было важнее оставшееся в прошлом.

А прошлое не могло быть другим. Оно не могло быть ровным, как если бы человек на протяжении всей своей жизни непрерывно чертил бы одну линию на стене существования. То стена бы оказалась с выступами и углублениями, то рука бы дрогнула, оптимистично потянувшись вверх или депрессивной усталостью опустившись ниже. Иногда, правда, на время могла бы попасться какая-нибудь линейка для ровности начертательных манипуляций. В любом случае эта линия должна будет когда-нибудь прерваться. Ничего сложного, но так тоскливо в финале. Как хочется пожелать всем логичного пути, чтобы нарисовать эту линию жизни не то, чтобы ровно, и не так, как захочется, а так как надо, как положено достойному человеку.

Семечкину показалось, что именно сейчас он оторвал свою руку от этой стены и понял, что чертил он эту полосу своей жизненной энергией. И вот эти чернила закончились и дальше только один итог. Но он был ещё жив. Видимо, не выдохся ещё тот фломастер, что так часто меняет свой цвет, делая полосу то чёрной, то белой, то ещё какой, лишь бы не однообразно бесцветной.

В темнице стало ещё холоднее и совсем стемнело. Наступала долгая ночь. Грисы по ту сторону преграды зажгли едко шипящий ярко-жёлтый огонь и продолжили беседу ни о чём.

Кас, быстро проверив состояние старика, близко подошёл к стене, располагающей дверью, и начал всматриваться в самую большую щель. Прислушался. Делать было абсолютно нечего.

Оба стражника сидели за столом в непринуждённых, расслабленных позах. Похоже, это были грис и альнелон. На одном была натянута шапка, а на другом был капюшон задрипаной толстовки, но черты их лиц достаточно легко угадывались.

Вскоре в помещение зашёл третий персонаж. Было непонятно, к какой расе он мог относиться.

— Всем привет! — изрёк незатейливое приветствие гость.

Его голос показался Касу знакомым. Детально рассмотреть пришедшего он не смог, тот стоял в неудобном для обзора месте, около самого выхода.

— Тебя что сюда прислали, стеречь? — спросил грис у пришельца. — Рано ты пришёл, смена ещё не закончилась.

— Да вот, как прислали, так и пришёл, — ответил гость. — На кой я ещё тут могу сгодиться с такой ногой.

— Вот и понизили тебя, — мерзко рассмеялся альнелон. — Навсегда, или как нога не заживёт?

— Пока нога не заживёт, — сказал гость.

— Оружие-то хоть выдали? — спросил грис.

— Не, — ответил гость.

— Надо быть осторожнее, — предостерег альнелон. — Ты слышал, что в темнице теперь не только блаженный сидит. Привели ещё настоящего человека и какого-то гриса! Очуметь, правда?

— Тоже мне невидаль, — сказал гость. — Человек.

— Заколебали они по Резервному миру шастать, — сказал альнелон-стражник. — Ну, так или иначе, поэтому мы тут вдвоём сидим. Теперь на двоих дежурства все, пока эти в зоопарке содержатся. Не знаю, что Дарин решит. В этом году он ушёл в запой раньше: его день рождения только завтра, а он уже никакой. Пока в себя не придёт, наверное, ничего не решит...

Гость кивнул и сказал:

— Вы бы погрелись в таверне. Там сегодня хорошая брага. К завтрашнему дню завезли и уже разливают. А я пока тут постерегу.

— Это хорошая идея, — сказал один стражник. — Я быстро сгоняю, всем принесу...

— Я бы тоже развеялся, — сказал второй стражник. — Давай, я схожу?

Первый возразил:

— Блин, у меня уже жопу тошнит столько времени на стуле сидеть!

— Сходите вместе! — предложил гость. — Ничего же не случится.

— Хорошая идея, — один из стражников тут же подскочил со стула. — Держи наган.

Мы быстро. Вставай, жопу у него тошнит...

Два стражника ушли, а гость подошёл вплотную к стене темницы.

— Привет, Вирис, — сказал Кас. — Шустро скачешь.

— Всё равно болит, — пожаловался Вирис. — Я знал, что тебя поймают.

— Молодец, — съязвил Кас. — Дай сигарету.

— Тут нельзя курить. У вас там солома. Но я могу помочь. Мы обыскали твоё жилище, но я-то знаю, что у тебя ещё есть тайники. Расскажи мне про них, и я тебя выпущу. Честное слово.

— Честное слово? — недоверчиво сказал Кас. — Начнём с сигареты.

— Нету. Да и времени мало. Решай.

Кас хотел бы вытащить бревно из стены и перешибить этого Вируса, но смог только сказать:

— Я же пощадил тебя...

— Вот поэтому и я готов помочь!

— Это ты мне должен, а не я тебе!

— Ну, как знаешь, — сказал Вирис и отдалился от стены, опираясь на палку.

В этот момент дверь в строение отворилась, и, освещаемые несколькими электрифицированными цершерами, которые держали в руках сыновья Гришатре, в помещение вошли Дарин со своими вооружёнными подчинёнными. Ну и сам Гришатре.

— Показывайте мне! — велел пьяный хозяин этого поселения. — Показывайте мне этого чёртова человека. Что стоишь, как там тебя, Бивис...

— Вирис, — сказал хромой грис.

— Что стоишь, Бивис, — повторил Дарин. — Отворяй ворота. Для моего зоопарка пришла беда...

Вирис поспешил отворить темницу, дверь в которую была заперта лишь на массивный засов. Не скоро, но он смог впустить авторитета со своей свитой к пленникам.

— Этот всё молчит? — спросил Дарин.

— Молчит, — сказал альнелон-стражник, быстро вернувшийся вместе с коллегой на место службы, так и не успев разжиться брагой, заметив, какая делегация направляется к месту его дежурства.

— И не жрёт? — спросил Дарин.

— Было раза три за неделю, — кто-то осведомил авторитета.

— И не кормить, — сказал Дарин. — Посмотрим, как запоёт. А что с человеком?

— Лежит, — сказал кто-то.

Дарин достал из-под ремня плётку и ударил ей в сторону Марка Семёновича.

Тот вскрикнул, пришёл в сознание, но не смог даже приподняться.

— Встать! — приказал Дарин.

— Зачем ты его бьёшь? — вмешался Кас.

— Ты, — обратился к нему авторитет, — тот самый торгаш, что со мной не хотел работать?

Кас начал оправдываться:

— Я не то, чтобы не хотел! Мы же отлично вели для тебя дела с Гришатре...

— Меня не приплетай, — сказал тоже находящийся под воздействием хмеля Гришатре.

Кас продолжил:

— Я никогда не говорил, что не хочу вести с тобой дел...

Дарин ударил плёткой старика ещё раз. Пьяные удары были не сильные и не точные, но этого хватило, чтобы Семечкин получил несколько болезненных рассечений.

— Прекратите, — попросил Марк Семёнович. — Я встану. Колено болит. И в груди...

— Сейчас исцелишься! — сказал Дарин и ударил старика ещё раз.

* * *

Аркадий Иванович пришёл в себя. Силуэты деревьев почти смешались с темнотой, превратившись в сплошной мрачный пейзаж.

Два гриса, уже почти обессиленные, продолжали тащить на себе пленника, но успели проделать не такой большой путь, как планировали.

Иваныч обратился к грисам:

— Если я встану на ноги, дело пойдёт быстрее.

Один из грисов быстро опустил его ноги на землю. Сказал, еле дыша:

— Так бы сразу нам и поведал! А то неси тут его!

— Так вы мне так по башке дали, что мне и говорить тяжело! — сказал Иваныч. Его голова действительно болела, а шея вовсе не ворочалась. — У вас есть чё из еды? С утра не ел!

Второй грис тоже опустил мужчину на уже остывшую землю.

— Хлеб будешь? — достал один грис из-за пазухи будто грязную, будто просто тёмную краюшку хлеба. — Вода закончилась.

— Не буду, — брезгливо сказал Иваныч. Верёвка сильно стягивала руки, пальцы почти не шевелились. — Развяжите руки.

— Зачем? — не понял мужчина-грис с ружьём.

Они разделили между собой краюшку хлеба и быстро её умяли. Но Иваныч ни разу не позавидовал их ужину. Он спросил у них:

— Вы в мире людей давно были? Плохо выглядите.

— Недавно, — прозвучал ответ на вопрос. — Мы без мира людей живём столько же, сколько и вы без еды. Нас водят туда раз в неделю. Приблизительно. Мы невольные, своих цершеров для «туда-сюда» в людском мире не имеем.

— Хотите нормальной еды? — предложил Иваныч. — Могу организовать. В мире людей всё иначе. Там цвета, там еда, выпивка. Там девчонки...

— Девчонки и у нас есть... да и видим мы ваш мир. Без денег там не жизнь.

Иваныч обрадовался:

— Ты не понимаешь. У меня есть деньги. Там ты отдохнешь, как чело... как достойный грис! Вы просто не знаете, какие там есть места!

— В баню сводишь?

— В сауну! — заверил Иваныч. — Легко!

— Нам надо срочно возвращаться, а то нас накажут, — сказал один из грисов. — Да и нет у нас цершеров для мира людей.

— У меня есть. Развяжите руки.

— Ага! — грис поправил ружьё, чтобы быть готовым к опасности. — Ты один уйдёшь!

— Нет! — сказал Иваныч. — Только готовьтесь, что нас может недружелюбно встретить один тип...

— Один? Что мы с одним типом не справимся что ли?

— Одного? Легко! — браво сказал второй грис и достал пистолет Иваныча. — А как мы обратно пойдём?

— Не надо вам обратно, — сказал Аркадий Иванович. — Я вас там устрою, как надо. Что вы здесь видели? А там такой мир, цветной...

— Да, небо у вас красивое. И всё такое... яркое...

— Во-во! — Иваныч был доволен.

— А там сейчас день или ночь? — спросил грис с пистолетом, доставая острый кусок

металла.

— Великолепный вечер, — соврал Иваныч. Он не знал, сколько сейчас времени ни в Резервном мире, ни в мире людей. — Посмотрим на то, какие у нас закаты, а потом пойдём в баню. Там еда и выпивка...

— Они разве работают по ночам? — недоверчиво спросил грис с ружьём.

— У нас в мире людей жизнь кипит в любое время суток!

Грисы переглянулись, а потом один из них перерезал верёвку на руках человека. Иваныч долго разминал руки.

— Я бы на море посмотрел, — сказал один грис. — Говорят, красивое.

— Красивое, — повторил Иваныч. — Не зря у вас тут, в Резервном мире, только и разговоров, что о море.

— Да? — удивился грис. — Не слышал.

— А я бы хотел вновь вашего хлеба поесть, — сказал другой грис. — Я пробовал. Мне очень понравился. До сих пор помню ту булку.

— Так чего же мы ждём! — Иваныч аккуратно извлёк из кармана один из серебряных цершеров.

Поначалу, начальник овощной базы хотел переместиться один. Но Гжельский, он мог поджидать его. Да и один из грисов спросил:

— Так что за тип, которого ты боишься?

— Не боюсь, — сказал начальник овощной базы. — Просто он опасный.

Грисы непродолжительно посмеялись. Один из них сказал:

— Это мы ещё посмотрим, кто опасный!

— Как переместимся, — велел Иваныч, — стреляйте в любого мужика, которого увидите перед собой.

— Легче лёгкого, — заверили грисы.

— Тогда, вперёд, — сказал начальник овощной базы и бросил цершер под ноги и пригнулся.

* * *

Геннадий не ожидал от себя такой прыти. Как только ему казалось, что беглянка окончательно скрылась от него, он успевал заметить малейшее движение веток деревьев или часть её стройного туловища, обтянутого в красивую обёртку стильного платья.

Он ощущал себя настоящим львом, преследующим свою добычу. Разве только слюни ещё не свисали с его такого же гладкого, как и центр его макушки, подбородка. Только краснели щёки, да пивной живот неаккуратно тряся при долгой пробежке.

Сергей держал дистанцию. Он знал, что Гена его видит, а Гена в свою очередь чувствовал, что друг в случае чего его подстрахует. Но Серому быстро надоела эта погоня, но он не пытался остановить своего товарища от этой мании. Поэтому просто дистанционно наблюдал за погоней, осторожно оглядываясь по сторонам. Не может же девка долго убежать и прятаться от двух взрослых мужиков, рано или поздно она допустит ошибку.

Но внимание Геннадия переместилось на другую цель — он увидел двух женщин-грисов, собирающих что-то на опушке мелколесья. Одна из них выглядела старше и была очень некрасива. Её широко раскрытые глаза будто говорили о том, что она не обладает большим интеллектом. Вторая выглядела стройнее и значительно моложе. Гену тоже смутили её большие, кошачьи глаза и слишком пышная, как у дикобраза, шевелюра. Но обтягивающие легинсы на стройных ногах девушки заглушили первое пренебрежительное

впечатление.

Он остановился и спросил у девушек:

— Не видели девушку? В таком белом платье, а по бокам серые вставки? Думаю, тут мало таких, кто так непрактично одевается.

— Мы не вольны обращать внимания на чужаков, — сказала та, что постарше. — Близко владения Дарина, и если в них что-то происходит, то это случается лишь по его одобрению. Мы не заступаем на его территорию. Мы мирно собираем вечернюю росу с ликонидов.

— Кого? — не понял Гена. Ещё его удивила очень мягкая и приятная речь некрасивой незнакомки.

— Видимо, вы мало знакомы с собирательством, — сказала более молодая девушка.

Гене даже показалось, что она улыбнулась. Несмотря на её смущение, она старалась подольше задержать взгляд на незнакомце человеческого происхождения.

— Не, — оскалился кривой улыбкой Гена, — я больше знаком с травокурительством.

— Это не одно и то же, — сказала молодая.

— Я знаю, — сказал Гена. — Но уже поздно и вы тут совсем одни...

— Эту росу дорого покупают и так мало времени на её сборы, — сказала молодая девушка-грис. — Да и наши мужчины совсем рядом, охраняют, а те, кто работает на Дарина, и так имеют с нас дань.

— Имеют, — вновь тупо улыбнулся Гена.

— Вы от Дарина? — спросила женщина постарше. — Мы не нарушаем границ, пусть посылает к нам на рынок своих сподручных, мы предложим лучший товар. Проходите, пожалуйста, по своим делам, мы вам не мешаем...

— А что ещё можете мне предложить? — спросил Гена. — И где эти ваши местные?

— Я их позову, — сказала женщина.

— Позови! — сказал Гена, держа пистолет под рукой, в боковом кармане олимпийки. — А человеческая девушка, значит, мимо пробежала?

— Не имеем права говорить о тех, кто пришёл с территории Дарина, — сказала женщина-грис и засунула в рот два пальца, после чего звонко, но непродолжительно свистнула.

— Что ж ты свистишь, зараза, — сказал Гена. У него на мгновение заложило уши.

— Извините, — сказала женщина. — Но вы нас пугаете.

— Это правильно, — самодовольно сказал Гена, доставая пистолет.

Совсем рядом показались огни — навстречу людям шли двое мужчин. В руках у них были светящиеся шары и ружья. Они выглядели идеальными мишенями.

— Вэл и Миридиан, пожалуйста, — попросила женщина у приближающихся мужчин. — Не светите здесь, мы так долго искали это место...

— Кто такие? — спросил один из незнакомцев. В его голосе чувствовалась агрессия, хоть и дуло ружья гриса было направлено вверх. — Если вы от Дарина, то...

Гена перебил его:

— Как же вы достали со своим Дарином!

Он быстро прицелился в путника и выстрелил два раза. Первая пуля прошла мимо, а вторая пробилась череп гриса в районе правого глаза.

— О, да, — довольно сказал Гена.

Второму спутнику собирательниц росы с ликонидов не дали применить оружие

несколько метких выстрелов Сергея, что вовремя оказался поблизости.

Зубы женщины гриса оскалились, она достала короткий нож с очень широким лезвием и бросилась в сторону Гены. Тот только успел пнуть её ногой, и та свалилась в траву, около которой так бережно кружила в это предзакатное время.

Потом Гена застрелил её одним выстрелом.

— Нет! — испуганно крикнула молодая девушка-грис, из её рук выпал сосуд, в который она собирала ценную росу...

* * *

Как стало темнее, Гжельский, Лера, Адам и Мереня вышли к дороге, ведущей в полуразрушенный город, некогда являющимся постоянным пристанищем Каса.

— Куда ведёт эта дорога? — спросил Олег Рубинович.

— В город, — сказала Мереня. — В обратной стороне находятся владения Дарина. И тут и там небезопасно. Но сейчас наступит глухая ночь, даже самым отъявленным разбойникам и головорезам здесь делать нечего. Это даже преимущество...

Гжельский возразил:

— Нет, надо возвращаться. Насытился я вашим проклятым миром. Лера, ты нормально себя чувствуешь?

— Я немного устала, — сказала девушка.

Мужчина начал приводить ей свои доводы:

— согласишься, что если мы вернёмся обратно, то это будет лучшим решением, чем оставаться здесь?

— А если нас там ждут? — засомневалась девушка.

— Скорее всего. Но мои люди уже должны искать нас.

— Найдут ли, — засомневалась Лера.

— Что ж, рискованное дело всегда опасное, — сказал бессмысленную фразу Гжельский. Эти обстоятельства собственной беспомощности смыли с него ореол мудрости.

В разговор вступила Мереня:

— У меня есть план. Тут недалеко местный рынок...

Её перебил Адам:

— Такая же овощная база?

— Лучше, — сказала его возлюбленная. — Там торгуют и цершерами, и оружием. Чем угодно. Только не овощами. Можно пробраться туда и выкрасть что-нибудь. При условии, если этот господин подарит мне пару своих серебряных цершеров. Потом наши пути разойдутся.

— Рынок хорошо охраняется? — спросила Лера.

— Не знаю, — честно ответила Мереня.

Лера предложила:

— Давайте посмотрим на обстановку, пока совсем не стемнело. Местная луна меня немного... напрягает.

Она хотела сказать, что пугает, но долгие занятия с Гжельским выжгли в ней страх. Но особое колкое чувство дискомфорта ещё оставалось ощутимым в сознании — это было полезно для общего мироощущения, как заверял тогда Олег Рубинович. Впрочем, сейчас он не выглядел так уверенно, самодовольно.

— Давайте оценим обстановку, — согласился Гжельский.

Вдалеке раздалось несколько выстрелов и будто бы даже послышался чей-то крик не то

одобрения, не то ужаса.

— Стреляют, — словесно запротоколировал Адам.

Мереня ответила:

— Местная шпана, наверное, балуется. Это неприятное место для всех официальных альнелонов и грисов. Они сюда не суются. Это место стратегически неудобное, тут свои законы...

— Пошлите уже отсюда куда-нибудь — сказал Адам.

И они осторожно двинулись к городу.

* * *

Когда Катя пробежала мимо женщин-собирательниц, то только и успела обменяться с ними тревожными взглядами, но те не сохранили с ней долгого зрительного контакта, тут же отвернув головы в стороны, будто не замечая беглянку. Катя не стала просить у них о помощи. Впереди, у дороги, курили двое вооружённых ружьями парней. С обратной стороны Катю нагоняла угроза в виде двух мужчин из её мира.

В этом районе пролесок сгущался за счёт нескольких высоких густых деревьев, похожих на величественные дубы из земного измерения. Не попадая ни в чьё поле зрения, Катя сняла с себя туфли, больше похожие на балетки, стиснула их в зубах и впервые с детского возраста полезла на дерево, в надежде укрыться в его густой листве от всех, кто мог бы причинить ей зло. Наставления Гжельского о смелости здесь не работали.

Каждый выстрел отзывался дрожью в её хрупких плечах, белая кожа которых уже была покрыта ссадинами от колючих веток её убежища.

Но она прекрасно слышала это визгливое «Нет», которое ещё больше встревожило её сознание.

Сергею тоже было тревожно, о чём он и сказал своему напарнику:

— Надо уходить, мы на шумели. Темнеет. Надо бросить поиски этой девки и найти убежище. Утром продолжим поиски Иваныча...

— Хватит мне лекции читать, — сказал Гена, приближаясь к молодой девушке-грису. — Посмотри, какие тут сладкие ножки. У меня давно не было женщины. А ты чувствуешь, какая тут свобода?

Он схватил девушку-гриса за руки и бросил её в мокрую от росы траву. Его жертва кротко взвизгнула.

— Не, — сказал Сергей, доставая сигареты из кармана. — У меня Вика беременна...

— Да ну, — удивился Гена, наваливаясь своим весом на почти не сопротивляющуюся девушку. — А что раньше не сказал?

— Сегодня утром узнал, что у неё задержка.

— Поздравляю, — сказал Гена, не зная как сделать жертву более податливой. — Братан, отойди, ты мне мешаешь... сконцентрироваться.

Сергей пожал плечами и отошёл в сторону, равнодушно затягиваясь сигаретой.

Девушка вновь вскрикнула...

Третий крик девушки Катя не смогла пережить. Ей вспомнились все страхи и даже этот не по-весеннему жаркий полдень, когда она забыла про свою уверенность, почувствовав себя униженно незащищённой, когда тот, кто сейчас преследовал её, вполне возможно пытался надругаться над той, которая оказалась в ненужном месте в ненужное время. Разве можно простить кому-то животные инстинкты, если хочешь продолжать жить в мире человекоподобных существ, пусть даже этот мир и называется Резервным?

Катя не помнила, как спустилась с дерева, и, пригибаясь, поспешала туда, откуда снова раздался девичий визг. По пути она наткнулась на мёртвого мужчину и забрала у него ружьё. Но у неё уже не было возможности подобраться к лысому насильнику незаметной...

Катя быстро прицелилась и произвела два выстрела из ружья. Одна пуля перекосила довольный рот Геннадия ярко-красной бахромой разорвавшейся плоти и разлетевшейся в стороны челюсти. Второй выстрел подарил насильнику новую причёску красного цвета, которая кровавым ободком довершила его последний грешный образ.

Мало похожее на человека и душевно и визуально туловище свалилось в траву.

Сергей отошёл достаточно далеко, поэтому прозевал этот момент. Стрелять он не стал, расстояние было слишком большим, да и Катя его заметила. Она стреляла ему в след, пока не кончились патроны. Потом она сбегала за вторым ружьём, чтобы догнать беглеца, но Сергея уже и след простыл.

Стало темнее.

— Уходи, — сказала Катя девушке, всё ещё лежащей в траве. — Быстро.

— Вы от Дарина? — спросила испуганная девушка. — Он меня не накажет?

— Пусть идёт к чёрту, — сказала Катя.

— Спасибо, — сказала девушка, медленно покидая место бессмысленной бойни.

Катя хотела крикнуть, выпустить напряжение, застрявшее где-то глубоко внутри едкой чёрно-жёлтой заразой. Но она сдержалась. Мало ли было плохого в жизни? Она успела пережить и преследование коллекционера голов, и несколько экспериментов Гжельского, вышедших из под контроля...

Переживёт и это.

* * *

Через полчаса Гжельский, Лера, Мереня и Адам уже были на территории рынка которая хоть и охранялась, но сторожа не торопились вылезать из своей бытовки в уже загустевшую ночь.

Адам сумел сломать несколько хлипких дверей торговых вагончиков. В одном из них они нашли небольшой запас электрифицированных цершеров. При свете вскрывать другие вагончики оказалось проще. Но там тоже было почти пусто. Видимо торговцы не любили оставлять свой товар на рыночной территории. Нередко попадались разные травы и вещества, но чтобы можно было с ними что-то сделать, нужны были определённые навыки. Гжельский спрятал в карманы своего белого пиджака несколько образцов, которые показались ему занимательными.

В одном из вагончиков пришлось погасить электрифицированный цершер — Лера, стоявшая на страже спокойствия расхитителей, заметила небольшой патруль, состоящий из двух охранников медленно прогуливающих по территории. Они были вооружены компактными автоматами.

— Нет, я точно видел здесь свет! — сказал один из охранников.

— Бро, раз видел, то проверь, — сказал другой.

— Может, подмогу вызовем?

— Я не хочу тратить цершер на твою тревожность, бро.

— Ты же знаешь, у меня ни одного не осталось, а до полочки ещё два дня!

— Я тебя прикрою, бро.

Первый начал светить тускло работающим динамо-фонариком в сторону двери бытовки.

— Проверю дверь, — сказал первый охранник.

— Давай, бро, — сказал второй.

Первый охранник подошёл к бытовки и резко дёрнул за неё. В этот момент его схватили за грудки крепкие, мускулистые руки, и быстро уволокли внутрь вагончика.

Второй охранник только и успел скинуть с плеча автомат, как тут же получил удар прикладом в висок. Удар Леры сразу же оказался фатальным, а вот Адам долго кружил в безмолвной схватке с охранником, пока Олег Рубинович не огрел последнего стулом, лишив того сознания.

Лера не успела оттащить охранника-альнелона с дороги, но смогла забрать у него оружие.

— Нужно уходить, — сказал запыхавшийся Адам. — Если их будет несколько, то будет сложно.

— Мы заберём один автомат, — сказала Мереня.

— Тогда нам пора в родной мир, — улыбнулась Лера.

— Подождите, — попросила Мереня. — Отдайте нам серебряных цершеров, если у вас их много...

— Два, не больше, — сказал Гжельский. Ему тоже захотелось уйти отсюда подальше, и он без промедлений отдал Марине два серебряных шарика. — Лера, что мне делать с оружием, проведи инструктаж. Я не умею им пользоваться.

— Ну, бывайте, ихтиандры, — своеобразно попрощался Адам, спешно покидая бытовку.

Мереня, не попрощавшись, проследовала за своим парнем.

Лера наспех рассказала, что и как работает, после чего Гжельский, собравшись с духом, бросил под ноги серебряный цершер. Он успел это сделать до нового обхода охранников, спохватившихся за долго отсутствующих коллег.

* * *

Боевой отряд под предводительством альнелона с позывным «Вихрь» тщательно прочесал небольшой периметр округи. Они никого не встретили — видно выбрали неверные направления, да и бойцов было слишком мало, чтобы поиски увенчались успехом.

— Совсем стемнело, — сказал помощник Вихря. — Уйдём отсюда?

— Уйдём, — согласился командир. — Сейчас разведка вернётся на точку сбора и уйдём. Рано утром будем штурмовать Дарина. Нужно его хорошенько потряхнуть. Я давно этого ждал. Не должно быть такого большого скопления отбросов-единомышленников даже в гиблой зоне Резервного мира. Если у Дарина появились серебряные цершеры, как ходят слухи, то он подлежит обязательной ликвидации. Уходим только чтобы отдохнуть, переждать ночь.

— Нас не слишком мало для этой операции? — спросил помощник.

— Уверен, — сказал Вихрь, — департамент выделит подкрепление. Но даже если подкрепления не будет, то Дарин не рискнёт сопротивляться официальным силам. И плевать, что грисы против. Серебряные цершеры это не шутка. Жаль, что поздно спохватились, вдруг кто-то уже начал копировать эту заразу. Что скажут на это Безликие... вот их и стоит бояться.

— Понял, — сказал помощник командира. — Доложу остальным, что ждём разведку и уходим. Только вот знаете... как-то не верю я уже...

— В Безликих? — нахмурился Вихрь. — То есть тебя не смутил тот переворот, когда часть альнелонов и грисов поменялись местами?

— Я не верю в то, что Безликим сейчас есть до нас дело, — закончил свою мысль

помощник. — Несмотря на то, что произошло, Безликие нам так и не показались. Ограничились лишь этим перевоплощением. Мелковато как-то...

— Не берусь судить. Но если мы оставим появление серебряных цершеров без внимания, то случится что-то очень плохое. Жаль, что официальные грисы этого не понимают. Или делают вид, что не понимают, а сами уже придумали, как это использовать против нас...

После недолгого молчания, помощник поделился тем, что его тревожит:

— Я сейчас смотрю одного блогера в соцсети альнелонов. Он упомянул про книгу «Пикник на обочине» в том контексте, что там была отображена мысль о недолгом пришествии инопланетян, будто на планете Земля они сделали небольшой, не значимый для них привал. И намусорили, как обычные туристы, потом свалили, не оглядываясь на следы своего пришествия. Вследствие чего на планете появилась аномальная зона. И тот блогер предположил, что Безликие могли также спихнуть нас в мусорный мир, чтобы никогда про нас больше не вспоминать. Мы для них те пакеты, что кидают в мусорный бак и никогда про них не вспоминают...

— Будем надеяться, — сказал Вихрь, не любил он такие разговоры, — что за нами хотя бы не приедет мусоровоз и не отправит нас на переработку.

* * *

Очередной удар Дарина плёткой рассёк ткань штанов на колене Марка Семёновича. Он тихо вскрикнул.

— Не надо, — тихо попросил Кас.

Он не знал, как это остановить. Если он вмешается, его кишки перемолотят с соломой, что служила настилом в темнице, и вскоре он навсегда исчезнет в атмосфере этого мира, не оставив и следа.

— Никак, — с досадой сказал Дарин, даже не глядя в сторону Каса. — А ведь обещал встать. Какой-то неправильный человек. Старый. Зачем он мне? Так и помрёт...

Гришатре озвучил свой бизнес план:

— А ты деньги бери с тех, кто захочет на него посмотреть...

— Это идея! — будто обрадовался Дарин. — Гришатре, с тебя сто монет. С остальных по пятьдесят...

— Почему с меня сто? — погрузстнел Гришатре.

Дарин объяснил:

— Потому что ты можешь себе это позволить. Ладно. Это шутка такая. Кому он нахрен тут нужен? Все видели людей в мире людей. Такие же туловища. Ничего забавного. Ну, пришёл он сюда, и что? Раньше мне казалось хорошей идеей заполучить эти серебряные цершеры. Можно было бы водить сюда людей на экскурсии. Или с ещё какими целями. Брать огромные деньги. Но сейчас... сейчас я понимаю, что нигде живому существу не будет хорошо. Кроме как после смерти...

Его глаза покраснели от алкоголя, линз и безумия. Никто не решил прокомментировать его последнюю мысль, кроме...

— Ошибаешься, — вдруг сказал парень, сидящий в одной позе в углу. — Если не смог научиться радости при жизни, то не встретишь её и после смерти...

— О! — обрадовался Дарин. — Блаженный заговорил. Ты сам-то нашёл свою радость?

— Нет, — сказал парень. С его головы упала охалка соломы, обнажив его короткобритую голову и пустой взгляд. — Нигде не нашёл. Ни на свободе, ни в заточении.

— Почему же? — усмехнулся Дарин. — Тут тебя плохо кормили?

Блаженный тут же нашёл ответ:

— Меня плохо кормит моё прошлое, и я не знаю, как усладить его, творя будущее.

— Твоё прошлое, — начал подбирать слова Дарин и быстро их нашёл, — пшик! Просто пшик! Ты молодой пацан, а говоришь, как сраный старец. Вот от этой человеческой рухляди я был готов это услышать, но не от тебя. Ты ещё не нюхал порох, женщин и вина...

— Пробовал, — сказал парень. — Пробовал больше, чем ты можешь знать. Это Оливия оградила себя от того, чем существуют миры, о чём грустят и чему радуются его жители. От потоков информации, от больших знаний и от чужой страшной истории. И оказалась счастлива, не растеряла энергию и силы. Я же попробовал всё, узнал изнутри о том, чем и как живут далёкие миры. Вкусил всё, что можно вкусить. И это меня ещё больше расстраивает.

Дарин сначала пошутил, потом возмутился:

— И чё? Ты в своём познании насколько преисполнился? Чёй-то ты такое пробовал, что не пробовал я?!

Его собеседник был краток в ответе:

— Разве можно объяснить это?

— А ты постарайся, иначе я убью старика...

— Хотя бы сострадание. Его я тоже пробовал. Но удовольствие от этого чувства получала только Оливия. Я не смог это принять так, как она.

Гришатре озвучил новый вопрос:

— Кто такая Оливия?

Оливер ответил:

— Лучшая из живых и мёртвых существ.

— Баба его, — пояснил, усмехнувшись, Гришатре.

— Чего же ты тут ищешь? — спросил Дарин. — Боли? Тебя мало побили тогда, когда нашли на моей территории? Ещё надо?

— Я не смогу объяснить, — сказал парень. — Боль меня тоже не удивляет.

— Вот как? — обозлился Дарин. — А если я прикажу вас всех тут переломать, оставив только соломинку вашей жизни на несколько минут. Что ты мне в этот момент скажешь?

— Я не умру, — сказал Оливер. — Смерть я уже тоже пробовал...

— Ах ты! — сказал Дарин и со всей силы ударил парня плёткой.

Хлёсткий удар пришёлся по голове и груди, но не оставил следов, лишь сорвал с парня покрытие из соломы и помял и так потрёпанную рубашку.

Парень спокойно ответил:

— Ты не достоин моего гнева...

— Ты, — обозлился Дарин. — Дайте мне ружьё!

Ему протянули заряженный и взведённый пистолет, а он отдал кому-то взамен свою плётку.

И тут же сделал несколько выстрелов.

Кас отвернулся и вжался в стену. Семечкин даже не пошевелился.

Дым после выстрелов рассеялся, а парень остался сидеть на своём месте. В его животе было два пулевых ранения, но тот не корчился от боли, не стонал и даже не опрокинулся назад.

— Что, больно? — улыбаясь, спросил Дарин.

— Ты не достоин моей боли, — с трудом сказал парень, лохмотья его рубашки и солома на его коленях пропитались кровью.

— Думаю, — сказал Гришатре, забирая у Дарина пистолет и вручая обратно плётку, — повторюсь, я только лишь думаю, что тут могут быть как-то замешаны Безликие...

— Утром, — изрёк Дарин. — Утром я буду лучше, так как буду трезвее. И утром. Утром я вам покажу! Я такое покажу! К чёрту Безликих! Вертел я их всех!

Он оттолкнул одного из сыновей Гришатре и вышел из темницы.

— Думаю, он не доживёт до утра, — предположил Гришатре и тоже покинул темницу.

— К чёрту! — вновь выругался злой Дарин.

Тут как тут оказался Вирус:

— Что прикажите?

— Пойти к чёрту! — повелел Дарин. — Не кормить никого из них, помощь парню не оказывать, усилить охрану. Утром я всё устрою, утром у меня день рождения!

Делегация удалилась, дверь в темницу заперлась. На охрану подоспело несколько прислужников Дарина, Вирус даже затерялся среди них, но остался, лишний раз не отсвечивая.

Кас, оборачиваясь то на старика, то на пацана, который вновь укутался соломой, но не сменил позу, сказал:

— Вот так пахнет жареное дерьмо, мужички.

Никто не стал или не смог с ним разговаривать.

Кас некоторое время молчал, рассматривая раненого пацана, потом решился произнести:

— Оливия тебя ищет. Ты ведь Оливер? Сильно больно? Тебе надо прилечь, чтобы кровь ниже не опустилась в кишки, чёрт, я не знаю, я не врач совсем...

Парень ничего не ответил. Лишь через несколько секунд завалился на бок и обмяк.

— Вот блин! — досадно воскликнул Кас, пнув массивную входную дверь. — Тут человек умирает, сделайте что-нибудь!

Никто из стражников не обратил на его крики внимания. Только Вирус тревожно посмотрел в его сторону, потом опять отвернулся.

— Дарин совсем лютый, когда в запое, — сказал кто-то из стражников, продолжая тихий разговор.

— Вытащи, — тихо простонал старик, но Кас его услышал.

— Чего? — не понял Кас.

Он склонился над Марком Семёновичем и потрогал его лоб, тот был горячим. Семечкин повторил просьбу:

— Камень...

Кас вновь не понял его:

— Камень? В почке что ли? Ты давай не шевелись лишний раз. Я попрошу воды, не трать силы.

— Карман, — старику было очень сложно говорить, и он не окончил мысль.

— Вирус! — позвал Кас. — Вирус, дай воды!

— Велели не кормить, — сказал один из стражников.

Вирус сделал вид, что звали не его.

— Поить-то можно? — спросил другой из стражников.

— Пусть солону грызут! — пошутил кто-то. — Не будем до утра ничего им давать.

— Гады! — выругался Кас.

— Ещё раз вякнешь, — пригрозили грису из толпы стражников, — лишишься всех своих зубов.

* * *

Ночь в человеческом мире была такой же тёмной, как и в Резервном. Альнелонам из департамента, что всё ещё дислоцировались на овощной базе, пришла совсем небольшая подмога. Несколько бойцов скрылись на территории первого этажа, ещё несколько ждали возможных гостей на втором. Также на втором этаже, в кабинете начальника овощной базы, на неудобном кресле посетителя, сидела Мона. Она не притронулась к еде, что привезли пришедшие на подмогу бойцы. Её разум занимали совсем скверные мысли.

— Можно мне в туалет? — попросила она у старшего сотрудника департамента, что вальяжно расселся на кресле начальника.

— Можно, — прозвучал ответ.

— Я схожу на первом этаже? — девушка уточнила свою просьбу.

— На втором тебе уже неинтересно? — спросил старший сотрудник. — Не волнуйся, скоро тебя увезут отсюда...

— Нет, пожалуйста, — сказала Мона. — Не отправляйте меня в департамент. Мне страшно. Здесь я себя ещё чувствую полезной.

Старший сотрудник, уже изрядно уставший заниматься ничегонеделаньем, возразил:

— Про твою пользу вопрос спорный. Меренея тебя не послушала, мы её упустили. Утром тебя в любом случае отправят... туда...

— На расстрел?

— Не используем такие методы.

— Утилизация?

— Слушай, я думаю, тебя просто понизят. Отстранят. Лишат выплат и льгот. Иначе давно бы уже утилизировали. Лучше подумай о том, какие свои связи ты ещё можешь предоставить, чтобы тебя... пощадили.

— Так я схожу на первый этаж?

— Сходи. Но если что, то снайпер тебя не пожалеет. Он там на позиции. Даже глазом не моргнёшь...

Девушка спустилась по плохо освещённой лестнице вниз, после чего сообщила темноте:

— Я в туалет.

Ей никто не ответил. Но она была рада просто размять ноги. Проходя мимо главного выхода, она первая услышала, что в запертую дверь постучали.

— Откройте! — раздался женский голос из-за двери.

— Там кто-то есть, — сообщила темноте Мона.

— Откройте! — вновь озвучила свои требования неизвестная дама. — Иначе я вызываю полицию! Мне нужно только знать, что с Серёжей всё в порядке! Всё, я звоню в «нуль два»!

— Что будем делать с полицией? — спросила Мона у темноты.

— Отвори засов, — приказал мужской голос, он был совсем близко: кто-то прятался прямо у выхода за отогнанным в сторону погрузчиком.

Мона послушалась. В помещение ворвалась Вика. От неё пахло пивом.

Вика, увидев Мону, быстро сделала выводы:

— А ты что ещё за шлю...

Ей не дали договорить.

Резко появившийся из темноты вооружённый мужчина схватил гостью за предплечье и вырвал из её руки мобильный телефон. После чего аккуратно, но уверенно повёл её наверх, к начальству. У девушки больше не было претензий, ей расхотелось обзывать и качать права.

Мона осталась одна у приоткрытой двери. Она несколько мгновений собиралась с мыслями, но чья-то сильная рука затворила засов.

— Иди куда шла, — велели ей.

И она ушла.

Вскоре Мона вернулась на второй этаж, где уже всю допрашивали Вику. Её временная робость перед вооружёнными людьми прошла и она вела себя максимально уверенно. Манипулируя грубым тоном она вопрошала у старшего сотрудника:

— Где Серёжа, я тебя спрашиваю? Где Семечкин? Мне всё равно, кто вы! ФБР или ФСБ. Мне нужен только Серёжа!

— Кто такой Серёжа? — устало спросил у неё старший сотрудник.

Вика ответила:

— Серёжа — мой мужчина. Настоящий! Я, может, ребёнка от него жду!

Альнелон устало вздохнул. Когда Мона села в кресло чуть поодаль от них, мужчина обратился к ней:

— Вот, что мне делать?

Мона озвучила ответ:

— По инструкции департамента нужно приложить все необходимые усилия, чтобы объект не причинил вреда проводимой операции...

— Я тебе сейчас такое причиню! — пригрозила Вика.

— Стало только хуже, — сказал старший сотрудник. — Здесь нет вашего Сергея. И быть не должно. Ночь на дворе. Овощная база закрыта. А вы тут мешаете проводить... мероприятия...

— А где он? — спросила Вика.

— Гуляет, — ответил сотрудник.

— Машина его друга на стоянке! — возразила Вика. — А он без него не гуляет. А где, кстати, Гена?

— Там же, где и Серёжа, — сказал мужчина. — Везде, только не здесь. Иди домой, человек...

— Как это... грубо! — возмутилась Вика. — Человек это что, ругательство?

— Как я от вас устал, — сказал альнелон, не привыкший иметь дело с логикой людей, которая, на самом деле, ничем особо не отличалась от логики грисов или альнелонов. — Мужики загуляли, их здесь нет...

— А где есть? — не отступала Вика. — И почему вы сидите в кресле Аркадия Ивановича?

Альнелон хотел ещё что-то сказать девушке, но обратился к одному из подчинённых:

— Зачем вы еёпустили? Кто следил за стоянкой? Почему не доложили о постороннем?

Ответ был следующим:

— Просмотрели, да и она грозилась полицией. А в этой районе, сами знаете, вся полиция под грисами. Это чревато...

— У меня там связи! — сообщила Вика, считая, что только её убедительная речь не заставляет вооружённых людей быть с ней грубыми.

— Уходите, — сказал старший сотрудник. — Если через трое суток ваш мужчина не

найдётся, то сообщайте в полицию...

— Нам на работу завтра, какие трое суток?

В этот момент в помещении оказался отряд Вихря — уставшие и озадаченные альнелоны, не выполнившие своё задание. Вика не заметила их появления, так работали законы этой вселенной. Но когда такое количество вооружённых людей начало проходить мимо неё, то её спесь ненадолго спала.

Она спросила:

— Что у вас тут за война?

— Вот так, — сказал Вихрь. Он был единственный в хорошем настроении. — Живёшь и не знаешь, что где-то идёт война. Счастливые люди.

Но Вику такой ответ не устроил:

— Как я могу быть счастливой, если Серёжа пропал?

— Нужно, чтобы её здесь не было, — приказал Вихрь. — Только аккуратно!

— Аккуратно, это как? — не совсем понял старший сотрудник.

— Ваш косяк, — голос Вихря стал твёрдым. — Вы допустили это чучело до наших дел. Может, чаем её ещё угостили? Решай проблему, живо!

Вика не понимала сути разговора:

— Сам ты проблема!

В этот самый момент в помещении показался прячущийся за спинами двух грисов Аркадий Иванович. Грис с пистолетом выстрелил, но ни в кого не попал. У второго гриса из-за ненадлежащего обслуживания заклинило ружьё, и он не выпустил ни одной пули в сторону скопления бойцов департамента.

Иваныч, очень быстро убедившись в бесперспективности своей попытки вернуться в родной мир, тут же в одиночку переместился обратно.

Оба гриса быстро пали в неравной и очень короткой перестрелке.

— Что у вас тут творится?! — через несколько секунд спросила вылезшая из-под стола начальника оглушённая Вика.

Несколько бойцов под предводительством Вихря отправились в погоню в Резервный мир.

Но Иваныч сумел притаиться на пологом склоне холма, прикинувшись трупом рядом с бездыханным телом Ника.

Вихрь с подчинёнными вернулись ни с чем, не став привлекать чьё-либо внимание источниками света.

А Вика никак не хотела выпроваживаться, всё спрашивая у всех присутствующих в кабинете Иваныча о том, «что здесь происходит и какое к этому всему имеет отношение Серёжа?». Но никто не хотел ей что-то внятно объяснять — как она считала.

Телефон ей не вернули — не хотелось шумихи с полицией, так как именно в этом районе всем заправляли грисы, и если бы они почуяли, что здесь находится скопление вооружённых официальных альнелонов, то могло бы случиться неприятное столкновение интересов.

Моне надоело слушать, как внезапно подобревший или просто уставший Вихрь и старший сотрудник ведут бесполезную, по её мнению, беседу с ночной гостьей — видимо, они пытались перекинуть друг на друга вопрос ответственности за её исчезновение отсюда. Вихрь хоть и был хорошим и качественным исполнителем, но его подчинённые иногда позволяли себе некоторые вольности.

Мона вновь отпросилась в туалет на первый этаж. Вихрь не обратил на её просьбу внимания, он будто бы даже с интересом слушал женщину, а вот старший сотрудник сделал недовольное лицо, но кивнул, обозначая разрешение.

Девушка-альнелон прошла мимо переговорной и приёмной, где, как могли, отдыхали бойцы. Но кто-то обязательно оставался на посту. Мона понимала, что вряд ли теперь кто-нибудь решится вернуться сюда в скором времени. Тем более Меренея, которую Мона считала легкомысленной, но боязливой.

Оказавшись на первом этаже, Мона тут же сообщила темноте:

— Я ненадолго. В туалет.

Темнота ей не ответила. Как только девушка не пыталась всмотреться в неё, тьма свой визуальный интерес никак не обозначала.

Пройдя по тускло освещённому пространству, не занятому стеллажами, девушка оказалась у аварийного выхода, плотная дверь которого, оббитая неровными железными листами, показалась немного приотворённой.

Первая мысль Моны была о том, что кто-то из сотрудников департамента вышел покурить — данная человеческая привычка была хоть и не сильно популярной, но тоже присущей и альнелонам, и грисам. Второй мыслью оказался соблазн проверить, не стоит ли кто за дверью, чтобы в случае чего пуститься наутёк по промышленной зоне в сторону собственной безопасности. Но Мона помнила, что у темноты за её спиной есть и глаза, и уши.

Поэтому она просто прошла в сторону туалета. Зажгла свет, открыла дверь, вошла в помещение, где, несмотря на запах хлорки, наличие чистоты совсем не ощущалось.

Закреть за собой дверь ей помогли.

Это были двое крепких парней. Мона быстро попыталась учуять их причастность к расам Резервного мира, но её чутьё сделало только один вывод — перед ней были люди. За поясами их свободных, надетых навывпуск рубашек, виднелись кобуры и компактные подсумки.

Её припёрли к стенке:

— Где Гжельский? — шёпотом спросил один из мужчин.

— Кто? — не поняла Мона. Вначале она подумала про Аркадия Ивановича, но у того была совсем другая фамилия.

— Не доводи до крайностей! — мужчина достал нож.

Нет, он не приложил холодное оружие к её горлу, но заставил девушку заговорить.

— Он ушёл в Резервный мир, — сказала она первое, о чём подумала.

Мужчины кротко переглянулись.

— Сколько вас здесь? — спросил второй.

Он был очень похож на первого мужчину, не брат близнец, но сходство было явным.

— На первом этаже... не знаю, прячутся, — сказала Мона. — наверху пятнадцать-двадцать. И ещё какая-то странная женщина, она с вами?

— Выйдем вместе, посмотримся, — сказал мужчина, убрав нож и достав пистолет с глушителем и каким-то компактным приспособлением, похожим на сложный оптический прицел. — Иди той дорогой, которой пришла. Считай до пятнадцати. Потом зови всех, скажи, что кого-то видела у аварийного выхода. Поняла?

Мона кивнула. В туалет не сильно-то и хотелось. Но, может быть, эти двое ребят помогут ей сбежать.

Она вышла, осмотрелась. Еле освещаемый проход, ведущий мимо аварийного и главного входов к лестнице на второй этаж, был пуст. Девушка быстро сбилась со счёта, потом сделала несколько быстрых, но неуверенных шагов, а потом позвала:

— Эй, тут у аварийного выхода кто-то есть! Эй!

Она прислушалась. Казалось, никто не обратил внимания на её слова, но потом она увидела вооружённого альнелона, дёргающего ручку невзрачной, обитой мятым металлом двери.

— Что ты видела? — обратился он к ней, после чего получил удар ножом в спину и медленно, поддерживаемый мужчиной в чёрно-серой клетчатой рубашке и чёрных, с протёртостями, джинсах, опустился вниз. После лишения жизни, альнелон лишился и оружия.

Где-то рядом свистнула пуля и раздробила перекладину деревянного стеллажа. Потом было ещё две небольших вспышки в глубине склада. Мона не стала наблюдать дальше, а побежала к главному выходу. Он был заперт.

— Стой! — сказал ей голос из темноты. — Кого ты видела?

— Чего, кого? — трусливо пробормотала Мона. Она не была обучена к экстремальным ситуациям, она лучше ориентировалась в документах.

— Я тебя спрашиваю, — повысил голос мужчина из темноты, приблизившись к девушке на несколько шагов, тем самым выдав своё положение. — Кого ты...

Договорить ему не дала тихая пуля, сразившая его наповал. Потом в глубине цеха раздалось ещё несколько приглушённых выстрелов. Где-то что-то упало, кто-то тихо вскрикнул. Потом всё замолкло.

— Отпустите меня, — попросила Мона, увидев, как к ней кто-то приближается.

Это был тот самый мужчина в клетчатой рубашке. Рядом с лестницей, с противоположной стороны, показался его напарник. Тот был в светло-синей рубашке и тёмно-синих джинсах.

— Первый этаж чист, — сказал второй.

Мужчина в клетчатой рубашке подошёл к Моне, легонько ладошкой отодвинул её в сторону и аккуратно постучал дверь. Дверь отворили снаружи, и в помещение вошло ещё пятеро крепких, обычно одетых мужчин, никак не похожих на спецназ, в отличие от альнелонов.

— Веди наверх, — сказал мужчина «клетчатая рубашка». — Отвлеки внимание.

— Как? — испугалась Мона.

— Твои проблемы, — грубо сказал кто-то из мужчин. — Расскажи им анекдот.

В этот момент Мона возненавидела людей. Всё у них нерегламентировано, без инструкций и твёрдых договорённостей. Ведь как бы жёстко гисы и альнелоны не вели себя, они всегда оглядывались на перечень правил, который они были вынуждены утвердить между собой, чтобы не злить Безликих.

Несмотря на внутренний негатив, она подчинилась. Прошла по лестнице, сосчитала ступеньки, и оказалась в просторном помещении секретарши Аркадия Ивановича. Справа была открытая дверь переговорной, с остеклёнными с внутренней стороны здания стенами, а чуть поодаль, впереди, была закрытая дверь кабинета начальника, из-за которой всё также возмущалась Вика...

— Я-то уйду, — в который раз она грозила мужчинам. — А вы останетесь ни с чем.

— Приемлемо, — с улыбкой сказал Вихрь. Он уже успел заварить себе кофе. Его этот

разговор безумно забавлял, в отличие от его помощника и старшего сотрудника.

— Где мой телефон? — вдруг встрепелась Вика, не вспомнив, что мобильник у неё изъяли в тот момент, как она оказалась на территории овощебазы. Женщина полезла в свой небольшой рюкзак в поисках мобильного устройства, но наткнулась на бутылку крепкой «Охоты».

Эта находка её устроила и она мастерски открутила пробку и сделала несколько больших глотков.

— Обычно, — сказала Вика на тяжёлом, продолжительном выдохе, — я такое пиво не пью. Его пьёт мой Серёжа, пока мы идём с работы. Оно слишком крепкое.

— Вы торопились уйти, — сказал помощник командира. — Вдруг ваш Серёжа сейчас пьёт это замечательное пиво без вас.

— Вот, — сказала Вика, отпив ещё один глоток. — Замечательное пиво! Бодрит, когда рядом нет крепкой мужской руки. Как у Серёжи. Не то, что вы. Сидите, смеётесь, в то время, когда настоящие мужики...

Она не смогла договорить, так как её отвлек шум — из-за двери раздался звук разбитого стекла.

Мона только-только решилась призвать к вниманию собратьев альнелонов, как в это же время большое окно помещения разбилось. Из темноты ночи в приёмную сначала влетел белый кирпич, оставив ставни без стекла, а вслед за ним и граната, которая подкатилась прямо к ногам девушки-альнелона.

На одних только инстинктах она пнула её ногой подальше от себя — «лимонка» залетела в помещение переговорной и рванула. Горячий воздух вперемешку с осколками стекла заставили Мону упасть на пол, закрыв голову.

Буквально перешагивая через неё, в помещение вломились несколько вооружённых автоматами людей. Альнелоны открыли огонь, заставив тех отступить вниз, к лестнице, с которой и начался штурм. Несколько тел упало замертво, как с той, так и с другой стороны столкновения.

Один из нападавших крикнул:

— Нам нужен Гжельский! Отдайте его, и никто не пострадает!

— У нас его нет! — крикнул кто-то из альнелонов.

— Мы не можем вам доверять. Вы должны подчиниться и выйти по одному...

— Атакуем! — скомандовал «Вихрь», первый выбежавший из просторного кабинета начальника и открывший прицельный огонь из автомата в сторону лестничного пролёта.

Его порыв поддержали другие альнелоны. Противник был окончательно вытеснен с лестницы, понесся потери.

Но это не остановило людей Гжельского. В ход пошли пара гранатомётов, синхронные выстрелы которых разнесли помещение секретаря и переговорную в щепки. Моне пришлось прятаться за массивный стол Кристины, это и спасло её от новых осколочных ранений.

Такого отпора не ожидал даже Вихрь. На этот раз ему пришлось вступить в переговоры:

— Кого вы ищите, тут нет!

В это время новая вспышка, обозначающая переход между мирами, осветила помещение перед лестницей, ведущей со второго на первый этаж...

Перед альнелонами, понёсшими потери после атаки гранатомётами, появились Гжельский и Лера...

Катя быстро прицелилась и произвела два выстрела из ружья. Одна пуля перекосила довольный рот Геннадия ярко-красной бахромой разорвавшейся плоти и разлетевшейся в стороны челюсти. Второй выстрел подарил насильнику новую причёску красного цвета, которая кровавым ободком довершила его последний грешный образ.

Мало похожее на человека и душевно и визуально туловище свалилось в траву.

Сергей отошёл достаточно далеко, поэтому прозевал этот момент. Стрелять он не стал, расстояние было слишком большим, да и Катя его заметила. Она стреляла ему в след, пока не кончились патроны. Потом она сбегала за вторым ружьём, чтобы догнать беглеца, но Сергея уже и след простыл.

Стало темнее.

— Уходи, — сказала Катя девушке, всё ещё лежащей в траве. — Быстро.

— Вы от Дарина? — спросила испуганная девушка. — Он меня не накажет?

— Пусть идёт к чёрту, — сказала Катя.

— Спасибо, — сказала девушка, медленно покидая место бессмысленной бойни.

Катя хотела крикнуть, выпустить напряжение, застрявшее где-то глубоко внутри едкой чёрно-жёлтой заразой. Но она сдержалась. Мало ли было плохого в жизни? Она успела пережить и преследование коллекционера голов, и несколько экспериментов Гжельского, вышедших из под контроля...

Переживёт и это.

* * *

Через полчаса Гжельский, Лера, Мереня и Адам уже были на территории рынка которая хоть и охранялась, но сторожа не торопились вылезать из своей бытовки в уже загустевшую ночь.

Адам сумел сломать несколько хлипких дверей торговых вагончиков. В одном из них они нашли небольшой запас электрифицированных цершеров. При свете вскрывать другие вагончики оказалось проще. Но там тоже было почти пусто. Видимо торговцы не любили оставлять свой товар на рыночной территории. Нередко попадались разные травы и вещества, но чтобы можно было с ними что-то сделать, нужны были определённые навыки. Гжельский спрятал в карманы своего белого пиджака несколько образцов, которые показались ему занимательными.

В одном из вагончиков пришлось погасить электрифицированный цершер — Лера, стоявшая на страже спокойствия расхитителей, заметила небольшой патруль, состоящий из двух охранников медленно прогуливающих по территории. Они были вооружены компактными автоматами.

— Нет, я точно видел здесь свет! — сказал один из охранников.

— Бро, раз видел, то проверь, — сказал другой.

— Может, подмогу вызовем?

— Я не хочу тратить цершер на твою тревожность, бро.

— Ты же знаешь, у меня ни одного не осталось, а до полочки ещё два дня!

— Я тебя прикрою, бро.

Первый начал светить тускло работающим динамо-фонариком в сторону двери бытовки.

— Проверю дверь, — сказал первый охранник.

— Давай, бро, — сказал второй.

Первый охранник подошёл к бытовки и резко дёрнул за неё. В этот момент его схватили за грудки крепкие, мускулистые руки, и быстро уволокли внутрь вагончика.

Второй охранник только и успел скинуть с плеча автомат, как тут же получил удар прикладом в висок. Удар Леры сразу же оказался фатальным, а вот Адам долго кружил в безмолвной схватке с охранником, пока Олег Рубинович не огрел последнего стулом, лишив того сознания.

Лера не успела оттащить охранника-альнелона с дороги, но смогла забрать у него оружие.

— Нужно уходить, — сказал запыхавшийся Адам. — Если их будет несколько, то будет сложно.

— Мы заберём один автомат, — сказала Мереня.

— Тогда нам пора в родной мир, — улыбнулась Лера.

— Подождите, — попросила Мереня. — Отдайте нам серебряных цершеров, если у вас их много...

— Два, не больше, — сказал Гжельский. Ему тоже захотелось уйти отсюда подальше, и он без промедлений отдал Марине два серебряных шарика. — Лера, что мне делать с оружием, проведи инструктаж. Я не умею им пользоваться.

— Ну, бывайте, ихтиандры, — своеобразно попрощался Адам, спешно покидая бытовку.

Мереня, не попрощавшись, проследовала за своим парнем.

Лера наспех рассказала, что и как работает, после чего Гжельский, собравшись с духом, бросил под ноги серебряный цершер. Он успел это сделать до нового обхода охранников, спохватившихся за долго отсутствующих коллег.

* * *

Боевой отряд под предводительством альнелона с позывным «Вихрь» тщательно прочесал небольшой периметр округи. Они никого не встретили — видно выбрали неверные направления, да и бойцов было слишком мало, чтобы поиски увенчались успехом.

— Совсем стемнело, — сказал помощник Вихря. — Уйдём отсюда?

— Уйдём, — согласился командир. — Сейчас разведка вернётся на точку сбора и уйдём. Рано утром будем штурмовать Дарина. Нужно его хорошенько потряхнуть. Я давно этого ждал. Не должно быть такого большого скопления отбросов-единомышленников даже в гиблой зоне Резервного мира. Если у Дарина появились серебряные цершеры, как ходят слухи, то он подлежит обязательной ликвидации. Уходим только чтобы отдохнуть, переждать ночь.

— Нас не слишком мало для этой операции? — спросил помощник.

— Уверен, — сказал Вихрь, — департамент выделит подкрепление. Но даже если подкрепления не будет, то Дарин не рискнёт сопротивляться официальным силам. И плевать, что грисы против. Серебряные цершеры это не шутка. Жаль, что поздно спохватились, вдруг кто-то уже начал копировать эту заразу. Что скажут на это Безликие... вот их и стоит бояться.

— Понял, — сказал помощник командира. — Доложу остальным, что ждём разведку и уходим. Только вот знаете... как-то не верю я уже...

— В Безликих? — нахмурился Вихрь. — То есть тебя не смутил тот переворот, когда часть альнелонов и грисов поменялись местами?

— Я не верю в то, что Безликим сейчас есть до нас дело, — закончил свою мысль

помощник. — Несмотря на то, что произошло, Безликие нам так и не показались. Ограничились лишь этим перевоплощением. Мелковато как-то...

— Не берусь судить. Но если мы оставим появление серебряных цершеров без внимания, то случится что-то очень плохое. Жаль, что официальные грисы этого не понимают. Или делают вид, что не понимают, а сами уже придумали, как это использовать против нас...

После недолгого молчания, помощник поделился тем, что его тревожит:

— Я сейчас смотрю одного блогера в соцсети альнелонов. Он упомянул про книгу «Пикник на обочине» в том контексте, что там была отображена мысль о недолгом пришествии инопланетян, будто на планете Земля они сделали небольшой, не значимый для них привал. И намусорили, как обычные туристы, потом свалили, не оглядываясь на следы своего пришествия. Вследствие чего на планете появилась аномальная зона. И тот блогер предположил, что Безликие могли также спихнуть нас в мусорный мир, чтобы никогда про нас больше не вспоминать. Мы для них те пакеты, что кидают в мусорный бак и никогда про них не вспоминают...

— Будем надеяться, — сказал Вихрь, не любил он такие разговоры, — что за нами хотя бы не приедет мусоровоз и не отправит нас на переработку.

* * *

Очередной удар Дарина плёткой рассёк ткань штанов на колене Марка Семёновича. Он тихо вскрикнул.

— Не надо, — тихо попросил Кас.

Он не знал, как это остановить. Если он вмешается, его кишки перемолотят с соломой, что служила настилом в темнице, и вскоре он навсегда исчезнет в атмосфере этого мира, не оставив и следа.

— Никак, — с досадой сказал Дарин, даже не глядя в сторону Каса. — А ведь обещал встать. Какой-то неправильный человек. Старый. Зачем он мне? Так и помрёт...

Гришатре озвучил свой бизнес план:

— А ты деньги бери с тех, кто захочет на него посмотреть...

— Это идея! — будто обрадовался Дарин. — Гришатре, с тебя сто монет. С остальных по пятьдесят...

— Почему с меня сто? — погрузился Гришатре.

Дарин объяснил:

— Потому что ты можешь себе это позволить. Ладно. Это шутка такая. Кому он нахрен тут нужен? Все видели людей в мире людей. Такие же туловища. Ничего забавного. Ну, пришёл он сюда, и что? Раньше мне казалось хорошей идеей заполучить эти серебряные цершеры. Можно было бы водить сюда людей на экскурсии. Или с ещё какими целями. Брать огромные деньги. Но сейчас... сейчас я понимаю, что нигде живому существу не будет хорошо. Кроме как после смерти...

Его глаза покраснели от алкоголя, линз и безумия. Никто не решил прокомментировать его последнюю мысль, кроме...

— Ошибаешься, — вдруг сказал парень, сидящий в одной позе в углу. — Если не смог научиться радости при жизни, то не встретишь её и после смерти...

— О! — обрадовался Дарин. — Блаженный заговорил. Ты сам-то нашёл свою радость?

— Нет, — сказал парень. С его головы упала охапка соломы, обнажив его короткобритую голову и пустой взгляд. — Нигде не нашёл. Ни на свободе, ни в заточении.

— Почему же? — усмехнулся Дарин. — Тут тебя плохо кормили?

Блаженный тут же нашёл ответ:

— Меня плохо кормит моё прошлое, и я не знаю, как усладить его, творя будущее.

— Твоё прошлое, — начал подбирать слова Дарин и быстро их нашёл, — пшик! Просто пшик! Ты молодой пацан, а говоришь, как сраный старец. Вот от этой человеческой рухляди я был готов это услышать, но не от тебя. Ты ещё не нюхал порох, женщин и вина...

— Пробовал, — сказал парень. — Пробовал больше, чем ты можешь знать. Это Оливия оградила себя от того, чем существуют миры, о чём грустят и чему радуются его жители. От потоков информации, от больших знаний и от чужой страшной истории. И оказалась счастлива, не растеряла энергию и силы. Я же попробовал всё, узнал изнутри о том, чем и как живут далёкие миры. Вкусил всё, что можно вкусить. И это меня ещё больше расстраивает.

Дарин сначала пошутил, потом возмутился:

— И чё? Ты в своём познании насколько преисполнился? Чёй-то ты такое пробовал, что не пробовал я?!

Его собеседник был краток в ответе:

— Разве можно объяснить это?

— А ты постарайся, иначе я убью старика...

— Хотя бы сострадание. Его я тоже пробовал. Но удовольствие от этого чувства получала только Оливия. Я не смог это принять так, как она.

Гришатре озвучил новый вопрос:

— Кто такая Оливия?

Оливер ответил:

— Лучшая из живых и мёртвых существ.

— Баба его, — пояснил, усмехнувшись, Гришатре.

— Чего же ты тут ищешь? — спросил Дарин. — Боли? Тебя мало побили тогда, когда нашли на моей территории? Ещё надо?

— Я не смогу объяснить, — сказал парень. — Боль меня тоже не удивляет.

— Вот как? — обозлился Дарин. — А если я прикажу вас всех тут переломать, оставив только соломинку вашей жизни на несколько минут. Что ты мне в этот момент скажешь?

— Я не умру, — сказал Оливер. — Смерть я уже тоже пробовал...

— Ах ты! — сказал Дарин и со всей силы ударил парня плёткой.

Хлёсткий удар пришёлся по голове и груди, но не оставил следов, лишь сорвал с парня покрытие из соломы и помял и так потрёпанную рубашку.

Парень спокойно ответил:

— Ты не достоин моего гнева...

— Ты, — обозлился Дарин. — Дайте мне ружьё!

Ему протянули заряженный и взведённый пистолет, а он отдал кому-то взамен свою плётку.

И тут же сделал несколько выстрелов.

Кас отвернулся и вжался в стену. Семечкин даже не пошевелился.

Дым после выстрелов рассеялся, а парень остался сидеть на своём месте. В его животе было два пулевых ранения, но тот не корчился от боли, не стонал и даже не опрокинулся назад.

— Что, больно? — улыбаясь, спросил Дарин.

— Ты не достоин моей боли, — с трудом сказал парень, лохмотья его рубашки и солома на его коленях пропитались кровью.

— Думаю, — сказал Гришатре, забирая у Дарина пистолет и вручая обратно плётку, — повторюсь, я только лишь думаю, что тут могут быть как-то замешаны Безликие...

— Утром, — изрёк Дарин. — Утром я буду лучше, так как буду трезвее. И утром. Утром я вам покажу! Я такое покажу! К чёрту Безликих! Вертел я их всех!

Он оттолкнул одного из сыновей Гришатре и вышел из темницы.

— Думаю, он не доживёт до утра, — предположил Гришатре и тоже покинул темницу.

— К чёрту! — вновь выругался злой Дарин.

Тут как тут оказался Вирис:

— Что прикажите?

— Пойти к чёрту! — повелел Дарин. — Не кормить никого из них, помощь парню не оказывать, усилить охрану. Утром я всё устрою, утром у меня день рождения!

Делегация удалилась, дверь в темницу заперлась. На охрану подоспело несколько прислужников Дарина, Вирис даже затерялся среди них, но остался, лишний раз не отсвечивая.

Кас, оборачиваясь то на старика, то на пацана, который вновь укутался соломой, но не сменил позу, сказал:

— Вот так пахнет жареное дерьмо, мужички.

Никто не стал или не смог с ним разговаривать.

Кас некоторое время молчал, рассматривая раненого пацана, потом решился произнести:

— Оливия тебя ищет. Ты ведь Оливер? Сильно больно? Тебе надо прилечь, чтобы кровь ниже не опустилась в кишки, чёрт, я не знаю, я не врач совсем...

Парень ничего не ответил. Лишь через несколько секунд завалился на бок и обмяк.

— Вот блин! — досадно воскликнул Кас, пнув массивную входную дверь. — Тут человек умирает, сделайте что-нибудь!

Никто из стражников не обратил на его крики внимания. Только Вирис тревожно посмотрел в его сторону, потом опять отвернулся.

— Дарин совсем лютый, когда в запое, — сказал кто-то из стражников, продолжая тихий разговор.

— Вытащи, — тихо простонал старик, но Кас его услышал.

— Чего? — не понял Кас.

Он склонился над Марком Семёновичем и потрогал его лоб, тот был горячим. Семечкин повторил просьбу:

— Камень...

Кас вновь не понял его:

— Камень? В почке что ли? Ты давай не шевелись лишний раз. Я попрошу воды, не трать силы.

— Карман, — старику было очень сложно говорить, и он не окончил мысль.

— Вирис! — позвал Кас. — Вирис, дай воды!

— Велели не кормить, — сказал один из стражников.

Вирис сделал вид, что звали не его.

— Поить-то можно? — спросил другой из стражников.

— Пусть солону грызут! — пошутил кто-то. — Не будем до утра ничего им давать.

— Гады! — выругался Кас.

— Ещё раз вякнешь, — пригрозили грису из толпы стражников, — лишишься всех своих зубов.

* * *

Ночь в человеческом мире была такой же тёмной, как и в Резервном. Альнелонам из департамента, что всё ещё дислоцировались на овощной базе, пришла совсем небольшая подмога. Несколько бойцов скрылись на территории первого этажа, ещё несколько ждали возможных гостей на втором. Также на втором этаже, в кабинете начальника овощной базы, на неудобном кресле посетителя, сидела Мона. Она не притронулась к еде, что привезли пришедшие на подмогу бойцы. Её разум занимали совсем скверные мысли.

— Можно мне в туалет? — попросила она у старшего сотрудника департамента, что вальяжно расселся на кресле начальника.

— Можно, — прозвучал ответ.

— Я схожу на первом этаже? — девушка уточнила свою просьбу.

— На втором тебе уже неинтересно? — спросил старший сотрудник. — Не волнуйся, скоро тебя увезут отсюда...

— Нет, пожалуйста, — сказала Мона. — Не отправляйте меня в департамент. Мне страшно. Здесь я себя ещё чувствую полезной.

Старший сотрудник, уже изрядно уставший заниматься ничегонеделаньем, возразил:

— Про твою пользу вопрос спорный. Меренея тебя не послушала, мы её упустили. Утром тебя в любом случае отправят... туда...

— На расстрел?

— Не используем такие методы.

— Утилизация?

— Слушай, я думаю, тебя просто понизят. Отстранят. Лишат выплат и льгот. Иначе давно бы уже утилизировали. Лучше подумай о том, какие свои связи ты ещё можешь предоставить, чтобы тебя... пощадили.

— Так я схожу на первый этаж?

— Сходи. Но если что, то снайпер тебя не пожалеет. Он там на позиции. Даже глазом не моргнёшь...

Девушка спустилась по плохо освещённой лестнице вниз, после чего сообщила темноте:

— Я в туалет.

Ей никто не ответил. Но она была рада просто размять ноги. Проходя мимо главного выхода, она первая услышала, что в запертую дверь постучали.

— Откройте! — раздался женский голос из-за двери.

— Там кто-то есть, — сообщила темноте Мона.

— Откройте! — вновь озвучила свои требования неизвестная дама. — Иначе я вызываю полицию! Мне нужно только знать, что с Серёжей всё в порядке! Всё, я звоню в «нуль два»!

— Что будем делать с полицией? — спросила Мона у темноты.

— Отвори засов, — приказал мужской голос, он был совсем близко: кто-то прятался прямо у выхода за отогнанным в сторону погрузчиком.

Мона послушалась. В помещение ворвалась Вика. От неё пахло пивом.

Вика, увидев Мону, быстро сделала выводы:

— А ты что ещё за шлю...

Ей не дали договорить.

Резко появившийся из темноты вооружённый мужчина схватил гостью за предплечье и вырвал из её руки мобильный телефон. После чего аккуратно, но уверенно повёл её наверх, к начальству. У девушки больше не было претензий, ей расхотелось обзывать и качать права.

Мона осталась одна у приоткрытой двери. Она несколько мгновений собиралась с мыслями, но чья-то сильная рука затворила засов.

— Иди куда шла, — велели ей.

И она ушла.

Вскоре Мона вернулась на второй этаж, где уже всю допрашивали Вику. Её временная робость перед вооружёнными людьми прошла и она вела себя максимально уверенно. Манипулируя грубым тоном она вопрошала у старшего сотрудника:

— Где Серёжа, я тебя спрашиваю? Где Семечкин? Мне всё равно, кто вы! ФБР или ФСБ. Мне нужен только Серёжа!

— Кто такой Серёжа? — устало спросил у неё старший сотрудник.

Вика ответила:

— Серёжа — мой мужчина. Настоящий! Я, может, ребёнка от него жду!

Альнелон устало вздохнул. Когда Мона села в кресло чуть поодаль от них, мужчина обратился к ней:

— Вот, что мне делать?

Мона озвучила ответ:

— По инструкции департамента нужно приложить все необходимые усилия, чтобы объект не причинил вреда проводимой операции...

— Я тебе сейчас такое причиню! — пригрозила Вика.

— Стало только хуже, — сказал старший сотрудник. — Здесь нет вашего Сергея. И быть не должно. Ночь на дворе. Овощная база закрыта. А вы тут мешаете проводить... мероприятия...

— А где он? — спросила Вика.

— Гуляет, — ответил сотрудник.

— Машина его друга на стоянке! — возразила Вика. — А он без него не гуляет. А где, кстати, Гена?

— Там же, где и Серёжа, — сказал мужчина. — Везде, только не здесь. Иди домой, человек...

— Как это... грубо! — возмутилась Вика. — Человек это что, ругательство?

— Как я от вас устал, — сказал альнелон, не привыкший иметь дело с логикой людей, которая, на самом деле, ничем особо не отличалась от логики грисов или альнелонов. — Мужики загуляли, их здесь нет...

— А где есть? — не отступала Вика. — И почему вы сидите в кресле Аркадия Ивановича?

Альнелон хотел ещё что-то сказать девушке, но обратился к одному из подчинённых:

— Зачем вы еёпустили? Кто следил за стоянкой? Почему не доложили о постороннем?

Ответ был следующим:

— Просмотрели, да и она грозилась полицией. А в этой районе, сами знаете, вся полиция под грисами. Это чревато...

— У меня там связи! — сообщила Вика, считая, что только её убедительная речь не заставляет вооружённых людей быть с ней грубыми.

— Уходите, — сказал старший сотрудник. — Если через трое суток ваш мужчина не

найдётся, то сообщайте в полицию...

— Нам на работу завтра, какие трое суток?

В этот момент в помещении оказался отряд Вихря — уставшие и озадаченные альнелоны, не выполнившие своё задание. Вика не заметила их появления, так работали законы этой вселенной. Но когда такое количество вооружённых людей начало проходить мимо неё, то её спесь ненадолго спала.

Она спросила:

— Что у вас тут за война?

— Вот так, — сказал Вихрь. Он был единственный в хорошем настроении. — Живёшь и не знаешь, что где-то идёт война. Счастливые люди.

Но Вику такой ответ не устроил:

— Как я могу быть счастливой, если Серёжа пропал?

— Нужно, чтобы её здесь не было, — приказал Вихрь. — Только аккуратно!

— Аккуратно, это как? — не совсем понял старший сотрудник.

— Ваш косяк, — голос Вихря стал твёрдым. — Вы допустили это чучело до наших дел. Может, чаем её ещё угостили? Решай проблему, живо!

Вика не понимала сути разговора:

— Сам ты проблема!

В этот самый момент в помещении показался прячущийся за спинами двух грисов Аркадий Иванович. Грис с пистолетом выстрелил, но ни в кого не попал. У второго гриса из-за ненадлежащего обслуживания заклинило ружьё, и он не выпустил ни одной пули в сторону скопления бойцов департамента.

Иваныч, очень быстро убедившись в бесперспективности своей попытки вернуться в родной мир, тут же в одиночку переместился обратно.

Оба гриса быстро пали в неравной и очень короткой перестрелке.

— Что у вас тут творится?! — через несколько секунд спросила вылезшая из-под стола начальника оглушённая Вика.

Несколько бойцов под предводительством Вихря отправились в погоню в Резервный мир.

Но Иваныч сумел притаиться на пологом склоне холма, прикинувшись трупом рядом с бездыханным телом Ника.

Вихрь с подчинёнными вернулись ни с чем, не став привлекать чьё-либо внимание источниками света.

А Вика никак не хотела выпроваживаться, всё спрашивая у всех присутствующих в кабинете Иваныча о том, «что здесь происходит и какое к этому всему имеет отношение Серёжа?». Но никто не хотел ей что-то внятно объяснять — как она считала.

Телефон ей не вернули — не хотелось шумихи с полицией, так как именно в этом районе всем заправляли грисы, и если бы они почуяли, что здесь находится скопление вооружённых официальных альнелонов, то могло бы случиться неприятное столкновение интересов.

Моне надоело слушать, как внезапно подобревший или просто уставший Вихрь и старший сотрудник ведут бесполезную, по её мнению, беседу с ночной гостьей — видимо, они пытались перекинуть друг на друга вопрос ответственности за её исчезновение отсюда. Вихрь хоть и был хорошим и качественным исполнителем, но его подчинённые иногда позволяли себе некоторые вольности.

Мона вновь отпросилась в туалет на первый этаж. Вихрь не обратил на её просьбу внимания, он будто бы даже с интересом слушал женщину, а вот старший сотрудник сделал недовольное лицо, но кивнул, обозначая разрешение.

Девушка-альнелон прошла мимо переговорной и приёмной, где, как могли, отдыхали бойцы. Но кто-то обязательно оставался на посту. Мона понимала, что вряд ли теперь кто-нибудь решится вернуться сюда в скором времени. Тем более Меренея, которую Мона считала легкомысленной, но боязливой.

Оказавшись на первом этаже, Мона тут же сообщила темноте:

— Я ненадолго. В туалет.

Темнота ей не ответила. Как только девушка не пыталась всмотреться в неё, тьма свой визуальный интерес никак не обозначала.

Пройдя по тускло освещённому пространству, не занятому стеллажами, девушка оказалась у аварийного выхода, плотная дверь которого, оббитая неровными железными листами, показалась немного приотворённой.

Первая мысль Моны была о том, что кто-то из сотрудников департамента вышел покурить — данная человеческая привычка была хоть и не сильно популярной, но тоже присущей и альнелонам, и грисам. Второй мыслью оказался соблазн проверить, не стоит ли кто за дверью, чтобы в случае чего пуститься наутёк по промышленной зоне в сторону собственной безопасности. Но Мона помнила, что у темноты за её спиной есть и глаза, и уши.

Поэтому она просто прошла в сторону туалета. Зажгла свет, открыла дверь, вошла в помещение, где, несмотря на запах хлорки, наличие чистоты совсем не ощущалось.

Закреть за собой дверь ей помогли.

Это были двое крепких парней. Мона быстро попыталась учуять их причастность к расам Резервного мира, но её чутьё сделало только один вывод — перед ней были люди. За поясами их свободных, надетых навывпуск рубашек, виднелись кобуры и компактные подсумки.

Её припёрли к стенке:

— Где Гжельский? — шёпотом спросил один из мужчин.

— Кто? — не поняла Мона. Вначале она подумала про Аркадия Ивановича, но у того была совсем другая фамилия.

— Не доводи до крайностей! — мужчина достал нож.

Нет, он не приложил холодное оружие к её горлу, но заставил девушку заговорить.

— Он ушёл в Резервный мир, — сказала она первое, о чём подумала.

Мужчины кротко переглянулись.

— Сколько вас здесь? — спросил второй.

Он был очень похож на первого мужчину, не брат близнец, но сходство было явным.

— На первом этаже... не знаю, прячутся, — сказала Мона. — наверху пятнадцать-двадцать. И ещё какая-то странная женщина, она с вами?

— Выйдем вместе, посмотримся, — сказал мужчина, убрав нож и достав пистолет с глушителем и каким-то компактным приспособлением, похожим на сложный оптический прицел. — Иди той дорогой, которой пришла. Считай до пятнадцати. Потом зови всех, скажи, что кого-то видела у аварийного выхода. Поняла?

Мона кивнула. В туалет не сильно-то и хотелось. Но, может быть, эти двое ребят помогут ей сбежать.

Она вышла, осмотрелась. Еле освещаемый проход, ведущий мимо аварийного и главного входов к лестнице на второй этаж, был пуст. Девушка быстро сбилась со счёта, потом сделала несколько быстрых, но неуверенных шагов, а потом позвала:

— Эй, тут у аварийного выхода кто-то есть! Эй!

Она прислушалась. Казалось, никто не обратил внимания на её слова, но потом она увидела вооружённого альнелона, дёргающего ручку невзрачной, обитой мятым металлом двери.

— Что ты видела? — обратился он к ней, после чего получил удар ножом в спину и медленно, поддерживаемый мужчиной в чёрно-серой клетчатой рубашке и чёрных, с протёртостями, джинсах, опустился вниз. После лишения жизни, альнелон лишился и оружия.

Где-то рядом свистнула пуля и раздробила перекладину деревянного стеллажа. Потом было ещё две небольших вспышки в глубине склада. Мона не стала наблюдать дальше, а побежала к главному выходу. Он был заперт.

— Стой! — сказал ей голос из темноты. — Кого ты видела?

— Чего, кого? — трусливо пробормотала Мона. Она не была обучена к экстремальным ситуациям, она лучше ориентировалась в документах.

— Я тебя спрашиваю, — повысил голос мужчина из темноты, приблизившись к девушке на несколько шагов, тем самым выдав своё положение. — Кого ты...

Договорить ему не дала тихая пуля, сразившая его наповал. Потом в глубине цеха раздалось ещё несколько приглушённых выстрелов. Где-то что-то упало, кто-то тихо вскрикнул. Потом всё замолкло.

— Отпустите меня, — попросила Мона, увидев, как к ней кто-то приближается.

Это был тот самый мужчина в клетчатой рубашке. Рядом с лестницей, с противоположной стороны, показался его напарник. Тот был в светло-синей рубашке и тёмно-синих джинсах.

— Первый этаж чист, — сказал второй.

Мужчина в клетчатой рубашке подошёл к Моне, легонько ладошкой отодвинул её в сторону и аккуратно постучал дверь. Дверь открыли снаружи, и в помещение вошло ещё пятеро крепких, обычно одетых мужчин, никак не похожих на спецназ, в отличие от альнелонов.

— Веди наверх, — сказал мужчина «клетчатая рубашка». — Отвлеки внимание.

— Как? — испугалась Мона.

— Твои проблемы, — грубо сказал кто-то из мужчин. — Расскажи им анекдот.

В этот момент Мона возненавидела людей. Всё у них нерегламентировано, без инструкций и твёрдых договорённостей. Ведь как бы жёстко грисы и альнелоны не вели себя, они всегда оглядывались на перечень правил, который они были вынуждены утвердить между собой, чтобы не злить Безликих.

Несмотря на внутренний негатив, она подчинилась. Прошла по лестнице, сосчитала ступеньки, и оказалась в просторном помещении секретарши Аркадия Ивановича. Справа была открытая дверь переговорной, с остеклёнными с внутренней стороны здания стенами, а чуть поодаль, впереди, была закрытая дверь кабинета начальника, из-за которой всё также возмущалась Вика...

— Я-то уйду, — в который раз она грозила мужчинам. — А вы останетесь ни с чем.

— Приемлемо, — с улыбкой сказал Вихрь. Он уже успел заварить себе кофе. Его этот

разговор безумно забавлял, в отличие от его помощника и старшего сотрудника.

— Где мой телефон? — вдруг встрепелась Вика, не вспомнив, что мобильник у неё изъяли в тот момент, как она оказалась на территории овощебазы. Женщина полезла в свой небольшой рюкзак в поисках мобильного устройства, но наткнулась на бутылку крепкой «Охоты».

Эта находка её устроила и она мастерски открутила пробку и сделала несколько больших глотков.

— Обычно, — сказала Вика на тяжёлом, продолжительном выдохе, — я такое пиво не пью. Его пьёт мой Серёжа, пока мы идём с работы. Оно слишком крепкое.

— Вы торопились уйти, — сказал помощник командира. — Вдруг ваш Серёжа сейчас пьёт это замечательное пиво без вас.

— Вот, — сказала Вика, отпив ещё один глоток. — Замечательное пиво! Бодрит, когда рядом нет крепкой мужской руки. Как у Серёжи. Не то, что вы. Сидите, смеётесь, в то время, когда настоящие мужики...

Она не смогла договорить, так как её отвлек шум — из-за двери раздался звук разбитого стекла.

Мона только-только решилась призвать к вниманию собратьев альнелонов, как в это же время большое окно помещения разбилось. Из темноты ночи в приёмную сначала влетел белый кирпич, оставив ставни без стекла, а вслед за ним и граната, которая подкатилась прямо к ногам девушки-альнелона.

На одних только инстинктах она пнула её ногой подальше от себя — «лимонка» залетела в помещение переговорной и рванула. Горячий воздух вперемешку с осколками стекла заставили Мону упасть на пол, закрыв голову.

Буквально перешагивая через неё, в помещение вломились несколько вооружённых автоматами людей. Альнелоны открыли огонь, заставив тех отступить вниз, к лестнице, с которой и начался штурм. Несколько тел упало замертво, как с той, так и с другой стороны столкновения.

Один из нападавших крикнул:

— Нам нужен Гжельский! Отдайте его, и никто не пострадает!

— У нас его нет! — крикнул кто-то из альнелонов.

— Мы не можем вам доверять. Вы должны подчиниться и выйти по одному...

— Атакуем! — скомандовал «Вихрь», первый выбежавший из просторного кабинета начальника и открывший прицельный огонь из автомата в сторону лестничного пролёта.

Его порыв поддержали другие альнелоны. Противник был окончательно вытеснен с лестницы, понесся потери.

Но это не остановило людей Гжельского. В ход пошли пара гранатомётов, синхронные выстрелы которых разнесли помещение секретаря и переговорную в щепки. Моне пришлось прятаться за массивный стол Кристины, это и спасло её от новых осколочных ранений.

Такого отпора не ожидал даже Вихрь. На этот раз ему пришлось вступить в переговоры:

— Кого вы ищите, тут нет!

В это время новая вспышка, обозначающая переход между мирами, осветила помещение перед лестницей, ведущей со второго на первый этаж...

Перед альнелонами, понёсшими потери после атаки гранатомётами, появились Гжельский и Лера...

Гжельский и Лера не смутились перед противником. Их автоматные очереди положили ещё двоих бойцов, чуть не рая самого Вихря, который поспешил скрыться за стенами кабинета овощного барона.

В дверном проёме показался старший сотрудник, который уже был готов выстрелить из пистолета в Гжельского.

У Олега Рубиновича от беспорядочной стрельбы закончились патроны, но он заметил Вику.

— Атакуй! — приказал Гжельский Вике.

Ничего не соображающая женщина, думающая, что её никто не видит под столом начальника, неожиданно для самой себя выскочила из своего укрытия и ударила старшего сотрудника пивной бутылкой по голове.

Тот, отделавшись серьёзным рассечением, застрелил Вику из пистолета, но поспешил убежать, чтобы не попасть под огонь Леры, которая расходовала патроны более экономно и прицельно, чем её руководитель.

Услышав голос Олега Рубиновича, его подчинённые на энтузиазме, вперемешку с гипнотическими наставлениями, вновь атаковали второй этаж.

Вихрь не стал медлить и отстреливаться — он применил телепартационный цершер, чтобы переместиться прямо в департамент, забрав с собой всех своих уцелевших бойцов.

— Да-а-а, — медленно протянул Гжельский, осматривая поле битвы после окончания перестрелки. — Не так я себе представлял эксперимент с Резервным миром.

— Нужно уходить, — сказала Лера, которая всё ещё была начеку.

— Неприятно, да? — спросил Гжельский. — Неприятно, когда кто-то может появиться из ниоткуда и исчезнуть вникуда. Заткнуть бы насовсем этот Резервный мир, чтобы эти чёртовы тараканы оттуда не лезли. Но это не наша игра. Не моя. К чёрту...

— Кажется, мы нажили врагов, — сказала Лера.

— Сунутся ко мне, спущу на них всех своих монстров! — сказал на эмоциях Гжельский. — Эх, столько людей потерял! Столько людей! Ник, Катя. Что с братьями Самсоновыми?

— Погибли, — сказал гранатомётчик.

— Беда! — выругался, как мог, Гжельский. — Что за чёрт! Не стоит оно того, не стоит. Забрать трупы наших. Остальных оставить здесь. Добить недобитых.

Его люди без каких-либо сомнений и душевных терзаний начали исполнять приказ. Но из недобитых осталась только Мона. Её силой выволокли из под стола всю кровотокающую от различного рода осколков.

Она улыбалась. Дрожащими ногами переступая через собственных сородичей и запомнившихся ей братьев в клетчатой и синей рубашках, она вышла в центр разгромленного помещения секретаря и предстала перед Гжельским.

— Простите, — сказала Мона. — Я могу вам пригодиться. Я не с альнелонами. И тем более не с грисами. Я вам пригожусь. Поверьте мне.

Гжельский, используя силу своего гипноза, приказал ей:

— Дотронься до своего носа кончиками пальцев.

— Что, просите? — не поняла Мона, потеряв свою дурацкую улыбку. — Зачем? Я в

полном порядке!

— Ладно, — сказал Гжельский. — Не хочу больше связываться с теми, кто не поддаётся дрессировке. Убрать её.

— Как «убрать»? — не поняла Мона, пытаясь вытереть кровь с лица, но это было невозможно из-за сильных рассечений. — Как это, «убрать»? Я же всё-таки... не вещь!

Она почти не заметила хлесткий и точный удар пули по своему виску. Гжельский был не рад тому, что увидел этот момент, но его подчинённых это не смутило. Он быстро покинул второй этаж. Лера поспешила за ним вниз по лестнице, в сторону выхода.

Через десять минут Гжельский и Лера ехали в одной машине в небольшой колонне, направляющейся за пределы города, в свой уже ставший для каждого родным пансионат.

Лера, наконец, «отлепила» от своих рук автомат и просто смотрела в окно. Гжельский смотрел перед собой. В никуда.

— Если бы я мог, я бы напился, — сказал Олег Рубинович.

— Вы переживаете? — спросила Лера.

— Да, неприятное чувство.

— Ник, Самсоновы... Катя?

Гжельский ничего не ответил. Несколько секунд они ехали молча. Лера прервала молчание:

— Мы не нашли тело Кати. Она могла остаться в живых. Я в это не верю. Но мы можем это проверить.

— Не знаю, — сказал Гжельский, ему не нравились его ощущения. За этот день он стал слишком... человеком. — Из лучших у меня осталась только ты. Ник, Самсоновы. Ещё несколько человек. Слишком большую цену я уже заплатил... хватит.

— Мне казалось, что Катя вам...

— Тебе показалось, — грубо прервал девушку Гжельский.

Она всё-таки хотела закончить фразу словом «небезразлична», но не стала вызывать негатив начальника, чтобы он лишний раз не лез в её голову своим гипнозом.

* * *

Аркадий Иванович терпел. Так страшно ему ещё не было. Он даже не дышал, когда совсем рядом рыскали в темноте грозные мужчины с тяжёлым оружием. Терпел, вжимался в землю, боялся сделать даже маленький вдох.

Зато сделал большой выдох, но не скоро, лишь только когда прошло достаточно времени с тех пор, как погасли тусклые фонари и перестали мять траву грубые сапоги.

Он выдохнул так, что у него закружилась голова и заурчало в животе. Ещё несколько минут он просто лежал. Но становилось холодно.

Бледно-жёлтая луна почти не давала света. Он заметил, что в этом месте всегда была проблема со светом. Чёрное солнце, обрамлённое ярким кругом, не чувствовало своей полной мощи — наверное жалело это место, чтобы не превратить его в пепел. А луна зависала в небе чисто символично.

Мужчине нужно было двигаться, чтобы не замёрзнуть. Идти вперёд. Возвращаться назад слишком опасно и глупо. Нужно было идти как можно дольше и дальше, чтобы никто его не нашёл.

Он почти не заметил, как со склона вернулся в лес.

Лес молчал. Не было никаких звуков. Ветра тоже почти не было. Был лишь холод. Мужчина шёл, растопырив перед собой руки. Ветки лезли в глаза, а стволы деревьев

скрипели, напоминая вздохи каких-то огромных живых существ. Не пели птицы, даже чёртова сова не ухала, радуясь своей добыче. Видимо, в этом месте природа беззвучно радуется своей добыче. Не было и комаров. Только треск деревьев, да шелест ломкой травы под ногами. От этого безмолвия можно было сойти с ума. Это было совсем не так, как в поездке на природу тогда, в детстве, когда неведомые птицы и звери кричали в тёмную ночь, пугая юных туристов. Такое молчание было значительно страшнее.

Иваныч быстро выбился из сил. Даже живот прекратил стонать, ожидая запоздалого жирного ужина, который иногда приходилось разбавлять мезимом или пензиталом, чтобы помочь утробе переварить накопленную внутри жадность.

Пот холодил спину, едва слышно во внутреннем кармане пиджака стучались друг о друга серебряные цёршеры. Намокли от росы ноги в дорогих ботинках и тонких носках. Как жизненно необходимо было тепло!

Он шёл долго, слишком долго для человека с такой комплекцией и слишком мало для гнетущего сознания ужаса. Но согреться не получалось.

Поэтому мозг не сразу почувствовал опасность, когда глаза заприметили среди чёрных полос стволов деревьев проблеск огня.

Этот толстый мотылёк шёл к этому огню, даже не думая, что тот может его погубить. Тревожные мысли пришли лишь тогда, когда он подобрался достаточно близко. Да, это был жёлтый, тёплый, ядовито-скрипучий огонь, выплясывающий свой танец над подождёнными сухими ветками.

Рядом с костром никого не было.

Иванычу пришлось притаиться. Стало ещё страшнее: куда мог отойти тот, кто смог зажечь такой тёплый фрагмент первобытного уюта в этом глухом лесу.

От этого огня отступала даже тьма — некоторые травинки и листья деревьев отражались необычным заревом, наполняя лес сказочными отблесками. Этот огонь звал к себе, чтобы не смешаться в единое месиво с тьмой и согреться.

Ему надоело ждать. Он замёрз так, что ему стало всё равно, кто вернётся к этому очагу. И мужчина приблизился к огню, снял ботинки и протянул свои ноги вплотную к источнику жара. От одежды пошёл пар. Через некоторое время зубы перестали стучать. Даже захотелось вздремнуть, но было слишком жёстко на этой примятой траве.

Из лёгкого полусна Иваныч вышел в тот момент, когда напротив него, загораживаемая пляской огня, оказалась рыжая, почти как этот самый огонь, девчонка. Лет тринадцати. Она была похожа на человека.

— Причинишь мне вред, — сказала она, — я причиню тебе вред тоже. Только больнее.

У неё не было в руках оружия — её ладони мирно грелись у огня, а взгляд пытался быть суровым.

— Я не причиню тебе вред, — осипшим голосом сказал Иваныч.

— Пока я тебе верю. Ты слишком неосмотрительно шёл на огонь. Потом чего-то ждал. Потом просто пришёл греться. Вокруг нет никого. Думаю, ты потерялся.

— Именно так...

— Меня зовут Оливия.

— Необычное имя. Как зовут тебя друзья?

Девчонка перебила его:

— Я представилась. А как зовут тебя?

Иваныч немного смутился, что к нему эта сикильдявка обращается на «ты», но ответил:

— Аркадий Иванович.

— Какое длинное имя. Буду звать тебя Аркада...

— Меня так никто не зовёт. Это не имя!

— У меня нет друзей, кроме Оливера. И никто никак не зовёт меня, кроме как Оливия

Поэтому я буду звать тебя Аркада.

— И где в этом... логика?

— А где твоя еда? — спросила Оливия.

— У меня её нет.

— Я с тобой не поделюсь! — заявила девчонка, вытащив из какого-то небольшого мешка краюшку хлеба.

— Спасибо, я не ем после семи, — попытался пошутить Иванович.

— После семи чего? — спросила с набитым ртом Оливия.

— Ну, диетологи говорят, что есть после семи часов вечера вредно.

— Есть никогда не вредно, если хочешь есть, — девчонка хорошо умела одновременно жевать и говорить. — Кто такие диетологи?

— Это такие врачи...

— Так врачи это врачи. А диетологи тут причём?

Иваныч не нашёл, что ответить. Стало тепло. Он зевнул и вроде бы даже ненадолго отключился из реальности.

Из лёгкой полудрёмы его вывела Оливия. Её рука с куском хлеба оказалась прямо перед его носом.

— На, — сказала девчонка.

И он взял. И тут же начал жевать. Хлеб был невкусный, какой-то жидковатый. Скрипел на зубах песком. Но желудок его принял с благодарностью, перестав урчать.

— Спасибо, — сказал мужчина.

— Наконец-то твой живот перестал привлекать барабашек.

Оливия подкинула в огонь толстую ветку.

Иваныч немного насторожился:

— А они тут водятся?

— Не знаю, — ответила девчонка, прислонившись спиной к дереву. — А ты хочешь проверить?

Иваныч ничего не ответил. Но идея прислониться к дереву показалась ему хорошей. Но сон уже не возвращался. Мужчине захотелось задать новый вопрос:

— Что ты тут делаешь?

— А ты? — чужие вопросы вызывали у Оливии собственные.

— Прячусь.

— А я ищу. И я совсем близко. Завтра я найду своего Оливера и буду радоваться.

— А я буду радоваться, если меня никто не найдёт.

— Станный ты. Надо радоваться тогда, когда ты кому-то нужен.

Иваныч вновь не нашёл ответа. Мысли увели его в период развода, когда жена «спалила» его с какой-то необязательной на тот момент любовницей. Когда сын отвернулся от него, редко навещая отца лишь ради денег. Дочь и до этого мало с ним общалась, а теперь и вовсе перестала. Родителей он уже похоронил. Была работа. Но разве работа это то, что полностью должно наполнять жизнь?

Нескоро удалось задремать, пересмотрев уже и так надоевшие «флэшбэки» из

собственной жизни.

* * *

Катя не спала. Она забралась на высокое дерево и рассматривала ночь. Было так темно, что кроме луны не было видно ни зги. Абсолютная тьма.

Одна в чужом мире.

Наверное, так мог себя чувствовать единственный человек на пустой планете. Но тот человек хотя бы мог знать, ориентируясь по небу или специальным приборам, в какой стороне его далёкий дом. А здесь можно было только предполагать, через какую непробиваемую толщу различных миров может находиться то место, где она могла спокойно уснуть, чувствуя безопасность.

Утро показалось тусклой желтизной в стороне горизонта, который вскоре выплюнул жуткий чёрный диск местного солнца, обрамлённый, будто движимыми остриями циркулярной пилы, огненной окружностью.

Катя аккуратно спустилась с дерева. Проверила ружьё, в двух стволах которого было по патрону. Она не стала возвращаться за боеприпасами к убитому, у которого забрала оружие, потому что просто потерялась. В той ситуации было трудно запомнить какие-то ориентиры — кругом всё было слишком однообразно жёлто-чёрно.

Катя побродила по округе, вымочила ноги в росе. Хотелось есть и пить. Но, конечно, больше хотелось жить.

Девушке удалось выйти на протоптанную в две колеи дорогу, которая тянулась посередине лесополосы. Какой-либо надежды не появилось. Но появилась мысль, что нужно искать то место, которое оказалось отправной точкой путешествия в Резервном мире, но это было абсолютно невозможно. Пришлось некоторое время просто идти по дороге, чтобы лишний раз не мочить ноги.

Так она и брела, пока её не нагнал чей-то свист. Когда она обернулась, то увидела в низине, которую она не так давно миновала, небольшую толпу людей. Шесть гуманоидов, ровная половина из которых были грисы, другая — альнелоны. Они толкали перед собой небольшую тележку. Им было весело, и добавило этого веселья появление на их пути Кати.

Девушка некоторое время просто рассматривала их. Расстояние медленно сокращалось. С правой от неё стороны всё также шелестел ветвями деревьев пролесок, а слева располагался пологий холм почти без растительности. Ей показалось, что она слишком долго думает, но на самом деле она была на виду не более минуты.

Катя поспешила скрыться от бродяг в ближайшем кустарнике, но её быстро заметили и трое мужчин и одна женщина из компании бросились её догонять. Женщина и мужчина остались ждать товарищей у телеги.

Катя постоянно оглядывалась, но не слишком густая лесополоса не позволяла найти укрытие. Когда стало тяжелее бежать, а впереди показалось поле, она заняла удобную позицию у пригорка, рядом с большим деревом, чтобы можно было встретить непрошенных гостей прицельным огнём. Но пуль было мало, а вероятных врагов было вдвое больше. Лучшим вариантом был тот, если бы они просто не нашли её.

Но они её заметили. Трое мужчин пошли в её сторону, держа друг от друга дистанцию, неудобную для кучных выстрелов. Они улыбались и махали руками. Их оружие болталось у них за спинами, и они не выказывали агрессию. Катя позволила им приблизиться на то расстояние, чтобы можно было прицелиться.

— Хэй! — крикнул один из них. — Не надо стрелять! Сегодня такой хороший день,

зачем стрелять!

— Иди с нами! — позвал второй.

— Мы хорошие! — попытался обнадёжить третий.

Катя медлила. Если сильно верить в небогатый опыт, слабые навыки и сильную удачу, то она могла застрелить лишь двоих. И что делать с третьим? Бежать бесполезно — везде окажешься, как на ладони. Зачем они так испытывали судьбу, играя в эту рулетку?

И куда подевалась та женщина, что убежала с дороги вместе с этими мужчинами?

* * *

Раннее утро в мире людей.

Олег Рубинович Гжельский постучался в дверь номера Руслана Стахова — у того сегодня должен был быть выходной, но ждать, когда он наконец проснётся совсем не хотелось.

— Руслан, разговор есть, — ответил Гжельский на возглас «кто там?»

Через минуту дверь открылась. Стахов не стал надевать штаны, он прикрыл всё, что было ниже пояса клетчатым одеялом, чтобы не щеголять перед владельцем пансионата семейными трусами весёлой расцветки. Руслан уже достаточно давно (как он считал) был в разводе, и эти нелепые трусы остались одним из немногих воспоминаний о семейной жизни. Трусы семейные есть, а жизни семейной нет.

Своей белой майки Руслан стесняться не стал, а вот пустые пивные бутылки он успел закатить за кровать колесом своего инвалидного кресла перед тем, как отворить дверь Гжельскому. Пьянствовать в пансионате запрещалось, но немного пива Стахов себе позволял.

Что ему оставалось? Стабильная и скучная работа надоедала. Содержание в этом же самом пансионате, где он отвечал за видеонаблюдение и за стены которого он давно не выбирался, уже воспринималось, как должное. Сеансы с Гжельским не вернули ему способность ходить, но в остальном всё было приемлемо — ему даже особо не на что было тратить свою зарплату.

В комнате было накурено с вечера, дверь в санузел была открыта — там низко висела постиранная одежда и работала вентиляция, будто только что включённая.

— Ты в порядке? — спросил Гжельский, глядя в сторону переполненной пепельницы, стоящей на столе. Дополняла холостяцкий натюрморт грязная посуда и сиротливая пустая пивная бутылка, про которую Стахов совсем забыл.

— У меня не запой, — сказал Руслан, тоже заметив вчера опустошённую тару. — Я как с суток вернулся, так просто захотелось пива с воблой. Немного. Не спрашивай, кто мне это привёз.

Гжельский не стал ругаться. Он никогда и не ругался, у него были другие методы. Но сейчас он просто разговаривал. Он спросил:

— Есть ещё... какие-нибудь желания?

— Нет.

— Ты давно общался с Катей?

— Стараюсь её избегать, — честно сказал Руслан.

— Есть ещё чувства?

— Что-то есть. Не понимаю что. Нет, влюблённость прошла, ты её хорошо убрал, но ещё торчит в сердце какая-то заноза. Но кому это надо? Молодой, красивой девушке, которой я могу быть только другом и коллегой не по рангу? Пусть это что-то остаётся в моей душе.

Мне это даже помогает чувствовать себя человеком. Человеком, способным чувствовать...

— А не из-за этого хочется пива с воблой? — голос Гжельского был мягок, это не было похоже на претензию.

— Нет, это просто... о чём разговор вообще?!

— Катя пропала.

— Как?

Короткий вопрос Стахова помог Гжельскому считать его эмоции. Они были искренними. Это хорошо. Плохо, что отворотный гипноз не оказался таким сильным, как хозяин пансионата мог предполагать. Стахов был одним из немногих проблемных пациентов, но опыт Олега Рубиновича констатировал, что можно сломать любые блоки, именуемые волей. Это лишь вопрос определённых усилий и времени.

— Долгая история, — Гжельскому, всю ночь об этом думающим, не хотелось долго рассказывать подробности о пропаже Кати. — Ты хотел бы помочь в её поисках? Она в беде...

— Что ж мы тут тогда торчим, конечно! — засуетился Стахов, направляя свою коляску то в одну, то в другую сторону номера, пытаясь найти свои штаны. Вскоре, ему это удалось.

Было бы так же просто найти Катю в живых, как и эти штаны.

— У меня к тебе будет важный вопрос, — сказал Гжельский, отвернувшись.

Олег Рубинович не стал наблюдать за тем, как Руслан сначала натягивает на свои худые ноги чёрные джинсы, а потом накидывает на жилистые плечи серую рубашку.

— Как я могу помочь? — Стахов был решителен. — Что случилось?

— Проследуем в мою лабораторию, — сказал Гжельский, отворив пошире дверь номера, чтобы Стахову удобно было проехать на своей коляске. — Если вкратце, то Катя оказалась одна в чужом мире. Её нужно найти...

— Собираешь побольше народа на поиски?

— Нет, — Гжельский, будто смущаясь, поправил ворот своего идеально сидящего костюма. — Помнишь коллекционера голов, который преследовал Катю и мог найти её в любом месте?

— Помню. Он же мёртв. Или как-то воскрес?

— Мёртв, — заверил Олег Рубинович. — Но я же просто так не утилизирую все произошедшие со мной... истории. В общем, я выявил формулу, которая поможет развить его чутьё...

— Ты хочешь меня превратить в нового коллекционера голов? — спросил Стахов, когда они выбрались в пустой коридор пансионата. — Если это поможет выручить Катю, то я согласен... что уж тут.

Гжельский довольно кивнул. Никаких внушений не потребовалось. Он так и не смог заставить себя думать о том, что Катя погибла.

* * *

— Марин, — обратился Адам к возлюбленной. — Я не смогу на это смотреть. Я потом буду плохо спать. И кушать буду через раз...

— Тихо, — недовольно прошипела Мереня.

— Я пойду туда, — у Адама были серьёзные намерения. — Ты посмотри на этих бродяг! Во что они одеты, что у них за причёски?! Они её точно сожрут!

Мереня злобно сказала:

— Ни альнелоны, ни грисы не едят людей!

— А друг друга? — Адам мог быть мужественным, решительным, но нередко это перемешивалось с шутливостью.

Раньше Марину-Меренею это веселило. Теперь напрягало.

Она предположила:

— Это может быть человек, который охотится за мной...

— Одна? — не поверил Адам.

— Ладно. Что предлагаешь?

Они лежали в высокой траве и наблюдали за тем, как смешанная компания из грисов и альнелонов пыталась заманить к себе молодую девушку. Человека.

Выкрики бродяг были бы действительно дружелюбными, если бы не подкрадывающаяся к одинокой девушке со стороны тыла женщина-альнелон с большим тесаком, что блестел опасной остротой и массивностью.

— Её просто зарежут, — предположил Адам.

— У неё ружьё, — сказала Меренея. — Отобьётся...

Они переждали ночь без происшествий. Как только стало светать, пара двинулась по лесополосе к владениям Дарина. Они шли вдоль дороги, чтобы никому не попадаться на глаза. Поэтому и застали эту встречу бродяг с Катей.

— Ты же видела, она совсем одна! — Адам так и порывался встать и побежать туда, где разворачивались события.

— Если тебя убьют, то я тоже останусь одна, — Меренея не испытывала к Кате никакой жалости.

Но Адам приводил новые доводы:

— Она в этом платье... совсем не похожа на охотницу за тобой!

— Мы не должны вмешиваться...

В это время альнелон с ножом подобралась к Кате на расстояние в пару десятков шагов. Некоторое время она чего-то ждала, а потом резко бросилась в сторону девушки-человека, целившейся из ружья в основную группу бродяг.

— Сзади! — Адам крикнул так, чтобы его точно было слышно с расстояния, что отделяло его с Меренеей от разворачивающихся событий.

Катя обернулась и начала стрелять.

Но оба её выстрела не достигли цели — видно, стрелковая удача её покинула, да и женщина-альнелон показала особую прыть, быстро скрывшись за деревом.

Мужчины, уговаривающие Катю пойти с ними, достали кто какое оружие и поспешили сократить дистанцию, держа во внимании появление Адама, который резко начал забег к центру событий.

— Подождите! — попросил Адам. — Давайте договоримся! Мы же можем договориться...

В этот момент кто-то из бродяг выстрелил в него из пистолета, но пуля прошла мимо — Адам вовремя подскользнулся на мокрой траве. А Меренея, побежавшая вслед за своим парнем, не стала теряться и кинула в сторону стреляющего телепартационный цершер.

Мощности её мысли и точности броска хватило, чтобы телепортировать мужчину с пистолетом в мир людей — локация: озеро в Карелии. Ещё двое мужчин остались в Резервном мире, но не торопились открывать огонь.

Катя держала перед собой ружьё, готовая к рукопашной схватке. Женщина-альнелон, поняв, что у её соперников нет огнестрельного оружия, вышла из укрытия.

— Эй, красотка, — обратилась женщина с тесаком к Меренее. — Отдай эту худышку и красавчика нам, а сама уходи. Вижу, ты не простая, у тебя дорогие цершеры, а ты их тратишь на ерунду. Ещё, наверное, это был последний шарик?

— Нет! — обозлилась Меренея.

Но её арсенал уже был не такой внушительный, как вчера. Тем более у неё больше не было боевых цершеров.

— Хорошо, — сказала женщина-альнелон. — Оставь красавчика себе. А человеченку женского пола оставь нам. Это будет хороший подарок, мы приглашены на день рождения Дарина! Не заставляй нас тратить на тебя патроны, нас тут больше, чем ты думаешь...

У дороги показалась новая толпа бродяг с телегами. Делегация была внушительной, сегодня как назло тут был насыщенный трафик из-за дня рождения Дарина, куда была приглашена почти вся местная «нечисть».

— Мы уходим! — сказала Меренея. — Делайте с ней, что хотите. Адам, пошли...

Пыл мужчины поугас. Он, осматриваясь по сторонам и видя значительное превосходство противника, понял, что совершил большую ошибку.

— Адам, — повторила женщина с тесаком имя мужчины. — Какое милое имя! Символично человеческое!

— Эй, да у нас тут просто мешок со сладостями! — крикнул кто-то из толпы, сойдя с дороги вместе с единомышленниками, чтобы поучаствовать в травле троих незнакомцев, явно не из местных.

Меренея сделала то, что следовало сделать раньше — она достала серебряный цершер. Но девушку тут же парализовало, её конечности и тело оказались обеждвижены.

Женщина-альнелон, убрав тесак в ножны, заплодировала меткому броску своего соплеменника парализующим цершером.

Адама, Меренею и Катю окружили вооружённые грисы и альнелоны.

Женщина с тесаком взяла командование на себя:

— Сдавайте сюда все свои манатки. Нужно было вовремя принимать мои предложения!

Она засмеялась, а парню и двум девушкам было не до смеха. У них отобрали всё, кроме одежды, после чего крепко связали руки и повели в сторону владений Дарина, как к Меренее вернулась подвижность после временной парализации.

У бродяг был ещё один пленник. Тоже человек.

Сергей также наткнулся на направляющуюся в гости к Дарину компанию и успел затеять с ними перестрелку. Но его ловко окружили и пощадили только из-за того, что тот был человеком — невиданной зверушкой в этих краях.

После бессонной ночи Семечкин плохо ориентировался, поэтому потерял бдительность и не смог оказать достойного сопротивления. Применять серебряные цершеры он не стал, он боялся засады при возвращении. Впрочем, один шар он успел спрятать в ботинок и этот тайник у него не нашли при обыске.

Катя его сразу же узнала, как и тот её. Он даже посчитал нужным ей заигрывающе подмигнуть. Девушка отвернулась, а мужчина продолжил хромать в сторону деревни Дарина — серебряный цершер стал натирать ногу в районе тыльной части стопы. Осталось только сообразить, когда его можно будет применить.

* * *

Командир альнелонов с позывным «Вихрь» был в плохом расположении духа. Вчерашний бой был проигран, его отряд понёс потери. Но из департамента пришёл приказ не применять санкции к тем людям, что вчера дали такой болезненный отпор. Зато к нему пришло подкрепление, и это утро началось со сборов в лесу Резервного мира, на самых подступах к земле Дарина.

Помощник командира исполнил координационные обязанности, после чего вернулся в укрытие, чтобы спросить у Вихря, что тот думает по поводу новых установок на штурм, присланных из департамента.

— Всё плохо, — высказал свои мысли Вихрь, глядя в бинокль в сторону деревни Дарина.

Но там почти ничего не было видно, так как приходилось держать внушительную дистанцию, чтобы не нарваться на местный патруль и направляющихся на торжество гостей.

— Пессимизм?

— Реализм. Удалось в сжатые сроки собрать такую внушительную боевую силу, продумать хороший план. И вот те на. День рождения старого отморозка. Не думал, что это станет поводом отложить наступление...

— Выхода нет, — вздохнул помощник. — Слишком большая шумиха поднимется. Грисы точно вмешаются...

— Они молчат, — сказал Вихрь. — Будто им всё равно. Или у них есть своя стратегия по этому вопросу. Нужно готовиться биться не только с местной шпаной, но и с официальными грисами, если они решат, что им нужно вмешаться.

— Вечером посмотрим...

— Или завтра утром. Увы, приказ о наступлении придёт не от меня, а сверху. Говорят, сверху же лучше видно, чем из окопа...

* * *

Аркадий Иванович плохо спал, а утром вообще не смог встать — при первой же неловкой попытке подняться у него сильно заболела спина, и он оказался ограничен в движении.

— Девочка, помоги, — сказал он, беспомощно протянув руку вверх.

Оливия без проблем перенесла эту ночь и даже выпалась. Она уже всю пытающаяся уловить едва заметный, почти исчезающий в этом нестабильном энергетическом измерении след Оливера. Она озадачилась просьбой мужчины:

— Ты что, не понимаешь, что ты слишком толстый? Я тебя не подниму!

— Девочка, плохо мне. И почки, похоже, застудил...

— Меня Оливия зовут, вообще-то...

— Помоги мне, пожалуйста. Оливия.

— Мне надо искать Оливера, — неуверенно сказала Оливия. Она выглядела растерянно, то ли не могла ни помочь, то ли опять потеряла след своего напарника.

— Что бы сделал Оливер на твоём месте? — спросил Иваныч, медленно повернувшись на бок, чтобы снова безрезультатно попытаться подняться.

— Смотри, когда бы это произошло, — задумалась Оливия. — В наши лучшие времена он бы обязательно помог, придумал бы что-нибудь. Тогда у него была светлая голова и доброе сердце. А сейчас он просто бросил бы тебя...

— Но ты же не он, — испугался Иваныч.

Ему, мягко говоря, не хотелось оказаться здесь в одиночестве в беспомощном состоянии.

— Но он хороший! — раздосадовано, пытаясь самой себе что-то доказать, воскликнула Оливия.

— А почему он потерялся?

— Он в последнее время часто терялся. Убегал от меня в такие миры, о существовании которых я и не знала. Просто незаметно уходил, без предупреждения...

— Может, ты ему надоела?

Во время диалога Оливия постоянно оглядывалась по сторонам, пытаясь вновь ухватиться за тот след, что вчера более отчётливо отражался в измерении Резервного мира. Но сейчас этот след вовсе пропал. Видно, Оливер достаточно давно не вспоминал Оливию. Или ему очень сильно нездоровилось.

Всё это расстраивало. А фраза толстого мужчины, растюленившемся на мятой траве, вовсе добила девчонку. Она обернулась к Аркадию Ивановичу и растерянно спросила:

— Я? Надоела?

— Такое бывает, когда долго... вместе.

— Мы вместе долго, не одну жизнь. Значит, я действительно надоела, ведь так у вас, у людей бывает?

Иваныч хотел упрекнуть её в том, что она забыла, что сама является человеком, но вовремя вспомнил, что допуская существование Резервного мира нельзя не допускать существование других миров, форм жизни — в том числе и не людей. Нелюдей.

И нельзя не допускать того, что она действительно живёт не первую жизнь и

действительно шляется по мирам в поисках своего друга, брата, возлюбленного.

— Думаю, — Иваныч попытался деликатно донести свою мысль, — нужно дать ему время, он сейчас не хочет, чтобы ты его нашла...

— Нет! — не верила в такие слова Оливия. — Он, наверное, в беде и я должна ему помочь!

— Подумай, девчонка! — повысил голос Иваныч. Ему надоел этот разговор. У него болела спина, его начали злить своя беспомощность и эта глупая малолетка. — Подумай, и выбрось дурь из головы! Тут перед тобой человек на грани гибели! Вот кому нужна помощь!

Оливия «зыркнула» на него злобным взглядом. Впрочем, взгляд быстро смягчился, но Иванычу на некоторое время стало не по себе, видя, как светло-серые глаза рыжей девчушки вдруг на короткое время стали абсолютно белыми, мертвенно-пустыми.

— Люди, — равнодушно сказала она. — Вы и так на грани гибели. Не только ты. Все.

Молодая девушка отвернулась от лежащего мужчины. Но тому показалось, что она собирается уходить, потому он поспешил её окрикнуть:

— Стой! Только не уходи! Что ты хочешь, чтобы я сделал? Хочешь, денег? Машину, квартиру подарю!

— Зачем? — не поняла Оливия. — У меня есть столько миров, зачем мне квартиры и машины? Ты лучше расскажи мне... если знаешь что-то... что делать, если я ему надоела? Я ему разнадоем?

Она подошла к мужчине, будто впервые серьёзно оценивая возможность помочь ему подняться.

Иваныч не ориентировался в подростковой психологии. Но стоило попытаться донести простые вещи, знакомые ему с юности. Видимо, эта девчонка ещё просто не доросла до них.

Он сказал:

— Надо сделать вид, что тебе плевать! Когда он поймёт, что тебе плевать, то сам начнёт тебя искать!

— Точно! — обрадовалась Оливия, даже подпрыгнула от восторга. — Я не буду его больше искать! Пусть сам ищет меня! Пусть бродит по этим мирам, ночует в лесу, прячется от разбойников! Надоело!

После приступа радости она резко склонилась над Иванычем и стала его перекатывать на другой бок, будто желая укатить его с поляны как можно дальше. Ей было физически сложно, но одного переворота хватило, чтобы бросить эту затею. Мужчина не успел выругаться, но всё ещё хотел треснуть подзатыльник девчонке, чтобы она не издевалась над больным человеком. В одном порыве негодования он поднялся на колени, а потом, опираясь на ствол дерева, быстро встал на ноги. Боли не было, движения были лёгкими и плавными.

— Как ты это сделала? — удивился мужчина. — Это чудо из чудес!

— Да, — безрадостно сказала Оливия. — Вот только что мне дальше делать...

— Я знаю! — попытался поделиться своими сумбурными мыслями Иваныч. — Если у тебя такая сила к лечению, то у тебя, наверное, и другие способности есть?

— Есть, — согласилась девчонка. — У меня этих способностей! Ого, вот сколько!

— Отлично! — ещё сильнее обрадовался Иваныч. — План такой: пошли в наш мир? К людям? За твои способности к исцелению люди горы денег понесут! Но дело не в деньгах, я помню! Просто представь, как тебе будет хорошо, когда ты станешь помогать простым, нуждающимся людям...

— Увы, — поспешила сказать Оливия. — Это не моя миссия. Моя миссия...

— Пора научиться жить без Оливера! Не навсегда, на время. Зачем куда-то брести, если можно отдохнуть в мире людей? У тебя ведь есть возможность по мирам гулять? Может, поможешь мне вернуться в мой дом? Не на мою работу, а в дом, про который я тебе скажу...

— Ты много говоришь, — сказала Оливия.

Ей было грустно. Выводы, которые она сделала, образовали в её душе пустоту.

— Я просто хочу домой, — поделился своими переживаниями Иваныч. — Ты можешь помочь мне оказаться в безопасности? Хочешь, я покажу тебе в нашем мире Париж, Америку, а в Японии, наверное, сакура сейчас цветёт...

Он не сразу заметил, как идёт за ней, стараясь выглядеть немного ниже девчонки, будто пресмыкаясь перед её даром.

Оливия оборвала его на рассказе про красоту и достижения населения планеты Земля:

— Поверь, ваш мир интересен только вам. Много кто использует вашу Землю в качестве перехода с одной плоскости на другую, просто проходя мимо. Почти не задерживаясь. Плохо, ваш мир не хочет дружить сам с собой, как и этот мир...

— Да что же ты... говоришь. Пойдём, я покажу тебе то, что тебя удивит!

Но для девушки этот вариант был неприемлем. Она сказала:

— Мне строго настрого запрещено помогать кому-то перемещаться между мирами!

— Почему? — спросил Иваныч.

— Потому что!

— Это не ответ...

— Потому что нельзя!

— Оливер запретил?

— И он тоже! — уже почти канючила Оливия.

— Правила придумали, чтобы их нарушать.

— Почему?

— А вот потому что!

— Не говори моими ответами! — Оливия была эмоциональна.

— Если ты нарушишь своё правило, Оливер узнает об этом?

— Не знаю, — задумалась девчонка. — Я никогда не пробовала...

— Попробуй! Посмотришь, всё равно ему на тебя или нет! Пошли к нам, я покажу тебе потрясающую, удивительную и восхитительную сторону жизни на планете Земля...

— Что ж, — Оливия остановилась, прекратив своё бессмысленное блуждание по небольшой опушке леса Резервного мира. — Раз других целей у меня нет, то почему бы вновь не побывать у вас. Пусть этот Оливер дальше прячется, не буду его искать!

— Правильно! — поддержал Иваныч.

— Только обещай меня удивить! И расскажи подробнее, где твой дом, чтобы я смогла понять, как туда попасть...

* * *

Пленников привели в деревню Дарина. На её центральной улице было много народа. Все с интересом наблюдали за процессией — большая часть внимания доставалась людям, на Меренею глазели значительно меньше, разве что было отпущено несколько сальных шуточек в её адрес.

Сергей шёл молча, лишь изредка с кривой ухмылкой посматривая в сторону Кати. Та прятала от него взгляд, стараясь держаться подальше, насколько это было возможно.

Адам выглядел спокойным, но ему было плохо на душе. Он шёл первым в шеренге

пленников, закрывая своей широкой спиной Меренею.

— Прости, — сказал он своей девушке, обернувшись в её сторону. — Прости меня, пожалуйста. Я сглупил...

— Ничего, — сказала Меренея.

Женщина, за поясом которой торчали ножны с большим тесаком, прикрикнула на своих пленников:

— Ну-ка заткнулись!

— Начальница, — Сергей обратился к ней. — А что с нами будет? В чём мы провинились?

Кто-то из бродяг засмеялся. Женщина тоже хмыкнула, но на вопрос ответила:

— Это Дарин пусть сам решит, что ему делать с подарками!

Около центрального, самого высокого дома деревни процессию встретила женщина-грис с чёрными волнистыми волосами и зелёными кошачьими глазами. Её черты лица походили на цыганские. Местные её побаивались, считая ведьмой. Ну и ещё Матильда являлась бывшей женой Дарина.

Женщина с тесаком поприветствовала её:

— Матильда, как я рада тебя видеть! Такая честь, что ты лично встретила нас. Мы, как видишь, не с пустыми руками! В телеге ещё небольшие подарочки везём...

— Люди, — сказала Матильда, рассматривая пленников. — Слишком много стало людей. Мужчин поместите в темницу. А молодек ведите за мной. Они действительно отличный подарок. Просто конфетки.

Меренея возмутилась:

— Я официальный альнелон!

— Детка, — обратилась к ней Матильда. — Здесь это не работает. Этими местами правят не официальные силы, в этих местах царь и бог Дарин.

— За мной придут! — сказала Меренея, когда её повели в сторону от растерянного Адама.

— Как придут, так и уйдут, — спокойно сказала Матильда, в коллекции которой было огромное количество редких цершеров. Часть из них она всегда носила с собой в небольшой сумке. Многие считали, что благополучие этих мест зависит не от волевых качеств Дарина, а от магии Матильды.

Когда пленников начали разводить по разные стороны, Адам не выдержал. Он попытался разорвать верёвки на запястьях, но они оказались крепкими. Тогда он оттолкнул в сторону ближайшего конвоира, потом пнул второго.

— Марина! — крикнул он. — Я с тобой! Я люблю тебя!

Полноценной битвы не получилось, Адама быстро повалили на дорогу и побили дубинками, пока он не перестал сопротивляться.

Меренея ничего не ответила, только поджала губы. Прежде чем её вместе с Катей увели в большой дом, она только и успела обменяться взглядами с возлюбленным, которого сама сгубила своей глупостью.

Мужчин отвели в темницу к Марку Семёновичу, Касу и раненому парню, на которого стражники делали ставки, доживёт ли он до утра. Но он дожил, смог подняться, сходить в отхожее место и вновь сесть в привычную позу, поджав под себя ноги и укрывшись двумя охапками соломы. После чего он вновь умиротворённо закрыл глаза.

Цвет его лица был не здоровым, но кровь на его животе запеклась в две большие чёрно-

красные кляксы. На вопросы Каса он также ничего не отвечал. Марк Семёнович всё ещё не приходил в сознание, но его температура понизилась. Ночью Вирис приносил кувшин с водой и Кас его немного напоил.

— Батя? Что ты здесь делаешь? — удивился Сергей, войдя в темницу.

— У вас что, династия путешественников между мирами? — спросил Кас.

— Как ты здесь оказался? — Сергей склонился над отцом, но тот смог лишь ненадолго разомкнуть веки и потом опять потерял сознание. — Что с ним сделали?

— Это всё Дарин, — сказал Кас. — Если тебе что-то говорит это имя.

— Я тебя вытащу отсюда, — пообещал Сергей отцу.

Он понимал, что если вовремя не применит магический шар, то потом такой возможности может и не быть. Знать бы, где находится стартовая полоса у этого самого «вовремя». Нужно было ещё немного присмотреться к обстановке, потянуть время.

Адам просто грустно сел в солому рядом с молчаливым парнем в ту же самую позу.

Сергей незаметно для всех вытащил из ботинка цершер и переложил в карман толстовки, чтобы тот не натирал ногу. Мужчина помнил, как этот шарик использовала Кристина, но нужно было окончательно взвесить все «за» и «против». И принять единственное верное решение. Состояние отца говорило о том, что нужно спешить. Но оправдана ли спешка?

Сергей обратился к Касу:

— Можешь объяснить, что здесь вообще происходит?

* * *

— Вот такой у вас выбор, — Матильда закончила свою речь, объяснив Меренею и Кате варианты их судеб.

Выбор был небольшой: погибнуть тут же от боевого цершера или принять участие в поединке за право стать новой женой Дарина.

После того, как Матильда замолчала, ожидая, когда девушки озвучат свой выбор, в просторную комнату с маленькими окнами зашли несколько женщин.

— Вы пожалеете, — сказала Меренея.

— Ясно, — Матильда была спокойна.

— Когда сюда придут официальные альнелоны... — начала угрожать Меренея.

— То они тебя уже не найдут, — усмехнулась за спиной Меренеи женщина, голос которой оказался девушке знакомым, это была та самая воительница с тесаком.

Матильда обратилась к вошедшим женщинам, тыча пальцем в сторону Меренеи:

— Эту ликвидировать. Сейчас же. Только не забрызгайте мне тут всё...

Меренею окружили, и она испуганно стала оправдываться:

— Нет, я согласна! Я согласна стать его женой, только отпустите Адама!

— Не так просто, — сказала женщина с тесаком, положив девушке на плечо свою тяжёлую руку. — Чтобы стать его женой, надо сразиться с другими претендентками. До того, как мы вас нашли, претенденток было двое, но они сами очень горят желанием стать второй половинкой Дарина. Они столько готовились к этому поединку. Да я и сама была бы не прочь поучаствовать, прости меня Матильда за слова эти! Но беда в том, что я не подхожу под его типаж! А вам повезло. Вы смазливые, стройные, такие, каких он очень любит...

Матильда перебила говорливую женщину, обратившись к Кате:

— А ты что скажешь?

— Я согласна, — опустив глаза, озвучила свой ответ девушка.

Другого выбора сейчас не было, нужно было как-то выживать, авось случится чудо. Возможно, за ней придёт Гжельский. Ей хотелось в это верить.

— Замечательно, — сказала Матильда. — Значит, будет два полуфинала и финал. Только как быть с человеком, она же не сможет использовать цершер...

Женщина с тесаком рассмеялась:

— Дадим ей палку какую-нибудь!

— Нет, — сказала Матильда. — Ты отдашь ей свой тесак.

— Но, — женщина-альнелон перестала смеяться, — этот тесак мне очень дорог, это моё легендарное оружие...

Матильда была непреклонна:

— Заберёшь его обратно, когда она погибнет. Уверена, она даже не успеет им хоть как-то воспользоваться. В полуфиналах неподготовленные претендентки будут биться с подготовленными. А теперь накормите их, отмойте хорошенько, сделайте сногсшибательный макияж, причёски. И нарядите их так, как он любит. А я должна проконтролировать подготовку к банкету. Гарака, ты будешь за старшую.

— Поняла, — сказала женщина с тесаком.

С одной стороны, ей было жалко даже на недолгое время расставаться со своим оружием, а с другой стороны, ей выпала такая честь не просто находиться в этом доме, но и участвовать в подготовке претенденток. А ведь ещё с утра она была хоть одной из лучших, но всё-таки разбойницей. Пыль дорог, холодные ночи под открытым небом, набегги в официальные края грисов или альнелонов. А теперь она в тепле, скоро будет сытный пир и, возможно, новые поручения от самой Матильды!

— Гарака, — обратилась к ней одна из приближенных к Матильде. — Если ты сейчас главная, то надо торопиться. Вдруг Дарин не захочет долго пировать и сразу перейдёт к зрелищам.

Гарака, налюбовавшись собой в зеркале, расположенном у входа в комнату, приказала:

— Так давай, начинай! И поживее!

* * *

Оливия ела большой бутерброд с вареньем вприхлёбку с ароматным сладким чаем. Аркадий Иванович сидел рядом и жалел об отсутствии мобильного телефона — те два бестолковых гриса отняли его у мужчины. Другого телефона у него здесь не было.

К удивлению Иваныча, они переместились в его секретный загородный дом без использования цершеров. Оливия просто расспросила его о том месте, где бы он хотел оказаться, а потом хлопнула в ладоши, и всё завертелось, закрутилось и...

... и вот, они уже здесь, в глухой деревне, где мужчина купил небольшой дом совсем недавно, буквально на днях, чтобы иметь про запас тихое место, где можно будет спрятаться в случае опасности. Здесь же он хранил крупную наличную сумму.

Пока он извлекал из тайника свои денежные средства, Оливия нашла в холодильнике батон четырёхдневной давности и варенье. Иваныч вскипятит чайник. Без телефонной связи в этих краях было плохо, так же, как и без машины. Но у него была эта чудная девчонка, которая могла перемещаться в пространстве без каких-либо денежных вложений и транспортных средств. Он даже умилялся, наблюдая за тем, как она жадно кусает и быстро жуёт хлеб с покупным вареньем. Мужчина почти не помнил таких чувств к собственным детям. Видимо, действительно с возрастом становишься сентиментальнее.

— Пока ты меня ничем не удивил, — сказала Оливия. — Варенье я ела и раньше!

— Всему своё время, — улыбнулся Иваныч.

Он много думал о том, как поступить дальше и не пришёл к каким-либо хорошим выводам. Но отпускать девчонку на волю было не выгодно.

— Что так смотришь на меня? — спросила Оливия, закончив с бутербродом. — У тебя холодильник пустой, а я не наелась!

— Я сейчас схожу в магазин и куплю много еды, — сказал Иваныч, памятуя о том, что в этот день единственный на округу торговый ларёк легко мог быть закрыт. — Только спросить у тебя хочу про одну услугу. Можем ли мы ещё один маленький разочек переместиться в одно место, где я храню все свои деньги, чтобы их быстро забрать и вернуться обратно? А то вдруг тех денег, что у меня с собой, не хватит на покупки...

— Ты мне врёшь! — воскликнула Оливия, после чего залпом допила чай.

— Не совсем так, — напрягся Иваныч.

— Для еды не нужно много денег!

— Пойми, я просто хочу исполнить своё обещание удивить тебя. И порадовать. А без денег в нашем мире радоваться невозможно.

— Глупый мир! — сказала Оливия. — Ладно, давай, говори, куда тебе нужно...

— Подожди, я только рюкзаки и сумки приготовлю, я быстро...

* * *

Олег Рубинович Гжельский сидел за столом в своей лаборатории. Напротив него лежал на кушетке Руслан Стахов, и было видно, что он боится.

— Есть большая вероятность, что Катя уже мертва, — сказал Гжельский. — И всё это может быть напрасным. Но, не буду таить, этот эксперимент кажется мне любопытным. Поэтому научный интерес в этом тоже присутствует. Но последнее слово за тобой.

— Это похоже на плохое кино, — сказал Стахов. — Неужели одного укола будет достаточно, и я превращусь в коллекционера голов?

— Это будет не один укол, а целая процедура, — пояснил Гжельский. — Видишь ли, у этого существа был очень странный организм, в котором протекали не менее странные процессы. Стремительно протекали, такой быстрой химии я ещё не видел. Поэтому эффект должен быть молниеносным. Быстрее, чем с бешенством, в разы...

— Док, ну ты сравнил! — невесело усмехнулся Руслан.

— Извини, но процесс замещения очень похож, — сказал Гжельский. — Но вся беда в том, что я не знаю, каким ты станешь. В такого же здоровяка ты точно не превратишься, но может быть возобновиться связь в твоей нервной системе и вернётся чувствительность ног...

— Другое дело! — Руслану стало немного веселее.

— Может быть, — продолжил Гжельский, — тебя начнёт тянуть... э, коллекционировать головы. Но. Самое важное. У этого существа был нереальное чутьё на то, чтобы выследить свою жертву, как бы она не запутала следы. Только так мы сможем найти Катю в чужом мире. И если в твоём организме пойдут какие-нибудь отрицательные, разрушающие процессы, то я тебе сделаю несколько инъекций, которые остановят развитие этих процессов. И потом я приложу все усилия, чтобы излечить тебя. Я обещаю.

— Давай быстрее, — поторопил Руслан после недолгой паузы. — Только внуши мне отсутствие сомнений и страха. И давай уже начинай эту процедуру, мы теряем время.

Гжельский тут же поставил ему две капельницы с мутными растворами, потом сделал инъекцию в область позвоночника. Потом сделал внутривенный укол.

— Док, — сказал Руслан. — А когда я найду Катю, я не захочу снять с неё кожу, съесть

её внутренности и повесить себе на шею её голову?

— Не знаю, — честно сказал Гжельский, а потом применил силу своего внушения. — Но тебя мой ответ не беспокоит. Тебе важно её найти. Мы будем всегда рядом и постараемся не допустить беды...

— А много вас будет со мной, в чужом мире?

— В Резервный мир отправимся вместе с тобой только я и Лера. В том мире мой гипноз не работает, поэтому я не уверен, что остальные смогут чётко исполнять мои приказы.

— Как мало у тебя тех, кто тебе доверяет, — с трудом сказал Стахов.

Его мысли стали тяжелее, стали совершенно по-другому конструировать мыслительный процесс.

Олег Рубинович вытащил из кармана найденный вчера в ящике стола начальника овощной базы серебряный цершер и вручил его лежащему под капельницами мужчине.

— Доверие слишком хрупкая вещь, — сказал Гжельский. — Изучи эту штуку. Ты чувствуешь как-то её силу? Понимаешь, для чего она предназначена?

— Чую, — сказал Руслан. Ему стало очень сложно правильно формировать речь. — Выйди ко мне. Тот, кто трогал...

— Быстро пошёл процесс, — сказал Гжельский, отобрав магический шар у Руслана. — Ты должен понять суть этой вещи, чтобы переместиться туда...

— Выйти ко мне? — спросил Руслан. — Выйди?

— Нет, — немного запаниковал Гжельский, увидев, как дёрнулась нога Стахова. — Ты не должен охотиться на меня. Ты не должен охотиться на Леру. Ты должен найти...

— Выйти? — сказал Стахов и вскочил на свои худые босые ноги.

— Что ты чувствуешь, расскажи? — попросил с использованием Силы Гжельский.

— Выйти! — вновь сказал Руслан.

Его взгляд потерял осмысленность. Одним движением руки он выдернул капельницы, а другим он оттолкнул Гжельского в сторону так, что тот перекувыркнулся через собственный стол.

Пока он поднимался на ноги, Руслан уже нёсся со всех своих босых ног по пустому коридору второго этажа пансионата.

— Лера! — крикнул Гжельский в рацию. — Заводи машину, мы должны не упустить из вида Стахова, он только что от меня сбежал...

* * *

Гарака оценила новые наряды девушек. Они были потрясающе очаровательными, сексуальными. Жаль, ей такая одежда не подошла бы из-за плотной комплекции.

— Ну, не стесняемся, — сказала Гарака, хлопнув Катю по почти голой ягодице. — Держите себя раскрепощено. И, возможно, если будете проигрывать, то Дарин пожалеет вас и остановит бой. Правда, такого не было ещё...

— Нам придётся драться насмерть? — спросила Катя, ей было неуютно не только от того, что она полуголая, а ещё и из-за туфель на высоком и широком каблуке.

— Да, — ответила на вопрос Гарака. — У каждой претендентки будет по два ледяных цершера, ну а у тебя, человеченка, будет мой тесак. Смотри, не поцарапай его. Бой поначалу будет похож на игру в снежки. Не у тебя, человеченка, конечно. Попадание ледяным цершером в человека почти не смертельно, если не в голову. Но на некоторое время место попадания морозится и становится хрупким. Неудачное движение или удар по такому месту в близком бою уже может служить серьёзной травмой, которая легко приводит к ампутации

или гибели. Или к тому и другому. Помню, одной девчужке в лоб таким цершером зарядили, а потом ногой голову снесли, как хрустальную вазу...

— Матильда тоже участвовала в таком бою? — спросила Меренея, рассматривая себя в зеркало.

Подчинённые Матильды сделали ей красивую укладку волос, локоны так и струились по плечам мягким шёлком. Она не знала, что такую причёску можно сделать в Резервном мире. На ней было чёрное кружевное платье с телесными вставками, больше похожее на изящное нижнее бельё. У платья были длинные рукава, а лёгкий кружевной подол присутствовал только сзади — красоту её ног почти ничего не закрывало. Хорошо, что ей выдали менее откровенные трусики, чем у Кати, но у неё хотя бы было какое-то подобие юбки в виде нескольких коротких шёлковых лент. Основной цвет одежды Кати тоже был чёрным. У них у обоих были неудобные туфли с высокими каблуками.

Гарака с удовольствием ответила на вопрос Меренеи:

— Матильда, да, конечно, участвовала! Её бой был великолепным! Она билась с такой валькирией, ой, ваще! Она смогла увернуться от обоих ледяных цершеров, потом бросила сопернице в ноги свои! Потом раздробила её окорочка и придушила подругу ногой! Я тогда первый раз на день рождения Дарина попала. Ещё совсем мелкой была. Эх, время летит! И после такого великолепного боя Матильда оказалась самой успешной женой Дарина!

— Почему они развелись? — спросила Меренея.

— Надоела, — сказала Гарака. — Но лет шесть они спали в одной комнате. Потом Дарин предложил ей остаться в качестве местной ведьмы. Это лучшая судьба!

— Что случилось с остальными жёнами? — задала новый вопрос Меренея.

— Ну, — Гарака начала вспоминать. — Первую он придушил через год, вторую застрелил почти сразу же, третью просто отпустил, четвертую продал, пятую избил до смерти, как и седьмую. Матильда была шестой. Стоп, или пятой? Не упомяну...

— Что будет с Адамом? — этот вопрос Меренея уже задавала, но ей совсем не нравился ответ.

И Гарака озвучила новую версию его судьбы:

— Если сегодня победишь, то пока Дарин будет от тебя без ума, сможешь повлиять на него. Может, он даст твоему Адаму приемлемую работу или вообще отпустит. Так что, дерись хорошо. А ты дерись плохо, не царапай мой тесак!

Последняя фраза Гараки была адресована Кате. Но та ничего не ответила.

Пришла Матильда. Девушки ей очень понравились. Она принесла маски.

— Наденьте это, — велела Матильда, протянув девушкам мелкосетчатые материи. — Дарин не должен видеть ваших лиц до того, как вы выиграете или погибните.

Девушки послушались, надев на себя маски. Теперь их лица нельзя было рассмотреть даже вблизи, но сетчатая ткань стала немного ограничивать обзор.

— Ох, какие красотки, — восхитилась Матильда. — Какие ножки! Ладно, пойдёмте. Сегодня пир не будет долгим, Дарин уже достаточно выпил и поел...

* * *

— Ты почему в шапке и медицинской маске? — спросила Оливия у Аркадия Ивановича, когда они оказались в просторном помещении, в котором ровными рядами лежали свежие пачки денежных купюр. — Ты что, того?

— Тише, — попросил Иваныч, быстро начиная набивать сумки и рюкзаки пачками денег. — Можешь мне помочь?

— Нет, — сказала Оливия. — Я так мало в твоём мире, а мне уже скучно.

— Ничего! — заверил её жадный спутник, как можно скорее сгребая деньги. — Скоро будет очень весело!

— Может, — сказала Оливия, — я пока погуляю снаружи этой коробки без окон и дверей...

— Нет, побереги, пожалуйста, силы. Я скоро. Одна минута.

— Да, силы очень быстро расходуются, когда между мирами путешествуешь. Долго потом в себя прийти не можешь. Грустишь, болеешь. В голове нет никаких хороших мыслей. Бедный Оливер, он когда часто ходит по делам в другие миры наверное чувствует себя ещё хуже...

Когда сумки и два рюкзака стали почти неприподъёмными, Иваныч прервал размышления девчонки:

— А теперь давай обратно!

На что Оливия предложила:

— Может, обратно пешком?

— Как пешком? — Иваныч чуть не выронил сумки. — Нельзя пешком, отсюда пешком не уйти. Это территория банка, блин!

— А у меня силы закончились...

— Да ты... да чтоб ты... как так?!

Иванычу стало плохо.

— Как так? — передразнила девчонка. — Кончились силы и всё тут.

— Мы не можем здесь оставаться! — голос мужчины дрогнул.

— Ладно, я пошутила, — сказала Оливия, пнув ногой вывалившуюся из сумки Иваныча пачку денег. — Есть ещё немножечко сил. Видел бы ты своё лицо!

Она хлопнула в ладоши, и они вернулись к Аркадию Ивановичу на дачу.

— Ты так не шути! — попросил мужчина девчонку, глубоко дыша, чтобы успокоить нервы.

* * *

— Сегодня у нас небывалое зрелище, особое событие! — огласила своим звонким голосом округу ведущая торжества, блондинка, одетая в пошлый, откровенный костюм, больше похожий на нижнее бельё.

Практически в таком же откровенном одеянии Мереня и Катя, спрятанные от толпы за импровизированной деревянной кулисой, пытались понять, что же они тут делают.

— Вот, — поведала девчонкам Гарака. — Ведёт мероприятие девятая жена Дарина, Эйрана. Тоже хорошо тут устроилась. Не Матильда, конечно, но тоже не бедствует. Но, Матильда, это редкий талант...

Катя ничего на это не ответила. В голове был какой-то сумбур. Уровень стресса уже опустился, на плечи давила усталость, а белую кожу ног неудобно сжимали лямки туфлей, закрывая ободранные колени.

Ничего, скоро всё быстро закончится — утешала себя девушка.

Мереня выглядела позитивнее. Она натягивала на палец локоны светло-золотистых волос, высунувшись немного из-за кулис. Девушка рассматривала толпу, немного приспустив с глаз маску. Заметив центральную фигуру мероприятия, она спросила:

— Это и есть Дарин? Он не выглядит грозным.

— У него своеобразный характер, — сказала Гарака. — Не стабильный, я бы сказала.

Ну, у него весь род такой был...

— А что стало с его последней женой? — задала новый вопрос Мереня. — Какая там по счёту...

— Четырнадцатая, — проинформировала Гарака. — Он её отпустил, как надоела. С возрастом Дарин стал лояльнее к своим пассиям. Поэтому девчонки всё легче и чаще пускаются в эту авантюру...

— Завёл бы себе гарем, — грустно улыбнулась Мереня.

— Нет, — сказала Гарака. — Он влюбляется в победительницу так, что на других женщин даже не смотрит. Он боготворит её так сильно, что девушки готовы рисковать жизнью ради этого времени. Но чувство рано или поздно заканчивается, как это всегда в жизни и бывает...

За кулису зашёл крепкий альнелон. Он обратился к Меренее:

— Ты первая пойдёшь...

Тем временем ведущая озвучила главную новость мероприятия:

— У нас будет не один бой за право называться женой высокопочтенного Дарина, а целых три!

Дарин улыбался своей довольной, хмельной улыбкой, развалившись на удобном диване. Сегодня он был без линз и маскирующего его реальную расу марафета. Утром он страдал от похмелья, но теперь хмельная сила вновь вернула ему интерес к жизни. Да и день обещал быть интересным.

Он поддержал овации толпы:

— Вот это да, вот это я понимаю!

Также особую радость выказали и Гришатре с сыновьями, что располагались рядом с местным князьком. Столы, расположенные в саду, на окраине которого кружило жёлтое зарево аномалии, были сдвинуты буквой П так, чтобы удобно было любоваться не только боем, но и огненным хороводом, что озарял лес, но не распространялся дальше им же отмеченной границы уже много лет.

Эта аномалия была большой гордостью Дарина. Их было немало в Резервном мире, и его жители старались не селиться около них, опасаясь излучения. Но весь род Дарина доказывал обратное — жить около огненного вихря можно ровно столько же, сколько и вдали от него. Тем более это зарево, тускло, но ядовито пылающее практически посреди леса, являлось хорошей естественной защитой, испепеляя тех, кто посмел бы приблизиться к этому месту слишком близко с противоположной стороны холма. Таким образом, эта деревня была защищена с двух из четырёх сторон, да и никто не осмеливался её осаждать.

Дарин страстно рукоплескал двум появившимся претенденткам. Он был очарован их стройными фигурами и просто жаждал узнать, как выглядят их лица.

Пусть даже и в посмертной агонии.

— Все готовы? — возвала к толпе ведущая мероприятия Эйрана. — Первая претендентка, несмотря на юный возраст, уже поучаствовала в нескольких налётах на деревни и даже убивала официальных представителей грисов и альнелонов. И сегодня у неё появится возможность пополнить этот послужной список! Потому что вторая претендентка назвала себя официальным... я не скажу кем! По окончании боя вы узнаете, грисёночка она или альнелончик! В общем, как вы поняли, она очень гордится тем, что имеет отношение к официальным силам!

Публика недовольно засвистела. Ведущая продолжила речь. Она кричал так звонко, что

ей даже не нужен был микрофон, который в этих краях не стал бы работать. Но всё-таки девушке иногда приходилось применять простой конусообразный рупор, чтобы перекричать толпу:

— Вижу, кого вы будете поддерживать в этом бою! Но не торопитесь с выводами. Вдруг это новая жена Дарина и он распорядится ею так, как вы даже не могли подумать! Или подумали, признавайтесь? В общем, если что, эта официальная фифа сейчас располагается в левой стороне. Принесёт ли ей это удачу? Многоуважаемая Матильда, прошу, начинай!

В центр никак не оборудованной для битвы площадки вышла Матильда. Она держала в своих руках уже увеличившийся в размерах барьерный цершер.

В это время Эйрана положила по два ледяных цершера на противоположных сторонах небольшой опушки сада Дарина, больше похожего на обычный, для этих краёв, только более ухоженный лес.

И когда блондинка удалилась, Матильда, практически не касаясь магического шара руками, торжественно разбила его об пол, закрыв большим прозрачным куполом двух соперниц.

— Напоминаю вам, — сказала ведущая, — что этот купол защитит вас от возможных косых бросков наших воительниц! А ещё он будет постоянно сужаться, заставляя их быть ближе друг к другу. Шар лопнет только в том случае, если одна из девушек, эх, погибнет! Или если наш дорогой, великоуважаемый Дарин пожалеет девчонок. Но, признайтесь, когда мы такое видели?

Дарин залился громким смехом.

— Бой начинается! — скомандовала ведущая.

Меренея осталась со своей вынужденной соперницей, рыжей девушкой, вдвоём под одним прочным, прозрачным куполом.

Послестартовая пауза была недолгой — соперница Меренеи сразу же бросилась к своим ледяным цершерам, схватила их по одному в руку, и тут же совершила бросок.

Меренея сначала растерялась, находясь в некотором ступоре. А потом поспешила повторить первое действие рыжей девушки, но не успела добежать к своим ледяным цершерам — проворная соперница своим броском раздробила цершеры Меренеи, окатив последнюю ледяной пылью.

— Вот это ход! — обрадовалась ведущая мероприятия Эйрана. — Вы только посмотрите, она уничтожила все её цершеры, оставив себе один! А это всегда победа, когда у тебя один цершер, а у противника ни одного! Увы, это просто правило большинства!

— Заткнись и не мешай! — велел Дарин. Он был очень увлечён боем.

Ведущая, только хотевшая озвучить какую-то свою новую мысль, опустила рупор, предназначенный для улучшения слышимости её голоса. И немного сникла.

Катя стояла в стороне, за небольшой деревянной стеной. Она со сковывающим ужасом наблюдала за тем, что происходит на арене, располагающейся от неё по левую сторону. Справа, совсем близко, шипело зарево, не прощающее близкого контакта с собой. Позади девушки перетаптывались с ноги на ногу вооружённые охранники, обсуждая фигуру девушки. Совсем рядом напряжённо наблюдала за боем женщина-альнелон, которая скоро должна была отдать Кате свой тесак.

— Гарака, — обратилась Катя к женщине. — Как мне победить в бою?

Гарака недовольно перевела взгляд на девушку, потом опять стала следить за боем. Но на вопрос ответила:

— На самом деле всё просто. Уворачиваешься от двух цершеров соперницы, потом режешь её тесаком. Старайся держать тесак крепче, чтобы не выронить. И режь, режь наотмашь! Раздробь руки, потом ноги. Он знаешь, какой острый у меня? Потом аккуратно так чикни по горлу. Думаю, я бы справилась с соперницей лучше, если бы у меня был мой тесак, чем эти шарики. Эх, как бы хотелось побывать на твоём месте, испытать себя...

— Спасибо за совет, Гарака, — сказала Катя.

— Обращайся, — хмыкнула женщина.

Бой не спешил поддерживать быстрый темп.

— Ты действительно официальная? — спросила рыжая девушка, чьё лицо и расу нельзя было рассмотреть из-за маски.

Она сокращала дистанцию до Меренеи, небрежно подбрасывая в руке магический шар.

— Уже нет, — ответила Марина-Меренея. — Меня выгнали оттуда.

— А ты грис или альнелон? — задала второй вопрос соперница.

— Альнелон, — Меренея была честна.

— А я — грис, — рыжая девушка остановилась в пяти шагах от соперницы. — Поэтому я убью тебя с изощрённой жестокостью!

— Зачем тебе это нужно? — Меренея медленно попятилась назад. — Зачем ты добровольно, в таком молодом возрасте согласилась на это безумство...

— Ты не понимаешь! — обозлилась рыжая девушка. — Это статус, это возможность

стать...

Меренея перебила её:

— В самом лучшем случае, такой, как Матильда?

— Посмотри на моё лицо, — рыжая девушка быстро стянула маску. — Посмотри мне в глаза. Посмотри на меня повнимательнее. Видишь? Я лучше Матильды.

Да, она была помоложе и посмазливее бывшей жены Дарина. И не более. Что особогс Меренея могла разглядеть в этой наглой девчонке?

Ведущая мероприятия решила прокомментировать происходящее:

— Нарушение правил! Участница сама сняла маску...

— Заткнись! — огрызнулся Дарин на ведущую. — Тебе ведь говорили заткнуться? Щас в зарево тебя окуну башкой твоей тупой! И так из-за купола не слышно ничего, о чём они разговаривают...

Ведущая, на всякий случай, отошла подальше от стола Дарина.

А Меренея, быстро поняв, что разговоры с рыжей вынужденной соперницей бессмысленны, поспешила принять хоть какие-то меры, чтобы спасти себя. Вариантов, особо, не было. Под защитный купол попало несколько больших деревьев, и девушка-альнелон поспешила к ним, чтобы использовать их, как укрытие. Её не смутило, что этот манёвр выглядел, как бегство.

Это сильно не понравился рыжей девушке. Возможно, она посчитала, что у Меренеи появился какой-то верный план.

Девушка-грис прищурила свои ярко-зелёные глаза с хищными вертикальными зрачками. И бросила свой цершер.

Магический шар немного задел пятку Меренеи, но этого оказалось недостаточно, чтобы полностью освободить свою мощь. Полное разбитие случилось у корней кучно растущих почти у самого края свода защитного барьера деревьев.

Меренея вскрикнула от боли, когда не смогла полноценно наступить на левую ногу. От более серьёзных последствий её спас длинный каблук, но пятка почти не чувствовалась и ноги сильно обдало ледяным порывом. Девушка ухватилась за дерево, в которое угодил цершер, чтобы не рухнуть на землю. С ногами творилось что-то очень неприятное.

Как только Меренея облокотилась на ствол дерева, оно тут же покачнулось и с хрустальным треском свалилось на землю в сторону рыжей девушки.

Девушка-альнелон обернулась посмотреть, не задело ли соперницу, и не узнала её. У той сильно изменилось выражение лица — вместо наглой, самодовольной женщины перед Мереней предстала испуганная молодая девчонка, в нескольких сантиметрах от которой упала массивная часть ствола дерева.

За стеной купола раздался грохот — та часть сломанного дерева, что располагалась за барьером, свалилась вниз, перевернув своими раскатистыми ветками несколько столов гостей, что располагались на периферии сада.

— Бейтесь! — крикнул Дарин.

Но рыжая девушка не могла сдвинуться с места. Меренее даже показалась, что ствол прищемил ей ногу. Но нет, она просто всё ещё была в ступоре.

Толпа подхватила клич Дарина.

Под крик местной публики, Меренея, держась за край ствола поваленного ей дерева, медленно выпрямилась во весь рост. Левая нога ещё была хрупкой, девушка не наступала на неё, но в стопе уже чувствовалось покалывание — ледяная анестезия отступала.

Рыжая девушка сделала два неуверенных шага назад.

— Как же ты убивала официальных? — ехидно спросила Меренея. — Отойди подальше, у тебя вон уже из трусов твоя смелость вываливается и дурно пахнет...

Рыжая хотела что-то сказать, но у неё лишь задрожала губа. Она отвернулась и отошла от дерева, которое чуть не впечатало её в чёрную землю.

— Ведущая! — позвал Дарин. — Ты чё заткнулась-то? Не, я тебя сегодня точно сожгу! Разруливай ситуацию!

Ведущая принялась озвучивать регламент:

— Итак, дорогие зрители, у нас дуэль! В том случае, если по какой-то причине бой останавливается, то объявляется дуэль! Купол убирается на несколько секунд. За это время вы можете накидать понравившимся вам бойцам свои боевые цершеры! Не активированные! Повторяю, не активированные. А то бывали шутники. Кидайте, сколько захотите. Как только появится новый купол, соперницы смогут их применить...

Её голос уже был не таким звонким, не помогал даже рупор. Часть её слов утонула в криках толпы.

Но вниманием публики завладела Матильда.

— Внимание! — воскликнула она. — Я убираю купол на десять секунд!

Женщина щёлкнула пальцами и купол растворился. Толпа замолчала.

Не сразу зрители осмелились поделить свои боевыми магическими шарами. Но всё-таки первый ЦБ был брошен в сторону рыжей девушки. Она тут же подняла его из травы и расстроилась тому, какая незначительная сила была в него заложена.

Но дальше в её сторону полетело ещё несколько не активированных магических шаров, в которых было чуть больше разрушительной силы. Рыжая тут же отбросила в сторону первый цершер и принялась собирать более мощные шары. Она пожалела, что у неё не было вместительного подсумка или хотя бы карманов, потому что держать в руках столько цершеров было невозможно и приходилось выбирать их по мощности, назначению и силе.

Это занятие очень сильно увлекло девушку-гриса, она даже не обращала внимания на Меренею, которая не могла даже сделать и шага в сторону — пятка ещё не чувствовалась, а в ступне кололись тонкие иголки, не давая пошевелиться.

Кто-то из зрителей не рассчитал с броском и его цершер упал в траву в пяти метрах от Меренеи. Но у девушки не было возможности быстро перелезть через ствол дерева и поднять его. Она медленно стала подбираться в сторону своего возможного спасения, она уже чувствовала ауру этого не сильно мощного, но единственного доступного ей цершера — персонально ей некто не предложил своего оружия.

Поток помощи для рыжей девушки прекратился. Она отобрала четыре шара, остальные разложила у себя под ногами. Пауза была дольше десяти секунд, поэтому ей успели накидать более десятка магических шаров — было из чего выбрать.

Когда Матильда на вытянутых руках вынесла новый редкий барьерный цершер, публика притихла.

Меренея так и не успела добраться до валяющегося в траве магического шара. От неаккуратного движения её ногу пронзила острая боль, поэтому пришлось остановиться.

— Подожди, — Дарин остановил бывшую жену. — Не честно.

Он вытащил из кармана золотистого пиджака первый попавшийся цершер и бросил его в сторону Меренеи. Девушка смогла его поймать.

Она посмотрела на своего спасителя, понимая, что её взгляда он не увидит из-за

дурацкой повязки на лице. Зато она своим зорким зрением смогла заметить выражение лица мужчины. Оно не выражало ни поддержки, ни симпатии. Его глаза были злыми, губы кривились, будто желая плюнуть желчью, а на аккуратной бородке блестели капли какого-то дорогого пойла.

Нет, ей совсем не хотелось замуж за этого гриса. Но ради Адама стоило пойти на многое. Тем более, если она станет его женой, её ни в коем случае не выдадут ни официальным альнелонам, ни тем более грисам.

Меренея сразу почувствовала силу боевого цершера. И она её напугала. У неё в руках оказался ЦБ-5, взрывать который в замкнутом пространстве купола было очень опасно, это грозило гибелью для них обоих. Да и выдержит сам купол — тоже вопрос.

Матильда установила над соперницами новый купол.

— Да начнётся дуэль! — провозгласила ведущая торжества.

— Заткнись, — менее злобно, чем в прошлые разы, сказал Дарин.

Но заткнуться блондинке всё-таки пришлось, она никогда с ним не спорила, а наоборот славилась лёгким на подъём нравом и хорошим настроением тогда, когда это от неё требовалось.

Как только крыша купола замкнулась, Меренея подняла руки вверх, опираясь бедром на ствол упавшего дерева. Она крикнула вынужденной сопернице:

— У меня ЦБ-5. Нам лучше не кидаться этими штуками друг в друга...

— Ты врёшь! — к рыжей девушке вернулась злость, но страх ещё окончательно не отпустил её.

— Хочешь, давай проверим! — сказала Меренея. — Выбор небольшой...

— Хватит мне зубы заговаривать! — заявила рыжая девушка. Один из боевых цершеров увеличился у неё в руке, она была готова его применить. — Я и так потратила на тебя слишком много времени! Я не верю, что Дарин отдал тебе мощный цершер. Скорее всего, там какая-нибудь забавная шутка...

— Я предупреждала, — прошептала Меренея, не став дожидаться, пока рыжая девушка применит своё оружие.

У молодой девушки-гриса после пережитого стресса напрочь отбило чутьё. Она не смогла понять, что Меренея не врёт, даже тогда, когда магический шар пролетал у неё высоко над головой. Сначала она подумала, что та просто промахнулась, поэтому не сразу бросила свой цершер на перехват. Но когда смогла это сделать, тут же осознала, что совершила ошибку. Впрочем, даже если бы она не сделала перехват, то это вряд ли спасло ситуацию.

Меренея спряталась за поваленным стволом дерева.

Взрыв был такой мощности, что не оставил и следа от рыжей девушки. На его фоне детонация всех принадлежащих ей цершеров оказалась просто лёгким хлопком.

Также взрывная волна разорвала и растворила в себе купол, который принял на себя основную силу удара. Толпу обдало сильным жаром, кто-то даже опалил себе лицо.

Но Меренея выжила. Её, вместе со стволом дерева, вжало в купол. А потом, когда тот растворился, отбросило в сторону. Онемевшую пятку пронзила новая боль, сильно растрепалась причёска, с лица сорвало маску.

А в целом, всё было хорошо, просто отлично.

Кто-то из людей Дарина помог ей подняться. Потом подошло ещё несколько мужчин. Её отвели за кулисы, где гримёрша принялась поправлять её образ. Меренея подчинялась

всему, что с ней делали. Она выиграла эту битву. Значит, выиграет и следующую.

Тем временем Дарин сидел в окружении опрокинутых стаканов и громко смеялся. Он был в восторге от того, что произошло. Находящийся рядом оглушённый Гришатре пытался вылезти из под стола, не помня, как там оказался. Но он не сразу справлялся с этим, даже несмотря на помощь своих сыновей.

Растрёпанная бывшая жена Дарина вышла в центр поля боя, чтобы своими разговорами заполнить паузу. Сначала, Эйрана попыталась как-то пошутить:

— Да, дорогие друзья! Вот это бумкнуло! Но я уверена, что вам понравилось! Не буду просить от вас аплодисментов в сторону победившей девушки. Думаю, её заслуга в этой, не побоюсь этого слова, громкой победе, минимальна. Поаплодируйте Дарину, с каждым разом этот праздник становится всё ярче и ярче!

Аплодисменты были не сильными и не долгими. Гости ещё пребывали в шоке от того, что случилось.

— Уйди на хрен! — в который раз грубо обратился Дарин к бывшей жене. — Принеси лучше выпить. Бесишь. Точно сожгу! Матильда, убери эту бестолочь отсюда.

Матильда подошла к ведущей и шепнула ей на ухо:

— Смотри, он настроен решительно. Продолжишь в том же духе, он тебя точно сожжёт. Но я не буду тебе помогать. На этот раз выкручивайся сама. Мне надоел твой жалкий вид.

Ведущая, используя рупор и продолжая источать наигранный позитив, представила публике новых соперниц, которых уже привели из-за кулис:

— Второй бой будет особенным! Впервые у нас будет участвовать... человек! Да, таковы современные реалии! Вот эта прелестная девушка с правой стороны. Снимите с неё эту маску. Не целиком. Пусть все видят её глаза!

Один из двух стражников стянул со лба Кати маску. Толпа, по крайней мере те, кто находился близко к арене событий, ахнула.

Ведущая представила вторую соперницу:

— Вторая участница наших необычных соревнований — альнелон. Ей только исполнилось восемнадцать, но её глаза уже горят жестокостью и жаждой больших побед. Главной победой в её жизни будет сердце Дарина! Для честности боя разрешаю второй девушке тоже убрать повязку с глаз. Чьи глазки в нашем чёрно-золотом мире вам больше по душе?

Публика была в восторге. Было неясно, кому зрители отдавали предпочтения, но одобрительных возгласов было очень много.

Вторая участница, блондинка с прямыми, пшеничного цвета, волосами, самостоятельно стянула со своих глаз маску и недовольно зыркнула на Катю. Та держалась достойно, не обращая внимания ни на что. Её движения были немного скованными, медленными. В голове не было никаких мыслей. Нужно было как-то выживать.

— Увы, дорогие друзья! — продолжила речь ведущая, нервно посматривая в сторону пьющего и мало закусывающего Дарина. — Человек не сможет использовать в бою цершеры. Им эта привилегия не подвластна. Чтобы хоть как-то вооружить нашу земную воительницу, ей для боя будет предоставлен нож!

— Не нож, а тесак, — сказала Гарака, вынимая из ножен своё острое оружие и вручая его в левую руку Кати.

— Матильда! — обратилась Эйрана к такой же бывшей жене Дарина. — Прошу, начинай подготовку.

Матильда, о чём-то перешёптывающаяся с Дарином, достала свой барьерный цершер, и, используя уже привычный фокус, почти не касаясь его пальцами, вынесла шар в уже увеличенном размере на импровизированную арену.

Гарака, покидая место битвы, дотронулась своей крепкой рукой до плеча Кати. Та вздрогнула.

— Ну, береги... — обратилась к ней женщина-альнелон, — ... мой тесак!

Гарака посмеялась над собственной шуткой и удалилась в сторону кулисы.

Эйрана развела участниц по сторонам, положила два ледяных цершера на землю в нескольких шагах от девушки-альнелона, а потом кивнула Матильде, отдавая сигнал о том, что можно ставить купол.

Но Матильда не стала дожидаться, пока ведущая закончит приготовления. Она уже подбросила барьерный цершер.

Блондинка выронила рупор, когда ударилась в прозрачную стенку купола — Эйрана оказалась под одним колпаком с вынужденными соперницами!

Это сильно насмешило толпу, Дарин залился таким громким смехом, что чуть не оглушил сидящего рядом Гришатре, который тоже скалился своей подлой, острозубой улыбкой.

— Бой начинается! — сказала довольная Матильда.

* * *

Сергей долго сидел около отца, вёл неторопливую беседу с говорливыми сокамерниками — Адамом и Касом. Старик почти не приходил в себя, его дыхание сопровождалось тяжёлым хрипом. Однажды его ненадолго посетило сознание, он успел разглядеть Сергея и сказать ему:

— Серёжа, брось меня, уходи.

Эти слова повлияли на мужчину. Он о многом успел передумать, находясь здесь. И вновь почувствовал себя заключённым. Но в кармане у него был ключ, ведущий прочь из этого места. Но он не решался его использовать, опасаясь, что его там ждёт засада. Однако долго находиться здесь тоже было опасно, тем более после того, что Кас рассказал про безумство Дарина.

Кас сегодня был на редкость говорлив. Говорил, просто чтобы чувствовать себя живым, чтобы делиться своей жизнью, распространяя потоки звука своего голоса. Сергей и Адам его внимательно слушали.

— Так что, я не знаю, — Кас подвёл к итогу свои мысли. — Не знаю, что с нами сделает Дарин. Он жестокий, но у него бывает разное настроение. Его даже не впечатлил найденный у меня тайник. Совсем зажрался. Короче, скорее всего, он найдёт какую-нибудь выгоду. Может, сделает рабами. Думаю, самый очевидный для вас вариант...

— Знать бы, что он сделает с Мариной, — вновь вздохнул Адам.

Кас не стал его обнадеживать:

— Тут мои прогнозы не очень хорошие. Но сейчас я ориентируюсь только на того парня, как он, кстати? Дышит?

Адам максимально близко пододвинулся к молчаливому пацану, осторожно потрогал его за руку.

— Он определённо живой, — сказал возлюбленный Меренеи, которая уже морально готовилась ко второму бою.

— Вот, — сказал Кас. — Этого парня вчера в упор расстреляли. Ночью он был даже

холодный, дышал через раз. А теперь опять сидит, медитирует. Кривенько, не так, как раньше, но сидит. И не жужжит. Я ориентируюсь на него. Если с ним всё в порядке, то и у меня не всё так плохо. Я смогу договориться за себя с Дарином...

— Когда ты сам по себе, то тебе легче, — пожаловался Адам. — А я без Марины никуда отсюда не уйду. Но я ума не приложу, как выбраться!

— А я не могу понять, — сказал Кас, — что ты забыл в этом чужом для тебя мире.

— Марина попросила помочь, — Адам вздохнул. — У неё были проблемы. Ещё она хотела вас спасти. Тебя и старика...

— Подожди, — догадался Кас. — Марина это Меренея?

— Ну, по-вашему, — кивнул Адам.

— Кто ж так спасает! — Кас поднял руки к потолку и тут же их обречённо опустил. — Но за попытку спасибо. Не знаю, правда, что ей двигало, когда она решила пойти за нами...

Адам промолчал. А Сергей вновь обратил внимание на Вириса, который дремал на стуле, расположившись ближе всех остальных стражников к бревенчатой стене темницы. На самом деле он всё время их подслушивал.

И Сергей это понимал.

Ещё один охранник сидел у выхода и тоже спал, но уже по-настоящему. Его храп был хорошо слышен даже в самом дальнем углу темницы. Остальные стражники только что покинули пост — ушли ненадолго на торжество, чтобы разжиться брагой, да и принести пленным немного воды и еды. До этого охранники долго обсуждали желание хоть немного посмотреть какой-то бой.

— А мне начальник клад доверил, — громко сказал Сергей. — Там каких-то шаров магических целая куча. Совершенно разных. Иваныч тот ещё делец, он человек, но его знают и уважают даже здесь...

— Ещё одно совпадение? — встрепнулся Кас. — Аркадий Иваныч, который начальник овощебазы? Я на него работаю! Как у него дела? Потерял, наверное, меня? Ты-то что в этом мире забыл?

— Я тут по его поручению! — сказал Сергей.

— Да ну! — удивился Кас. Каким же скрытным был Иваныч, сколько дел он вёл параллельно! — Ты тоже меня выручать пришёл?

Сергей продолжил врать:

— Нет. Говорю же, он мне поручил сундук с магическими шарами спрятать, да я его так спрятал, что никто не найдёт. А меня и сцапали эти позорные. Успел только один магический шарик с собой прихватить.

Он достал из кармана серебряный цершер, продемонстрировал его Адаму и Касу, а потом спрятал в карман.

— Слушай, — Кас поднялся на ноги. — Тогда надо уходить отсюда, только тихо и быстро, пока эти не проснулись...

— Я не уйду без Марины, — сказал Адам.

— Придётся, — сказал Кас, а потом почти над самым ухом Адама прошептал. — Вернёмся в мир людей и что-нибудь придумаем.

Адам вскочил на ноги:

— Тогда чего мы все тут сидим, плесенью покрываемся?

— Стоять, — Вирис уже стоял с ружьём у горизонтальной дыры в стене, оглядываясь в

сторону спящего сослуживца, но не став его будить.

* * *

Аркадий Иванович суетился. Денег было много, а времени, как ему казалось, мало. Он пытался эргономично распределить по сумкам и рюкзакам пачки рыжих купюр, чтобы их было удобно транспортировать, не соря деньгами в прямом смысле этого слова. Но у него это пока плохо получалось.

Ещё эта Оливия канючила, обвиняя мужчину в том, что он её обманул.

— А мы можем, — обратился он к девчонке с очередной идеей, — переместиться сейчас с этими сумками куда-нибудь в Америку? Хотя стоп, рубли надо где-то выгодно обменять. Ох, голова кругом...

— Ничего мы не можем, — обиженно сказала Оливия, наблюдая за тем, как между пыльными рамами старого окна ползает сонная муха. — У меня сил нету. И настроения...

— Для настроения нужно совсем немного усилий...

— Хватит! Я устала, — она слезла со стула и прошла мимо мужчины в сторону дивана, и, не разуваясь, улеглась на него, отвернувшись к стенке.

Иваныч недовольно вздохнул, но ничего не сказал. Он схватил несколько пачек денег и покинул дом.

Деревенская улица была пуста. Лишь на её окраине у небольшого дачного домика стояла «Волга». Мужчина направился туда.

— Сосед! — крикнул он копошившемуся в огороде мужчине, который был немного старше его. — Машину не продашь?

— Зачем тебе «Волга»? — мужчина бросил своё занятие по облагораживанию огорода и направился к невысокому забору, у которого стоял Иваныч. — Я бы тебе посоветовал присмотреться к «Калине», если ищешь что-то бюджетное...

— Мне нужна машина прямо сейчас, — Аркадий Иванович продемонстрировал деньги. — И поживее.

Сосед не сразу нашёл, что сказать. Недоверие и желание подержать в руках эти увесистые пачки одновременно томились в его сознании, пытаясь его сподвигнуть озвучить своё окончательное решение. Но пока он смог лишь сказать:

— Да на эти деньги ты себе звездолёт купить можешь...

— У тебя есть звездолёт, мужик? — спросил Иваныч.

— Нету...

— А что есть? — Иваныч был серьёзным.

— «Волга»...

— Вот её и продай!

— А как же документы и прочие юридические...

— Ключи давай! — приказал Иваныч, протягивая мужчине две пачки денег.

Мужчина не решился взять купюры, озвучив опасение:

— А вдруг они у тебя не настоящие?

— Твою мать! — выругался Иваныч, пряча деньги обратно в карман пиджака и отходя от забора. — Есть тут в этой деревне ещё кто-нибудь, у кого есть авто и кому нужны деньги?

— Ты это, погоди, — мужчина не хотел отпускать Иваныча. Как минимум, ему хотелось поговорить.

— Да пошёл ты! — Аркадий вышел на дорогу, чтобы ещё раз осмотреть улицу. Та была пуста, только вдалеке быстро приближался человеческий силуэт.

— Давай доедем до города, и я помогу тебе выбрать автомобиль, — предложил мужчина. — Я хорошо разбираюсь в машинах.

— Я вижу, — злобно саркастично сказал Иваныч, всматриваясь вдаль.

Ему очень не нравился бегущий в его сторону мужчина. Тот выглядел безумным. Его босые и нелепо болтающиеся в разные стороны при беге ноги немного пугали.

— Что скажешь на моё предложение? — спросил мужчина, который уже открыл калитку, чтобы быть ближе к собеседнику. — Ну, если тебе так приглянулась моя «Волга», то я готов оторвать её от сердца...

А Иваныч всё не мог оторвать взгляда от того безумного бегуна. Он пытался всмотреться в его лицо.

Мужчина спросил у местного дачника:

— Там по дороге ваш местный дурачок бежит?

— Эт что за чудо? — удивился мужчина. — Первый раз его вижу.

Как только худощавый мужчина добежал до Иваныча, то резко набросился на него и повалил на землю.

Иваныч даже не успел вскрикнуть, как к его шее прикоснулись длинные и цепкие пальцы Руслана, который уже не контролировал своё сознание. Им руководили инстинкты коллекционера голов, которые пока плохо уживались со слабостью человеческого тела — руки были слишком хилыми, чтобы оторвать голову своей цели.

Это расстраивало Руслана.

— Выйди ко мне? — попросил он теряющего сознание мужчину, который уже даже перестал сопротивляться, уронив свои ослабшие руки на землю.

— Я вызываю полицию! — прокричал мужчина, запирая за собой калитку, ещё веря в неприступность своего полтораметрового забора.

— Выйди ко мне? — Руслан обратился и к нему с этой же просьбой.

— Пошёл ты в баню! — послал его мужчина, в спешке шаря по карманам в поисках своего мобильного телефона, оставленного где-то в огороде.

Рядом резко остановился чёрный автомобиль. Из него выбежала молодая блондинка в спортивной одежде. Следом за ней поспешил выскочить импозантный мужчина среднего возраста, облачённый в опрятный деловой костюм.

— Руслан, остановись! — приказал Гжельский.

Эта фраза сработала на Стахова так же, как и на хорошо дрессированную собаку команда «Фу, нельзя!».

Руслан поднялся на ноги и жалобно попросил у Гжельского:

— Выйди ко мне?

— Прекрати, — сказал Олег Рубинович. — Тебе не идёт эта фраза. Я тебе велел найти Катю, а ты куда прискакал. Еле угнались...

— Товарищи, что тут происходит? — спросил мужчина из-за забора.

— Ты ничего не видел, у тебя срочные дела в городе, — Гжельский передал ему настоятельный призыв к действию, который мужчина тут же поспешил исполнить.

— Я и забыл, что мне в город нужно, — сказал мужчина, поторопившись сесть за руль своей «Волги».

— Олег Рубинович, — обратилась Лера к Гжельскому. — Как нам поможет найти Катю тот факт, что мы отыскивали начальника овощебазы?

— Видимо, — предположил Гжельский, — я дал Руслану предмет, который

принадлежал этому господину. Тот магический шар я забрал из ящика стола, когда мы были в его кабинете. На этот предмет и сориентировался Руслан. Ему нужен новый ориентир, не связанный с Катей...

— Что с этим будем делать? — Лера кивнула в сторону лежащего на земле Иваныча.

Цвет кожи его лица из красного постепенно принимал более здоровый, розоватый оттенок, но его дыхание ещё было хриплым.

— Чем ты мне можешь помочь? — спросил с использованием Силы Гжельский, тыкая носком до блеска начищенного ботинка толстый бок медленно приходящего в себя Аркадия Ивановича.

— У меня много денег, — Иваныч не знал, как конкретно ответить на этот насильственный по отношению к сознанию призыв. — У меня есть девочка, которая может путешествовать между мирами без магических шаров...

— Она опасна? — спросил Гжельский.

— Какое там! — Иваныч был уверен в своих словах. — Малолетка. В голове ни бум-бум...

— Быстро вставай и веди нас к ней, — приказал Гжельский.

Блондинка, сверкая своими синими альнелоновскими глазами над повязкой на лице, тщательно рассматривала Катю.

Брюнетка даже не могла правильно держать тесак Гараки, чтобы тот не выглядел чужеродным предметом. На руки девушки в преддверии боя натянули длинные перчатки, манжеты которых почти доходили до подмышек. Это мешало лучше осязать нож, чувствовать рефления его рукоятки.

Всё было чуждо Кате — чёрно-золотой лес, кругом странные грисы и альнелоны, неудобная и слишком откровенная одежда, больше похожая на одеяние для постельных игрищ или на униформу проститутки. И эта ужасная обувь в виде туфель с обвивающими икры до самых колен ляжками, и тонкими длинными каблуками, утопающими в мягкой земле.

Но бой, несмотря на приказ Матильды, толком так и не начинался: блондинка медленно забрала свои цершеры, потом начала делать осторожные шаги в сторону Кати, ожидая от неё каких-либо атакующих действий, но не решаясь на первый выпад. Видимо, девушка-альнелон не знала, что перед ней не такая же добровольная претендентка на сердце Дарина, а жертва стечения обстоятельств.

Катя, заметив, что её оппонентка в прямом смысле слова неуверенно стоит на ногах, поспешила увеличить дистанцию, направившись в сторону ведущей, которая до этого момента смирно стояла в сторонке. Заприметив Катю, Эйрана закричала, чтобы её услышали обе девушки:

— Не подходите ко мне! Я была на вашем месте и знаю, как размотать вас обоих по этому куполу!

На её замечание никто не ответил, лишь где-то там, за краем барьера, залился громким смехом Дарин, да скривила губы в улыбке Матильда. Ведущая это видела, поэтому не стала приближаться к их стороне, чтобы не выглядеть совсем жалко.

Тем временем соперница Кати сделала ещё несколько шагов ей навстречу и чуть в очередной раз не подвернула ногу — её длинные сапоги оказались слишком велики, чтобы уверенно чувствовать себя на арене.

А Катя добралась до дерева, за которым хотела спрятаться. Она видела бой Меренеи и думала, что растительность, попавшая в пределы купола, сможет спасти — совсем рядом валялся ствол дерева, которое пострадало в предыдущем поединке. Оно тоже выглядело хорошим укрытием. Но нельзя было прятаться вечно.

Соперница Кати устала преследовать её, то и дело спотыкаясь. Она решила действовать. Выследив путь отступления брюнетки, она бросила свой ледяной цершер, отлично выверив траекторию полёта и ударной силы.

И вот когда магический шар воспарил ввысь, его сбил защитный цершер ведущей.

— Твою мать! — заругалась Эйрана под громкое негодование толпы. — Я же говорила не бросаться этими штуками вблизи меня! Этот бросок был опасным!

— Я её точно сожгу, — прошипел Дарин.

— Продай её мне, — попросил Гришатре. — Я хорошо заплачу...

Дарин недолго думал над ответом:

— Твои монеты не принесут мне удовольствия.

Блондинка, чей удачный бросок только что пресекла ведущая, даже не повела бровью. Вполне возможно, девушка была немой или глухонемой. Но она определённо знала, что делает.

Приготовив второй цершер, она стала подбираться ближе к Кате, пройдя мимо ведущей. Та, вроде бы, даже выдохнула, когда молчаливая блондинка не обратила на неё своего внимания.

Но этот манёвр был обманным. Эффектно задрав носок сапога, одна, более молодая блондинка, ударила другую блондинку в область колена.

Толпа возликовала.

Не ожидающая такого поворота Эйрана свалилась на землю. Дерзкая блондинка схватила её за волосы и шепнула ей на ухо уверенным, но ещё немного детским голосом:

— Отдай мне все цершеры, что у тебя есть. Иначе я тебе засуну свой ледяной цершер прямо в пасть.

Ведущая суетливо бросилась к своей секретке, располагающейся у неё на поясе, и извлекла оттуда два цершера.

— Это все, — сказала она. — Они не боевые, они защитные. Цершеры-перехватчики...

Блондинка, почувствовав ауру протягиваемых ей цершеров, отпустила волосы ведущей — данные предметы были бесполезны в таком бою.

Пришлось оставить бывшую жену Дарина в покое и вернуться к своей цели, которая уже нашла убежище у поваленного дерева.

Пока блондинки разбирались между собой, Катя наткнулась в траве на боевой цершер, который остался от прошлого боя, так и не долетев до адресата в виде рыжей девушки, и до которого Мереня так и не смогла добраться из-за своего ранения. По случайности, этот предмет не сдетонировал при взрыве.

Но этот цершер в руках человека был всего лишь красивым, но бесполезным шариком. Его мутное содержимое больше напоминало грязь из лужи, а не идеальную форму заточения волшебства.

Но безысходность ситуации заставила Катю действовать: она разулась, связала шёлковыми лентами между собой обе туфли, а в носке одной из них девушка спрятала цершер.

В этот же самый момент уже достаточно близко подбравшаяся блондинка-альнелон совершила бросок...

Катя в ответ резко выбросила связку своих туфель — столкновение ледяного цершера с которыми вызвало детонацию и у боевого шарика.

После небольшого хлопка в Резервном мире пошёл снег. Пусть только в периметре защитного барьера, который со стороны стал выглядеть гигантским сувенирным шаром, который при тряске наполнялся имитацией снегопада...

Снег кружил быстро, хаотично меняя траектории своего падения. Он шёл таким плотным потоком, что дальше метра перед собой ничего не было видно.

Катя крепко сжимала большой нож в обеих руках, держа оружие перед собой. Но она ещё была немного оглушена хлопком, вызвавшим этот снегопад, поэтому не услышала, как блондинка подобралась к ней со спины — оставшись без цершеров, она сняла длинную крепкую цепь со своей шеи и накинула её на шею Кати и со всех сил принялась душить девушку...

* * *

— Ты меня обещал удивить, — сказала Оливия. — И удивил!

Этой фразой девчонка встретила вошедших в скромный дачный домик Иваныча, Гжельского, Леру и Руслана. Она успела немного вздремнуть, но уже широко раскрытыми глазами осматривала гостей.

Но основной восторг у неё вызвал Гжельский.

— Здравствуй, — поприветствовал девочку Олег Рубинович, начав по полной раскручивать силу своего гипноза. — Расскажи, пожалуйста, о себе.

— Да не чего особо рассказывать, — рыжая девочка немного засмушалась, но стало ясно, что гипноз на неё не действует. — Лучше расскажи, как ты здесь оказался, это же немыслимо!

— Извини, — немного смутился Гжельский. — Я тебя не понял. Добрался я сюда достаточно обычным образом. Приехал на машине...

— Не, — махнула рукой девчонка. — Я о том, как ты попал в этот мир. Ты же вообще не отсюда родом!

Гжельский озадачился:

— Ах, вот оно что...

— Выйди ко мне, — вмешался в разговор, одурманенный новой волной ощущений Стахов.

— Руслан, держи себя в руках, — приказал Гжельский.

— Это вот с ним зря, — сказала Оливия про Стахова, боязливо отодвинувшись от него хоть немного подальше. — Это вот нехорошо. Так он долго не протянет...

— Что ты чувствуешь? — поинтересовался Гжельский.

Он медленно опустился на скрипучий стул, располагавшийся напротив дивана, где сидела, поджав колени к подбородку, рыжая девочка.

— Беду, — поведала Оливия. — Но я её всегда чувствую в неблагоприятных мирах, как этот. Так что всё нормально. А ты не ответил на мой вопрос!

— Про то, как я сюда попал? Я не помню...

— Именно! Ты ведь не должен здесь находиться, впрочем, и как то, что сейчас засело в том несчастном мужчине...

Она показала пальцем на Стахова. Расплывчатый взгляд Руслана тут же сфокусировался на этом жесте и после того, как палец был убран, мужчина стал всматриваться в лицо рыжей девочки.

— Скажи ему, — попросила Оливия Гжельского, — чтобы он так не смотрел. Пугает.

— Стахов, — обратился Гжельский к мужчине. — Прекрати смотреть на всех нас, как на своих жертв. Сейчас же!

Руслан отвернулся и стал смотреть в окно, за которым располагалась цветущая яблоня. На её ветку села птица. Она и стала новой жертвой его гнетущего взгляда.

— Меня зовут Оливия, — представилась девчонка. — И я ищу... а, не важно уже кого. Как тебя зовут?

— Олег Рубинович Гжельский.

Оливия воскликнула:

— Ну и имя ты себе выбрал! Жуть!

Гжельский, не смутившись, поведал:

— Я мало помню из прошлой жизни. Но моего отца звали Рубин и по местным законам я ношу это отчество. Ношу с гордостью.

— Ох, — брезгливо сказала Оливия. — Было бы чем гордиться. Твоя цивилизация зашла в тупик и выжгла свою землю. Сложные времена рожают сильных. Сильные создают простые времена. Простые времена рожают слабых. И глупых. Они создают сложные времена. Но не всегда сложные времена рожают сильных. Иногда династии глупцов и слабаков продолжают. До тех пор, пока их последний род не создаст последние времена...

— Это случилось с моим миром? — хмурясь, спросил Гжельский.

— Типа того, — ответила Оливия.

— Я не верю. В моей недолгой памяти о своём мире всё цвело и развивалось...

— И всё одновременно лопнуло. Тупиковое развитие.

— Не верю.

— Не верь.

— Этот господин, — Гжельский кивнул в сторону Иваныча, который по стойке смирно стоял в углу и косился в сторону своей поклажи с деньгами. — Он сказал, что ты можешь путешествовать между мирами...

— Хочешь посмотреть одним глазом на свой мир?

— Всю жизнь, — Гжельский, смутившись, поднялся с неудобного стула. — Всю свою жизнь здесь я ищу свой мир. Ищу долго и тщательно. А тут появляешься ты и предлагаешь посмотреть мне на него одним глазом? Я хочу уйти туда навсегда!

— А что нам прикажете делать? — вмешалась до этого молчавшая Лера.

Гжельский проигнорировал её вопрос. Он обратился к Оливии с мольбой в голосе:

— Прощу. Верни меня в мой мир.

— Нам так-то нельзя этого делать, — начала выпендриваться Оливия. — Но раз уж я сегодня наделала столько всего плохого, то почему бы и нет. Только держись крепче. Сходим ненадолго в самое безопасное место твоего несчастного мира.

Оливия хлопнула в ладоши и они с Гжельским за пару секунд оказались в совершенно другом измерении...

Разбитые гигантские пласты земли, чёрные клубы дыма между трещинами пластов, ядовитый жар в пыльном воздухе и покрытое серой дымкой небо. Ни растений, ни жизни.

Гжельский схватился за горло, его глаза наполнились слезами. Ноги перестали держать мужчину и он плюхнулся на кочку подвижного пласта земли, на котором они с Оливией оказались.

— Не могу дышать, — простонал Гжельский, маленькими порциями впуская в себя отравленный воздух.

— Ещё бы! — сказала Оливия, которая, судя по её виду, чувствовала себя вполне обычно. — Мир законсервирован. Мы смогли его вернуть к нулевой точке. Но чтобы его очистить надо ещё немного времени. Пусть он пережует себя, чтобы подготовить почву для новой жизни. Большая нам работа предстоит! А этот... этот... где-то всё шляется! Я про Оливера. Он так-то хороший, но с ним случаются всякие...

Гжельский задыхался. Он попросил:

— Верни. Обрати.

— Ты больше не хочешь оставаться в родном мире?

— Верни...

Оливия равнодушно окинула кишащую энергией перерождения ещё пока безжизненную местность, после чего хлопнула в ладоши.

Гжельский, пытаясь удержать равновесие, перевернул скрипучий стул и всё таки упал

на грязный, облезлый, деревянный пол.

— Что с ним? — спросила Лера у Оливии, которая, как ни в чем не бывало, устроилась на диване.

— Всё нормально, — заверила рыжая девчонка. — Он крепкий. Скоро придёт в себя. Это вы бы там сразу погибли...

Лера склонилась над Гжельским, который повернулся на спину и часто моргал.

— Вы в порядке? — спросил девушка.

— Лера, — хрипло сказал Олег Рубинович. — Звони в лабораторию и на испытательный полигон. Пусть всё сворачивают. Пусть всех отпускают. Нет больше смысла в испытаниях. Нет больше моего мира.

Девушка поспешила исполнить приказ. Она покинула комнату, чтобы её разговорам никто не мешал. Стахов остался стоять на месте, наблюдая за жизнью за окном. Иваныч тоже «не отвечивал».

Оливия вздохнула:

— Ладно! Надоело мне здесь. Уныло тут у вас.

— Нет, — попытался остановить её тяжело дышащий Гжельский. — Это вы разрушили мой мир?

Девочка ответила с нотой обиды и грубости в голосе:

— Это вы разрушили свой мир! Мы лишь его подчистили. Доля по зачистке выпала на Оливера. Поэтому там всё пышет жаром разрушения, а не цветёт весной возрождения. У нас разные методы. Ладно, прощайте. Не повторяйте чужих ошибок. Хотя это невозможно. Чужие ошибки — это чужие ошибки.

— Подожди, — попросил Гжельский.

— Да не, — Оливия приготвилась хлопнуть в ладоши. — Надоело это ваше «подожди». Не надо ждать. Это вам надо торопиться.

Она хлопнула в ладоши и без лишних спецэффектов растворилась в воздухе.

В комнату вернулась Лера. Спросила:

— Где она?

— Ушла, — с досадой сказал Иваныч.

— Твои деньги? — давно хотела спросить и спросила Лера про набитые битком сумки и рюкзаки, сложенные в кучу в углу комнаты.

— Мои, — слукавил Иваныч.

Гжельский медленно переместился на диван. Ему ещё было тяжело дышать, но он уже вполне сносно соображал. Нужно было возвращаться в жизнь. Он велел Иванычу:

— Отвечай на вопрос честно.

— Не мои, — Иваныч под воздействием гипноза поменял свой ответ. — Если быть точным, то моих денег тут очень малая часть, миллионов десять.

— Плевать, — сказал Гжельский, неуверенным рывком поднимаясь на ноги. — Раздай эти деньги на образование нуждающимся, на развитие общественно важных проектов, на совершенствование медицины и науки. Сделай это быстро и без единого сомнения.

Он вложил всю свою Силу в эти слова.

— Понял! — Иваныч получил достаточную дозу гипноза, чтобы поспешить исполнить приказ. — Разрешите начинать?

— Давай, проваливай, — сказал Гжельский.

Лера как могла равнодушно проводила взглядом суетящегося с тяжёлыми сумками и

рюкзакками полноватого мужчину. А потом сказала:

— Его же ограбят где-нибудь. Или опять какие-нибудь блоки не дадут завершить дело...

— Плевать, — сказал Гжельский. — Лера, принеси оружие из машины.

Девушка ушла, а Олег Рубинович снял тёмно-серый галстук. Поначалу показалось, что он сделал это для того, чтобы освободить ещё сдавливающую удушьем шею, но на самом деле он совершил этот жест с другой целью. Протянув предмет личного гардероба Стахову, он спросил:

— Ты чувствуешь, кто подарил мне этот предмет?

— Катя, — сказал Руслан вполне человеческим голосом.

— Найди её, — приказал Гжельский. — Найди, но не убивай, не причиняй вреда.

Защити и верни её нам.

Стахов ничего не сказал. Лишь вернул галстук Гжельскому.

Лера быстро вернулась, за её спиной болтались два компактных автомата и подсумок с боеприпасами.

А Гжельский достал серебряный цершер и вскоре они втроем оказались на пологом холме Резервного мира.

Руслан тут же бросился в сторону леса. Лера поспешила за ним. Гжельский немногo отстал.

— Быстрее, — поторопила его девушка, которая старалась удержать во внимании Стахова. — Ваш гипноз здесь не действует. Им сейчас руководят инстинкты...

— Плевать, — в который раз повторил это слово Гжельский, всё ещё пытаясь полностью восстановить дыхание для полноценного бега.

* * *

К укрытию командира альнелонов с позывным «Вихрь» подоспел его помощник, собравший новые данные разведки.

— Есть интересные новости, — с этой фразы помощник начал свой доклад. — Рядом официальные грисы. Но их в три раза меньше, чем нас. Есть предположение, что они решили договориться с Дарином изъять у него серебряные цершеры. О наших намерениях они могут не знать. Ходят по лесу, не шифруются, разведку вперёд себя не высылают.

— Как я и предполагал, — заявил Вихрь. — У них с Дарином есть какие-то контакты. Поэтому они запретили нам здесь находиться, мы тут полулегально. Следите дальше за обстановкой, я быстро доложу обо всём в департамент и запрошу разрешение на штурм Дарина. Вместе с официальными грисами. Поймаем их на сговоре. Я быстро.

И Вихрь, не теряя ни минуты, специальными шифрующимися переходами лично отправился в департамент.

* * *

Катя чуть было не выронила нож из своих стремительно слабеющих рук. Хватка соперницы оказалась очень сильной, и было не понятно, с какой стороны за спиной она располагалась, не перехватит ли она атаку Кати, если та решится отбиться. А решаться было нужно — в глазах уже темнело, сделать даже небольшой вдох было невозможно, цепь соперницы крепко перекрывала доступ кислорода.

Брюнетка собралась с силами и ткнула наугад тесаком себе куда-то за спину.

Лезвие провалилось в пустоту, но её удар никто не перехватил. Зато цепь с шеи сорвалась и больно содрала нежную белую кожу.

Катя резко развернулась и отпрянула назад. Соперница была слишком близко, но её

цепь оказалась не достаточно крепкой. Но, находясь лицом друг перед другом, блондинка не отступила.

Почти без замаха, одним ловким движением, она попыталась ударить ногой в голову Кати, но та вовремя сделала ещё один шаг назад, и плотный каблук дорогой обуви не достал до её виска. Потом соперница совершила ещё один аналогичный выпад, но сделать хороший удар ей помешала та же обувь — опорная нога подвернулась на взмахе и девушка потеряла равновесие. Она покачнулась в сторону Кати, которая сама сделала одно неосознанное движение в её сторону.

Блондинка рухнула на землю с ножом под ребром. Она ещё несколько секунд корчилась от боли, взбивая каблуками размягшую от влажности пористую землю.

Крупные хлопья снега кружили недолго, почти столько же, сколько держалась жизнь в стройном, спортивном теле блондинки...

Снег осел тонким слоем на траву и принялся быстро таять.

Ещё быстрее растаял защитный купол, из под которого стремительно скрылась в сторону кулис ведущая, отряхиваясь от снежной влаги.

— Приветствуйте победительницу! — потребовала Матильда от сникшей толпы.

Раздались жидкие овации, почти не поддерживаемые передними рядами. Дарин сидел смурной, а Гришатре подливал ему в бокал выпивку, что-то рассказывая.

— Где мой тесак? — спросила Гарака, выскочив из-за кулисы, вместе с вооружёнными охранниками. — А, вот он. Как в масло вошёл, красота!

Женщина вытащила своё оружие из тела блондинки и бережно вытерла ветошью его лезвие. Крепкие мужские руки схватили за стройные ноги мёртвую девушку и оттащили в сторону аномалии, где, как тяжёлый мешок, выбросили её в жерло жадного жара.

Катю увели за кулису, где ведущая мероприятия нервно поправляла макияж.

Матильда, прежде чем также направиться за кулисы, сделала объявление публике:

— Маленький перерыв. Вы успеете сходить по нужде и за выпивкой. По возвращению вас ждёт финальный поединок.

— А ты молодец, — Гарака похвалила Катю, наблюдая за тем, как девушке поправляют наряд и обувают на её дрожащие от холода и страха ноги новые туфли с высокими каблуками.

Рядом на стуле сидела Мереня. Её ноги пытались лечить местные лекари, но чувствительность к её пятке так и не вернулась, что очень мешало девушке крепко держаться на ногах. И ещё она почти не наблюдала за боем и даже не посмотрела в сторону вернувшейся живой и почти невредимой Кати. Она понимала, что скоро ей придётся с ней сразиться. Они не были знакомы и не испытывали друг к другу особых чувств, но было лёгкое взаимное сочувствие.

— Возвращайся на своё место, — велела Матильда ведущей. — Хватит прятаться и вытирать сопли.

— Он убьёт меня, — сказала ведущая. — В этот раз точно убьёт. Я не хочу сегодня больше попадаться ему на глаза...

Матильда перебила её:

— Если не вернёшься, то я тебя убью. Выбирай, от кого тебе погибнуть легче.

— Хватит издеваться! — сорвалась Эйрана.

— Рот закрой, — велела Матильда. — Выполняй свою функцию. И сделай лицо попроще...

— Попалась бы ты мне на арене... — бросила злобную фразу ведущая.

— Это легко можно устроить, — спокойно сказала Матильда.

— А давай, — сказала уже почти покинувшая закулисы Эйрана. — Только биться будешь простыми цершерами, а не этими своими дорогими игрушками! С ними каждый дурак прослывёт ведьмой!

Матильда не успела ничего ответить, ведущая успела убежать на почти высохшую от снега арену.

— Ты подлая дрянь! — негативно отреагировал на её появление Дарин. — Ты не дала той девчонке победить. Она сделала хороший бросок...

— Дорогие друзья! — Эйрана не обратила внимания на его слова. — Поторопитесь занять свои места! Скоро начнётся бой альнелона и человека за звание стать новой женой Дарина!

— Великого Дарина, — поправил ведущую Гришатре.

— А после, — девушка вновь не обратила внимания и на его возглас. — После этого боя вы увидите ещё один бой. Бой по этим же вам всем известным правилам. Я буду биться против Матильды. Приятного просмотра.

Ведущая ненадолго удалилась с арены под возгласы одобрения, чтобы проверить, готовы ли к бою претендентки.

— Это что вы учудили? — спросил Дарин у Матильды, начавшей подготавливать барьерный цершер.

— Не волнуйся, — заверила его бывшая супруга. — Это будет тебе мой подарок на день рождения. Ты сам столько раз грозился её уничтожить. Жалел. Любил что ли? Позволь это сделать мне...

— Я всех вас, — сказал уже еле фокусирующий взгляд Дарин. — Всех вас... любил. Любил бы ещё. Да всё проходит. Пусть победит у вас та, которая достойна. Но замуж я вас больше не возьму, не надейтесь.

— Внимание! — ведущая выкрикнула так, что вся публика обратила на неё внимание. И никто больше не смеялся над ней. — Заканчивайте делать свои ставки. Наши воительницы готовы покорить Дарина. Или пасть навсегда мёртвым сном.

Публика взревела от предвкушения увидеть этот бой.

— Заткнулись все! — ведущая ещё не ушла с арены. — Будьте достойны этих девчонок. Они явно не хуже вас, они заслуживают искреннего восхищения. Восхищайтесь ими. Пусть победит сильнейшая! Матильда, кидай свой чёртов цершер, поменьше фокусов. И не забывай, что я не должна опять оказаться внутри барьера. Умерь свой старческий тремор в руках и кидай магический шар нормально!

Матильда ничего не ответила, но действительно не стала проделывать типичный фокус с левитацией шара над ладонями и просто разбила цершер о землю, не пытаясь забрать в окружность барьера ведущую.

— Бой начинается! — скомандовала Эйрана.

Меренея очень медленно прохромала в сторону ледяных цершеров. Взяла один в руки. Катя стояла на месте, всё также нелепо держа тремя пальцами тесак Гараки. Она ещё даже морально не отошла от предыдущего боя.

— Не надо, — попросила брюнетка.

Уложенные локоны волос Меренеи, после того, как она подняла цершер, упали ей на лицо, закрывая её взор от соперницы.

Она была близка к тому, чтобы выиграть этот чёртов бой, а потом попытаться вразумить Дарина, чтобы тот отпустил Адама. А потом?

Что делать потом она не придумала. Нужно поэтапно исполнять свой план. Сейчас на её пути была только эта девушка. Стройная, красивая. Со своей, оставленной где-то в другом измерении, жизнью.

Хорошо, что Катя не видела лица Меренеи за её роскошными прядями волос — в глазах девушки-альнелона читалось, что она всё для себя решила.

Ледяной цершер в её руке увеличился в размерах. Левая нога всё также не позволяла полноценно ступать ей по уже высохшей от снега земле.

Осталось сделать только один бросок.

Меренея сделала замах, вложив всю силу, сосредоточенность, меткость и намерение в то, что она должна совершить через одно мгновение...

Ружьё Вириса было готово выстрелить — мужчина-грис целился через щель бревенчатой стены темницы в сторону Сергея.

— Не стреляй — Сергей, будто от страха, пригнулся в полуприсяде, держа перед собой одну руку ладонью вперёд. — Я всё отдам!

— Ты про клад говорил, — напомнил Вирис. — Я спасу твою жизнь за этот клад! И Дарин тебе ничего не сделает! Я знаю, как помочь!

— Не обманешь? — спросил Сергей. — Смотри, я сейчас как кину этот шар, и ты меня больше не увидишь!

Вирис пообещал:

— Не обману, что ты!

— Мы уйдём вместе с моим отцом? — Сергей делал вид, что пытается ему довериться.

— Вместе с ним, — заверил Вирис. — Но этих пленников мы оставим здесь. Уйдём втроём, хорошо?

— Я тебе не верю, — сказал Сергей, взяв за руку отца, который даже немного приоткрыл глаза.

— Видишь, я иду тебе навстречу — сказал Вирис, отворяя дверь. — Вы все, прижались к стене!

Последнюю фразу он адресовал Адаму и Касу, направив в их сторону ружьё. Те послушно отошли к дальней стене.

— Фигня какая-то, — обиженно сказал Адам.

Вирис рявкнул на них:

— Отвернулись к стене! А ты отдай мне шарик. Возьми своего старика на руки, и на выход! Давай, не бойся.

Сергей аккуратно приподнял своего отца. Тот хоть и выглядел худым, но оказался достаточно тяжёлым. Его руки напряглись, появилась боль в спине.

— Быстрее! — Вирис занервничал.

Он стоял возле открытой двери и дёргался: то ли не решаясь помочь Сергею, то ли пытаясь удержать на мушке ружья поочерёдно всех, кто был в темнице.

— Арестанты, — обратился Сергей к Касу и Адаму. — Не держите зла. Я ухожу с отцом. Верю, вы тоже сможете решить свои проблемы.

Сергей выронил цершер и вместе с Марком Семёновичем тут же переместился на овощную базу.

Вирис громко выругался, запутался в ремне ружья, потом решил не применять оружие из-за ограничения в патронах, а кинуться к двери, будто забыв о сломанной ноге. Эта нерасторопность подвела его — Кас вовремя поймал Вириса за шкуру и хорошенько ударил гриса в район солнечного сплетения. Адам отобрал у поникшего охранника ружьё.

— Не так всё плохо, — он улыбнулся своими ровными человеческими зубами.

В ответ Кас продемонстрировал свою хищную улыбку, чем немного напугал парня. Они связали руки и ноги Вириса ремнями с его ружья и его же штанов. В рот сунули кляп из его шапки. Они бросили гриса в самом дальнем и мокром углу темницы. Тот ещё не отошёл от удара под дых и не протестовал тому, что с ним делали.

Напоследок Кас жестом пригласил с собой медитирующего парня, глаза которого

оказались открытыми в тот момент, когда они решили покинуть опустылевшее место заточения. Но парень равнодушно закрыл глаза, оставшись в той же позе.

Второй охранник так и не проснулся, Кас и Адам смогли беспрепятственно покинуть дом с темницей, врытой в расположенный поблизости холм.

* * *

Сергей и его отец оказались на овощной базе.

Их никто не встретил, мужчине даже не пришлось прикрываться стариком.

Так как Сергей был инициатором перехода, то они вернулись туда, откуда мужчина начал своё путешествие в Резервный мир. Место его работы оказалось забито трупами. Ему тяжело было тащить отца, поэтому он оставил его у стеллажей, продырявленных пулями. Общая, даже гнетущая тишина позволила ему перестать опасаться засады.

Первым делом он отыскал у одного из погибших мужчин сигареты. После он проследовал на второй этаж, предполагая обнаружить там мёртвого Иваныча, чтобы убедиться, что он теперь официально безработный.

Но на втором этаже он нашёл мёртвую Вику.

Он спустился на первый этаж, держа её на руках. Потом положил погибшую девушку на деревянный поддон, чтобы не делать этого на грязный, бетонный пол. Он мало соображал, что делает.

Потом к нему вернулось какое-то осознание, и он даже как-то отстранился от холодного трупа возлюбленной, будто испугавшись. Закурил. Увидев, что его отец начал приходить в себя, он вновь медленно поднялся наверх.

Марк Семёнович сильно закашлялся. Чёрно-жёлтая слизь большими тягучими сгустками покидала его лёгкие. Ему стало легче дышать, прошёл жар, появились какие-то силы. Опираясь на железную трубу, он с трудом поднялся на ноги, осмотрелся, не понимая, где он оказался. Вид мёртвой Вики расстроил его.

В этот момент с лестницы спустился Сергей. Он бросил прощальный взгляд в сторону своей возлюбленной и подошёл к отцу.

— Жив? — спросил Сергей.

— Жив, сын. Жив. Мне... очень жаль. Очень жаль.

— Прогуляемся ещё немного?

Мужчина помог отцу покинуть здание.

На втором этаже из открытых ящиков стола своего начальника он захватил ключи от его машины и немного наличности. До этого он проверил видеонаблюдение: система была отключена и все записи оказались удалены.

Доковыляв до близко припаркованного к зданию ангарного типа «Ленд Ровера», они разместились в машине. Сергей не сразу завёл авто, но аккуратно управляя им он смог выехать с парковки.

Средство передвижения он оставил во дворе, где цвела ароматная сирень. Протёр своей толстовкой всё, до чего прикасался. Его отец был почти обездвижен, и пришлось помогать старику выбраться из салона чужой машины, которую Сергей запер, перед тем, как окончательно оставить её в тупике тихого двора.

По пути домой Сергей зашёл в супермаркет. Купилпельменей, хлеба и четыре бутылки водки. Добравшись до квартиры, он помог отцу лечь на кровать, потом закурил на кухне, ставя кастрюлю с водой на огонь.

— Бать, тебе скорую вызвать? — спросил он.

— Нет, мне легче, — отказался Марк Семёнович. — Воды бы.

Сергей принёс стакан воды и дал ему напиться. Марк Семёнович оценил символичность момента. Ему даже ненадолго стало спокойно на душе — впервые, как сын вернулся к нему.

Потом Сергей принялся за готовку пельменей, быстро осушив половину первой бутылки водки.

* * *

— Дарин, с днём рождения, что ли! — улыбаясь, сказал высокий, крепкий мужчина, являющийся по статусу командиром приграничной части официальной территории грисов. — Как ты, жив, здоров?

Завидев официальные силы, основная часть гостей начала спешно покидать деревню — это внезапное появление не могло сулить ничего хорошего.

— Почему без подарка? — спросил Дарин, которому преградили зрелище несколько вооружённых официальных грисов.

— Разговор есть, — сказал командир с позывным «Ящер». — Поставь на паузу торжество.

— Уговорил, — сказал Дарин, после чего хлопнул в ладоши и раздал наставления. — Гришатре, свали с дивана. Дай гость присядет. Матильда, быстро убери девчонок, утомили, вялые какие-то. А ты, Ящер, садись и рассказывай, почему без предупреждения явился. И давай быстрее. Не рад я сегодня тебя видеть.

— Ты меня не торопи, — сказал Ящер, так и не присев на освободившееся место. — Мне только точно знать надо: есть ли у тебя серебряные цершеры.

Дарин улыбнулся и начал юлить:

— У меня этих цершеров куча целая. Вон, Матильда уже со счёта сбилась. Есть и серебряные, и золотые, и платиновые...

— Ты знаешь, про какие я. Те, что для людей.

— Для людей? — наигранно удивился Дарин. — Для людей есть несколько интересных шариков. Мы их просканировали на предмет опасности и знаешь, что поняли? Что шарики эти намеревалась использовать одна девушка, из официальных альнелонов с самого департамента! Как тебе такая информация? Всё хотел тебе доложить...

— Дарин, — строго сказал Ящер. — Поделился бы ты этими знаниями пораньше, мы бы что-нибудь придумали. Но совсем скоро тебя официальные альнелоны штурмовать будут. Без суда и следствия. Они не станут с тобой ни о чём разговаривать. И если у тебя эти цершеры есть, то тебе их знаешь в какую жопу засунут?

— Какую?

— У тебя их несколько? Вот после этого станет несколько. Или ты станешь одной большой жопой. Уяснил? Поэтому либо нормально, без юмора, отдаёшь мне эти чёртовы серебряные цершеры для нашей экспертизы. Либо готовься трястись перед официальными альнелонами. Мы им воспрепятствовать не будем. Выбирай. Пять секунд. И да, всех людей, что тебя тут развлекают, утилизируй. Без следов.

— Но я только... — попытался что-то возразить Дарин.

— У тебя есть три секунды, — оборвал его Ящер. — И я уйду.

— Я готов, — Дарин будто даже протрезвел. — Матильда! Где эта ведьма? Привести сюда Матильду! Вместе с серебряными цершерами. Гришатре, тащись сюда, не прячься за закуской. Задание тебе. Проводи тех гостей, которые непрошеные. Проводи на тот свет.

— Это кто? — не понял Гришатре.

— Людей! — прошипел сквозь зубы Дарин. — Утилизируй всех людей! Быстро!

Меренея так и не совершила своего броска. Увеличившийся в размерах ледяной цершер уже достаточно долго охлаждал её руки. Катя стояла неподвижно напротив девушки — идеальная мишень. Но броска так и не последовало. Меренея не решилась. Её даже обрадовало появление официальных сил, это прервало её моральную пытку.

Она опустила руку, ледяной цершер уменьшился в размерах, перейдя в неактивное состояние. Купол над девушками растворился. После этого к ним подошли несколько бойцов Дарина, отобрали у них оружие и отвели за кулису.

Они ещё не знали о поручении Дарина. Да и Гришатре медлил исполнять приказ, всё осматривая обстановку, да подслушивая разговоры вокруг.

— Дарин! — прибежал запыхавшийся Вирис, которого не так давно освободили из темницы и отправили под угрозой тумаков самостоятельно рассказать плохую новость.

— Ты ещё кто? — Дарин не понял, кто перед ним, хотя Вирис надеялся, что тот его хорошо запомнит за такой подгон в виде богатств Каса.

— Меня Вирис зовут. Я нашёл логово Каса, помнишь? Так вот. Кас сбежал и те люди тоже...

— Поймать всех! — Дарин разозлился. — Живо! Шкуру сдери!

Ящер вмешался в его суету:

— У тебя проблемы?

— Да, — сказал Дарин. — То есть, нет! Всё решаемо.

— Я ещё не вижу серебряных цершеров в своих руках. Думаю, нам пора уходить...

— Подожди, — взмолился Дарин. — Вон, Матильда идёт. Матильда, ты принесла все серебряные цершеры?

— Да, — женщина положила на стол деревянный ящик. — Тут все.

— Смотри у меня! — пригрозил Дарин.

Командир официальных альнелонов открыл ящик. Подержал в руке один цершер.

— Немыслимо, — сказал он, бросая обратно в ящик магический шар. — Это не мог создать ни грис, ни альнелон. Святые Безликие. Что же теперь будет. Короче, Дарин. Тебе придётся прогуляться в наше управление для показаний. Надо зафиксировать это дело. Тебе ничего не будет...

— Нет, мы так не договаривались! — запротестовал Дарин.

— Да послушай ты! — сказал Ящер. — Я тебя хоть когда-нибудь обманывал?

— А я вернусь до вечера?

— Ты мне ещё условия ставить будешь? — Ящер разозлился. — Это тебе даже пойдёт на пользу. У нас будет запущен процесс против официальных альнелонов, если подтвердится намерение той девушки из их департамента, про которую ты говорил. Если ты не врёшь...

— Ты! — Дарин выпучил глаза. — А я тебя обманывал что ли?!

Ящер разозлился ещё сильнее:

— Ты достал выпендриваться!

— Это ты выпендриваешься! — парировал Дарин. — Выпендриваешься на моей территории!

* * *

В это время Адам и Кас, вооружённый ружьём Вириса, очень медленно и осторожно обходили стороной единственную улицу деревни Дарина, и, наконец, добрались до его сада. Оттуда толпами сваливал народ: на своих двоих или с помощью телепортации. Деревня

стала полупустой достаточно быстро.

Адам, наблюдавший за бегством гостей, спросил у Каса:

— Они могли увезти отсюда Марину?

— Не знаю, — ответил Кас. — Мне бы самому свалить. Чтобы в нормальной обстановке собраться с силами. Надо искать телепортационный цершер...

— На это нет времени, — сказал Адам. — Надо искать Марину. Мы можем разделиться...

— Чтобы потом не найтись?

— Да, точно. Я просто не знаю, что делать!

— Можно наблюдать...

Результат наблюдений появился почти сразу же: Кас очень удивился, когда увидел Вируса, который, найдя где-то большую палку, упорно ковылял в сторону глухого леса.

— Вот и наш старый приятель, — сказал Кас.

Они быстро догнали хромого гриса.

— Опять ты! — заверещал поваленный на землю мужчина. — Кас, что тебе ещё нужно?! Ты уже должен быть далеко отсюда...

Кас, понимая, что ответ будет отрицательным, всё равно спросил:

— У тебя есть цершер?

— Откуда?! — Вирус удивил этот вопрос. — Если бы был, я бы не ковылял бы в этом лесу в сторону... да в любую сторону, куда глаза глядят! К чёрту всё! Я увольняюсь...

— Ты не видел Марину? — спросил Адам. — Блондинка, длинные волосы...

— Вон там, — Вирус показал в сторону недавно прекратившегося торжества. — Там была какая-то блондинка. Там много кого и чего было. Пока не пришёл Ящер...

— Тот самый Ящер? — Кас был немного наслышан об этом официальном грисе.

— Отстаньте от меня! — завопил Вирус. — От вас только одни проблемы!

И почти в этот же самый момент в деревне прогремело несколько взрывов, потом застрекотали автоматы — командир альнелонов с позывным «Вихрь» повёл своё войско в атаку.

Они рискнули штурмовать деревню, получив приказ обличить заговор между официальными грисами и Дарином. Они должны были зафиксировать это событие с помощью редких и крайне дорогих цершеров, способных впитывать определённый хронометраж событий, произошедших на локации, в которой их использовали.

Но официальные грисы не пошли на контакт с Вихрем и случилось открытое боевое столкновение.

* * *

— Па, а давай свалим? — предложил младший из сыновей Гришатре.

— Нет, — дал твёрдый ответ Гришатре. — Ящер и Дарин дали мне поручение, а я должен свалить?

— А мы всех людей должны утилизировать? — спросил старший сын Гришатре.

— Не думаю, — ответил Гришатре. — Будет достаточно только той девчонки. Что я остальных по всему Резервному миру искать что ли должен? Откуда мне знать, куда они свалили?

В это время за кулисой Эйрана поправляла причёску, взвалив себе на колени чемоданчик со всякими женскими приспособлениями, мило именуемый ею «косметичкой». Девушка была полностью сосредоточена и думала о предстоящем бое с Матильдой.

Казалось, её совсем не заботили ни раздавшиеся автоматные очереди, ни взрывы боевых цершеров, ни забегавшие в панике официальные грисы и бойцы Дарина.

Рядом с ней, понутив взгляд, на деревянной скамье сидели недавние соперницы: Мереня и Катя. Первая думала о том, что официальные грисы могли придти по запросу её руководства и скоро девушку должны будут выдать для свершения правосудия департаментом, в пожизненном подчинении которому она и находилась. Но звуки начавшегося боя вызвали у неё некоторые сомнения по поводу происходящего. Катя просто ждала своей участи. Она сильно устала и уже равнодушно воспринимала все происходящие события.

Совсем рядом разорвался боевой цершер средней мощности. Это вывело Эйрану из состояния внутреннего сосредоточения. Она выглянула за кулису, легонько растолкав двух охранников, нервно переминающихся с ноги на ногу, ещё пока не понимая, что происходит.

Эйрана равнодушно оценила оборонительные редуты официальных грисов и попытку осуществить наступательные действия официальных альнелонов. Это её не впечатлило, и она вернулась к девчонкам.

— Не нравится это мне, — сказала Гарака. — Уходить надо. Пусть официальные сами разбираются...

— Что они тут забыли? — спросила Эйрана.

— Наверное, из-за людей, — Гарака покосила взгляд в сторону Кати.

Эйрана обратилась к Меренее и Кате:

— Девчонки, вы тут действительно против своей воли? И даже не мечтали о том, чтобы выйти замуж за Дарина?

Мереня ответила первой:

— Как об этом можно мечтать? У нас не было адекватного выбора. Ещё у Дарина в плену мой парень...

Катя тоже дала свой ответ:

— Нас угрожали убить, если мы не согласимся на бой.

— Плохо, — без сочувствия в голосе сказала Эйрана. — А мечтать об этом можно, когда тебе нет и двадцати лет, а ты родилась и живёшь в таком беспросветном гадюшнике, где сохранить достоинство и нормальную психику к этому возрасту уже невозможно.

Она быстрыми и хваткими движениями достала несколько цершеров из своего чемоданчика и спрятала их в подсумок для более удобного доступа. Пару шариков она оставила в ладони.

Гарака тоже попыталась что-то объяснить:

— Быть женой Дарина очень большая честь. Это из грязи в князи. Дарин...

— Чёртов самодур, — сквозь зубы сказала Эйрана. — Пусть пропадёт пропадом.

К кулисе подошли Гришатре с сыновьями. В этот момент всех обдало тёплой волной воздуха.

— Чёрт! — заругалась Гарака. — Похоже, альнелоны применили антителипортационный цершер. Такую силищу использовали, во дают! Значит, они тут всерьёз решили наследить. Никто теперь отсюда не телепортируется несколько часов. Эх, беда — начало горя!

— Всем привет! — зачем-то поздоровался Гришатре. Его немного смутила близость нахождения с тремя красивыми девушками в откровенных нарядах. — Дарин повелевал утилизировать человека. Так что извольте расступиться. Мы аккуратны. Можете помочь

отвести её к аномалии...

Двое охранников находились ближе к девушке, поэтому тут же ринулись к Кате, чтобы угодить влиятельному грису. Один успел с силой поднять брюнетку со скамейки, а второго оттолкнула в сторону резко вскочившая с места Мереня.

— Нет! — злобно крикнула она.

— Э! — только таким возгласом успел отреагировать охранник, которому, чтобы не свалиться от толчка девушки, пришлось сделать несколько шагов в сторону. На координации движений также сказалась выпитая до этого брага.

Но один из шагов оказался для него роковым — он попал в объятия аномалии. Его одежду охватили языки пламени, и он закричал от боли и удивления: данная аномалия, по своему обыкновению, должна была находиться метрах в пятнадцати от этого места, но сейчас полоса неиссякаемой разрушительной энергии оказалась значительно ближе тех границ, которые она многие десятилетия соблюдала.

Несколько мгновений хватило на то, чтобы мужчина упал замертво, быстро доедаемый огнём аномалии.

Это зрелище ввело всех в недолгий ступор. Первым пришёл в себя напарник погибшего. Он с силой бросил не сопротивляющуюся Катю обратно на скамью, потом грязно обозвал Мереню и кинулся на неё. Он схватил её за руку, но перед ним предстала Эйрана.

— Пошёл ты к чёрту! — сказала она ему и вступилась за девушку.

Катя тоже попыталась отбить бывшую соперницу у охранника, вцепившись тому своим маникюром в глаза.

Возникла недолгая потасовка.

Гришатре с сыновьями не вмешивались, обстановка вокруг была максимально некомфортной. Но вмешаться было необходимо — трое девушек оттолкнули охранника в сторону, и когда он достал пистолет Эйрана просто расщепила его в горстку праха своим боевым цершером.

К кулисе подоспело ещё несколько охранников, но и их Эйрана послала к чёрту, бросив им навстречу ещё один боевой цершер.

— Есть ещё? — спросила Мереня у Эйраны.

Бывшая жена Дарина кивнула в сторону своего раскрытого чемоданчика и Мереня смогла извлечь оттуда несколько ледяных цершеров. И ей сразу пришлось их применить: двумя меткими бросками она расправилась с двумя охранниками, разбив их ледяные обездвиженные силуэты, не дав им использовать собственное оружие.

Рядом с ней оказалась Катя, которая совсем недавно была готова распрощаться с жизнью, чувствуя решимость Меренеи таким же образом её заморозить и уничтожить.

Подоспело ещё несколько бойцов Дарина. Мереня уже вовсю пыталась отбиваться от сыновей Гришатре, но у тех было много защитных цершеров и они стойко переносили точные и резкие броски девушки.

— Хватит, — сказала Эйрана, передав пару магических боевых шаров Меренее. — Хватит. Мне это всё надоело. Этот чёртов Дарин. Пусть подавится своими играми. Сколько раз он мне клялся в любви, а сколько раз хотел убить, как некоторых остальных своих жён. Пришло время расплаты. Он за всё заплатит. И эта чёртова Матильда!

Эйрана метко распорядилась своим оружием, заставив приспешников Дарина отступить. А Гарака помогла Меренее отбить наступление со стороны Гришатре, сильно ранив одного из его сыновей.

Эйрана спросила у Гараки:

— Ты-то чего лезешь? У тебя какие счёты? Валила бы отсюда...

— А я просто, — шмыгнула носом Гарака, радуясь локальной победе над семейством Гришатре. — Я просто чувствую, что власть меняется. Гришатре давно нас заставил уйти с рынка. Пусть теперь вспомнит про мой род. Раз пришло ко всем время расплаты...

Эйрана улыбнулась:

— Тогда держи свой фланг. Мы отобьёмся и уйдём отсюда с победой!

— Фланг держу, — Гарака была готова вступить в бой. — Вы с другой стороны не оплошайте.

Матильда не стала дожидаться, пока нерасторопное семейство грисов примется исполнять приказ. Она взяла с собой несколько подчинённых, и, оставив Дарина в одиночку прятаться под мощным защитным куполом, отправилась к кулисе.

Семейство Гришатре отступило. Но с их стороны подошла Матильда. Она обратилась к Эйране:

— Эй, чумоглазая! Ты хотела дуэль, так давай, выходи!

Эйрана ответила:

— А ты зайди за кулису. Я тебя встречу. У меня хоть и слабее цершеры, но сильнее дух!

Матильда усмехнулась:

— Вот сейчас мы его из тебя и вышибем!

* * *

— Смотри, — обратился Кас к Адаму. — У нас с тобой с одним ружья шансов мало. Вон официальные альнелоны пошли в разведку. Если грамотно грабанём их, то получим нормальное вооружение. У них автоматы и сумки с разными прикольными цершерами. Ты готов?

— Готов, — ответил Адам.

Отпустив подальше Вириса и сидя за большим корнем старого дерева, они наблюдали, как двое альнелонов пытаются незаметно зайти с фланга в сад. У Каса было только старое ружьё Вириса — за ним хорошо ухаживали, но его однозарядность не давала преимущества перед более автоматизированным оружием.

— Действуем! — решительно сказал Кас и быстро выбрался из укрытия.

Пригнувшись на уровне кустарника, он посеменов к альнелонам, чтобы нагнать их с тыла. Адам подкрадывался к ним со стороны.

Официальные жители Резервного мира в лице двух представителей силового ведомства департамента альнелонов не заметили этих манёвров. Туда, куда они спешили и так было много шумных событий. Кас сумел подобраться к ним достаточно близко. Но альнелоны смогли его обнаружить, когда он оказался прямо за их спинами.

— Стой! — выкрикнул Кас. — Я вас всех сейчас так застрелю!

Эффект неожиданности сыграл свою роль, альнелоны оцепенели на несколько мгновений. Этого хватило, чтобы вовремя подоспевший Адам смог свалить с ног одного из них. Второй вскинул оружие, готовясь стрелять, но Кас был готов лучше. Его выстрел был точным.

Подоспев к борьбе Адама и альнелона, Кас вырубил последнего прикладом.

— Я почти его сделал! — воскликнул Адам, у него было превосходство в мышечной массе, но не в бою.

Кас не стал тратить времени на разговоры. Он осмотрел бойцов, забрал всё оружие и все

цершеры. В том числе в его руках оказались цершеры-телепорты.

Но из раздумий о том, в какой локации ему сейчас хотелось бы оказаться, его вывел вопрос Адама:

— Друг, что дальше?

Кас протянул ему автомат. Но ответил честно:

— Я бы хотел уйти отсюда. Это максимум, что я мог сделать. И так пришлось пойти на преступление...

— Как так? — Адам опешил от такого заявления. — Мереня хотела тебя спасти. Теперь мы должны спасти её!

— Должны, блин, — легче, чем хотел, выругался Кас, всё ещё находясь в мыслях в тех местах, где он сможет отдохнуть от этой истории.

— Ты не должен так поступить, — Адам жалостливо посмотрел в его кошачьи глаза.

Но не увидел в них той решительности, которая была у него.

— Извини, — сказал Кас, применив для себя телепортационный цершер.

Он успел ровно до того мгновения, как официальные альнелоны применили антителипортационный магический шар, который мог бы воспрепятствовать его перемещению.

* * *

Сергей слишком долго варил пельмени. Он их не перемешивал, находясь в состоянии некоторого ступора. Поэтому он пил водку большими хлебками. Когда немного отошёл от апатии, то принёс горячее месиво и ещё один стакан воды отцу.

Семечкин Сергей уже был изрядно пьян.

— Бать, — обратился он к родителю, который лежал на кровати и жадно глотал относительно чистый воздух мира людей, наполняя своё тело силой и жизнью.

— Серёжа, спасибо тебе, — сказал Марк Семечкин.

— Бать, не надо этого всего...

— Мне очень жаль Викторию...

— Я те говорю: не-на-до.

Сергей уселся на стул перед кроватью отца.

— Я должен тебе...

— Чё ты должен? — грубо спросил Сергей. — Ты мне жизнь дал? Дал. Я тебе её вернул? Вернул. Один-один. Квиты. Я хотел тебя там оставить. Да не люблю быть в долгах. Сколько ты ещё протянешь?

Марк Семёнович часто задышал, обеспокоившись таким тоном:

— Я... не знаю...

— А что ты знаешь о жизни, вообще? — Сергей уже не контролировал себя. — И чё ты знал? Как детей воспитывать? Как жить ровным человеком? Знал ли? Я у тебя спрашиваю!

— Не понимаю, — ответил Марк, посмотрев на сына.

Этого он боялся долго, но только сейчас увидел причину страха в красных глазах своего сына.

— Надо понимать, — Сергей взял рукой из тарелки жижу, которая была пельменями, пожевал её немного и выплюнул обратно, попав и в стакан с водой, стоявший рядом с тарелкой на тумбочке.

Марк Семёнович попросил прощения:

— Прости, сын.

— Пошёл ты, — брызжа слюной, сказал Сергей. — Ты от меня отрёкся. Не отвечал на письма. Думаешь, я не замечу этого твоего... пренебрежения? А я человек. Человеком был, человеком и останусь. Я не трону тебя, не бойся. И ты меня не трогай. Не сдавай меня, если за мной придут. Ты понял меня? Все бывают не в себе. Надо держать себя в руках. Я был только раз в жизни не в себе. Ты знаешь, когда. А ты... ты был не в себе значительно дольше, раз забыл про меня, раз наплевал на меня. Ты дольше был не в себе, чем я. Каждый по-своему бывает не в себе...

Сергей задумался. На его нижней губе повисла слюна.

— Прости, — вновь попросил прощения Марк Семёнович.

— Я тебя не трону, — сказал Сергей и закурил. — И ты меня не сдавай. Если за мной придут. В тюрьму я не вернусь! Заживём, бать!

Сергей, шатаясь, поднялся со стула, роняя на пол пепел с сигареты.

— Не сдам, — тихо сказал Марк Семёнович.

— Не слышу, — обернулся Сергей, готовясь правильно вписаться в габариты дверного косяка.

— Не сдам, — чуть громче повторил старик.

Сергей кивнул, уронив ещё одну порцию пепла с сигареты. Он, резко меняя траектории движения и громко ступая босиком по полу, удалился на кухню.

А Марк Семёнович достал из-за пазухи осколок синего камня, что когда-то вручила ему озорная девчонка Оливия. Он хотел достать этот предмет ещё находясь в Резервном мире, но у него совсем не было сил.

Теперь жизнь вернулась к нему, сил стало значительно больше. И он сжал этот осколок в руке, думая об Оливии и о том парне, что остался сидеть неподвижно в позе лотоса в мрачной темнице, с дырами в груди от выстрелов.

В шкафу кто-то гулко ударился об стенку. Поронял одежду с вешалок, а потом выбрался наружу. Это была Оливия.

— О, дед, — сказала она. — Ты что, помирать собрался?

— Девочка, — обратился к ней Марк Семёнович. — Я видел твоего Оливера. Он держится, но ему плохо. Мне не понять, отчего ему так плохо...

— Да, — Оливия махнула рукой. — Он любит хандрить. Не ожидала, что он будет там... там, где ты его встретил. За информацию большое спасибо.

Она сразу уловила чёткий след своего напарника, как только увидела старика с камнем в руке.

Марк Семёнович попросил:

— Забери меня с собой...

— Не, — сказала Оливия. — Что там с тобой делать? Я хоть и старше тебя, но дорога вперёд доступна только молодым духом и силой. Так что извини. Живи, доживай. И спасибо, а то я уже совсем потеряла след Оливера...

— Прощу, — прошептал Марк Семёнович. Его глаза увлажнились слезами.

— Не надо просить, — сказала Оливия, будто готовясь вновь вернуться в шкаф. — И верить не надо. И бояться необязательно. Хочешь, могу подарить ещё немного минут существования? На большее нет времени, извини. Надо торопиться, там миры уже сыпятся без нас...

— Не хочу, — ответил пожилой мужчина.

Она кивнула, улыбнулась, хлопнула в ладоши и растворилась в воздухе, оставив не

убранным бардак во вместилище одежды.

— Бать, — вернулся в комнату Сергей. — Это ты так пищал сейчас? Как девчонка? Ты бросай, таких не любят. Тех, кто пищит.

Марк Семёнович отвернулся к стене. Он плакал. Таких не любят.

— Эйрана, — вновь позвала Матильда. — Ты боишься что ли?

Она с улыбкой наблюдала за тем, как вокруг кулисы, где скрывались Меренея, Катя, Гарака и Эйрана, собираются бойцы Дарина. Отступить было некуда — позади них горело ядовитое зарево, приблизиться к которому было смертельно опасным.

В принципе, всё можно было решить одним броском мощного боевого цершера.

— А ты? — отозвалась Эйрана. — Ты боишься?

Матильда перестала улыбаться. Её голос стал твёрже:

— Ты первая позвала меня на дуэль, а сама и носа не высунешь.

Эйрана нашла, что ответить:

— Я не верю в твою честность. Если бы мы были на арене...

— Так что нам мешает?

Грянули новые взрывы боевых цершеров, с удвоенной силой застрекотали автоматы. Официальные силы альнелонов и грисов сошлись в новой схватке. У последних оказалась более удобная дислокация, поэтому они смогли успешно сдержать натиск — началась позиционная борьба с открытыми эпизодическими стычками. У каждой стороны были свои преимущества, но ни Вихрь, ни Ящер не торопились использовать свои козыри, выжидая друг от друга решительных действий и надеясь на ошибку оппонента.

Бойцы Дарина не вступали в схватку. Те, кто остался ему верен, возвели собственные редуты вокруг своего хозяина. А тот сидел пьяный под защитным барьером, усугубляя своё состояние новыми порциями пойла, которые он жадно в себя заливал из горлышка литровой бутылки. Матильда заверила его, что над ним самый мощный барьер, который только был у неё в арсенале. Также под его укрытие уместились удобное кресло и большая тарелка с закуской. Поэтому он чувствовал себя просто наблюдателем. Просто пьяным мужиком, смотрящим своеобразный телевизор.

* * *

— Здравствуй, милый Оливер! — сказала Оливия, зайдя в темницу.

Она не стала бросаться ему на шею, обнимать до удушья и тыкаться своим носом в его щёку. У неё был растерянный и даже подавленный вид, и на это было много причин.

— Здравствуй, Оливия, — Оливер открыл глаза, но не сменил позу.

Его взгляд отображал привычную грусть.

— Я наделала ошибок, — сказала Оливия. — И ты тоже. Что ты с собой наделал бедный Оливер!

— Твои ошибки серьёзнее моих, — сказал парень. — Когда мы вместе Безликим слишком легко нас найти.

— Что поделать, — вздохнула Оливия. — Такова наша судьба. Я обещаю не прикасаться к тебе. Видишь, я стою в стороне...

— Этого не достаточно, глупая Оливия, — Оливер не мог быть с ней грубее. — Я не хочу такой судьбы.

— Сам ты... дурак! — а она могла. Но тоже держала себя в определённых рамках. — Дурак! Нельзя постоянно бегать! Если мы ради чего-то существуем, то должны быть верны своему делу до конца...

Оливер, казалось, не собирался никуда уходить со своего места.

— Ты не видишь обратной стороны моей роли. Но сегодня я попрошу, чтобы ты была рядом со мной...

— Я много думала и я готова быть рядом даже в такие моменты. Но откуда ты знаешь про «сегодня»?

— Ты тоже это знаешь, не обманывай себя... и я не верю, что сегодня будет твой жребий.

* * *

Использование телепортационных цершеров требовало тщательности освобождения разума от посторонних мыслей, чтобы намерение оказаться в требуемом месте не нарушилось лишними образами, мешающими полноценному прыжку сквозь пространство и расстояние.

Проще говоря, Кас не смог переместиться туда, куда хотел. Нет, причиной стало не применение официальными альнелонами антителипортационного цершера, а его совесть, его переживания по поводу того, как легко пустились в авантюру Меренея со своим здоровьем, просто чтобы спасти его и того пенсионера, имени которого Кас уже и не помнил. Конечно, у Меренеи были и другие цели, но мужчина поверил, что девушка с парнем могли придти и за ним.

Его прыжок оказался буквально в половину километра от того места, где он оставил Адама. Несколько секунд Кас просто стоял и собирался с силами.

Потом он побежал обратно. Побежал, чтобы устать, передумать, испугаться — но даже ощущение волны антителипортационного цершера не дало ему свернуть с пути.

Он добрался до деревни Дарина с обратной стороны аномального зарева. Оттуда войти в селение ему показалось безопаснее всего.

И он успел заметить, что зарево аномалии разрослось и стало мощнее.

* * *

Отсидеваясь по укрытиям, Адам, наконец-таки, не выдержал. Он отбросил автомат в сторону и встал в полный рост.

— Где Марина? — спросил он у застывших в ближайшей засаде официальных грисов. — Мне ваши дела на хрен не нужны. Мне нужна Марина. Ну, по-вашему Меренея Вы видели её?

Точечная перестрелка у правого фланга прекратилась. Казалось, Адам на это и рассчитывал. На самом деле, он не особо понимал, что происходит. Этот мир до последнего казался ему игрушечным. Будто оружие альнелонов и грисов, такое же, как и у людей, но создано только для того, чтобы просто издавать шум, а своими магическими шарами они просто обменивались, чтобы выяснить, у кого круче от них получается фейерверк, разбавляющий этот чёрно-жёлтый, малоэмоциональный пейзаж.

В своём вопрошении к окружению, Адам почти вышел в середину центральной улицы деревни.

В него целились, но не стреляли.

— Мне нужна Марина! — крикнул он. — Скажите, пожалуйста, где мне её искать?

— Уйди, идиот! — крикнул ему кто-то.

Его даже припугнули выстрелами.

Он развернулся и пошёл дальше, стараясь не оглядываться. Через некоторое время перестрелка возобновилась.

* * *

Лера долго гналась за Русланом Стаховым, благо тот хоть и двигался быстрее неё, но не забирался в непролазные дали, а держал путь прямо по дороге. Гжельский давно отстал, но, чтобы не потерять связь друг с другом, они посылали в небо сигналы компактными ракетницами.

И вот настал тот момент, когда Лере пришлось подать сигнал другого цвета. И она выпустила в светло-золотистые небеса ярко жёлтую ракету, обозначающую, что она потеряла Руслана.

Впереди, в низине, всё также уходила в сторону леса двухполосная тропинка, но на ней уже не было силуэта худого мужчины, одетого в джинсы и белую майку. Он мог свернуть в лесополосу или притаиться в высокой траве поля, но так или иначе, Лера не смогла найти его след, хотя совсем недавно он был на виду.

Лера увидела в небе ракету, обозначающую, что Гжельский принял во внимание поступившую от девушки информацию и у него всё в порядке. Но, судя по расстоянию, ему ещё не хватало минут пятнадцать быстрого шага, чтобы нагнать Леру.

Девушка сбавила темп и продолжила путь по дороге, оглядываясь по сторонам. Вскоре её внимание привлекло какое-то копошение в кустах лесополосы. Ей показалось, что она увидела уже знакомую белую майку Стахова.

Сняв с плеча автомат, она поспешила подтвердить или опровергнуть свои догадки, но в кустах никого уже не было, как и за ними, а также и за ближайшим деревом.

Девушка немного утомилась от этой беготни и прислонилась к стволу дерева, чтобы перевести дух. Как только она опустила ствол автомата, где-то совсем рядом за своей спиной она услышала голос:

— Выйди ко мне?

Ей вновь пришлось приготовить автомат, чтобы в случае чего суметь отбиться. Но это же был Руслан — безобидный и спокойный мужчина, который всегда относился с уважением к окружению и никогда не раздражал пустыми разговорами и лишними вопросами. Который всегда был готов хоть чем-нибудь помочь и положительно влиял на атмосферу в коллективе пансионата.

Но теперь это был не тот Руслан. Хоть Гжельский и уверял, что Стахов добровольно согласился на этот эксперимент, но кто знал — может ли Олег Рубинович отличить собственную просьбу от гипнотического приказа?

Да, обычно таких мыслей у Леры не было, но в этом мире она начала сомневаться. Сомневаться в себе, в своём покровителе, в необходимости продолжения работы на Гжельского...

— Выйди ко мне?

Голос был совсем близко. Прямо за стволом дерева. Необходимо только правильно выбрать сторону, в которую следовало бы обернуться. А бежать было не в её правилах, тем более это хоть и «сдвинутый», но Руслан...

Она резко отпрыгнула в сторону, и, огибая дерево, сделала резкое движение вправо.

Стахов настиг её с левой стороны. Он буквально набросился на неё и сбил с ног. Цепкими, худыми пальцами он стал сдавливать её шею. Но девушка не сдавалась, пытаясь отодвинуть его безумное лицо от себя подальше с помощью автомата. Применить его по назначению в такой тесноте объятий не было возможности.

Мужчина не сдавался, применяя не только свою силу, но и возможности того чудовища, что постепенно оживало в нём, стирая личность Руслана.

Но девушка смогла отбиться и даже успела сделать небольшой замах и треснуть мужчину прикладом по челюсти. Сделав небольшой кувырок, Лера попыталась встать на ноги, но Стахов вновь ловко набросился на неё и сделал удушающий приём — шея девушки оказалась у него в области подмышки.

Задыхаясь, она успела сказать:

— Катя ждёт тебя...

Показалось, что Руслан немного ослабил хватку, но не отпустил.

Лера вновь напомнила о его цели:

— Ты нужен Кате, не трать время!

— Выйди ко мне? — попросил Руслан.

Лера, собравшись с силами, крикнула:

— Не стреляй!

Эта фраза была адресована Гжельскому, который неизвестно как смог быстро преодолеть большое расстояние и даже почти не запыхался. Впрочем, человеком он выглядел только визуально, у него было много разных нечеловеческих способностей.

Олег Рубинович послушался, но не опустил оружие. Он был достаточно близко, чтобы не промахнуться и снести голову Руслану.

— Без тебя Катя погибнет, — Лера вновь сообщила важную информацию Руслану.

Но тот не отпустил, хоть и снова ослабил хватку. Не помогла даже аналогичная фраза от Гжельского.

Тогда Лера решила, что сможет сделать резкий рывок, применить захват и перебросить мужчину через плечо. И у неё это получилось, но Стахов быстро поднялся на ноги.

— Ищи Катю! — крикнула на него Лера.

Мужчина несколько мгновений разглядывал девушку, после чего развернулся и побежал на дорогу, после чего продолжил путь.

— Это уже не Руслан, — сказала Лера Олегу Рубиновичу.

Вскоре они вместе проследовали за ним.

* * *

Меренея, Гарака и Эйрана отбили попытку взять их закусисье штурмом, но никто из нападавших не пострадал — их защитная стратегия позволила избежать потерь.

— Как жаль, что я ничем не могу помочь! — сказала Катя.

Её уже покинуло упадническое настроение, она оценила, как её соратницы успешно отбивались от превосходящей по численности силы.

— Ничего, ещё пригодишься! — сказала Меренея, испытывая некоторый азарт.

Рядом всё также шла позиционная борьба между официальными силами альнелонов и грисов. Последних даже понемногу начали вытеснять с позиций.

Матильда вновь обратилась к Эйране:

— Может, всё-таки, выйдешь для честного боя?

Эйрана ответила:

— Я не верю, что в таких условиях бой может быть честным!

— Что ж, ты сделала выбор, — Матильде надоело тратить время.

Она медленно и бережно перебирала коллекцию магических шаров в своей сумке, размышляя над тем, как ей будет интереснее разрешить эти проблемы.

— Матильда! — позвала женщину Эйрана, выглянувшая ненадолго из закулисья. — Если ты готова на честный бой, то зайди сюда. Я даю тебе слово, что мы тебя не тронем. Мы

будем биться вдвоём.

— Я уже приняла решение, — сообщила Матильда, достав мощный боевой цершер из сумки. — Гарака, я обращаюсь к тебе. Я хочу знать, почему ты захотела предать меня.

— Я не предавала! — отозвалась Гарака. — У меня личные счёты с Гришатре!

Гришатре, услышав это, воскликнул:

— Ты ответишь за ранение моего сына! Я обещаю тебе!

Он уже применил кровоостанавливающий и обезболивающий цершер по отношению к своему сыну и тот уже смог придти в себя.

— Гарака! — вновь призвала Матильда. — Если ты считаешь, что не предавала меня, то убей Эйрану.

Гарака, и так уже пожалевшая, что встала на сторону меньшинства, обернулась к Эйране. Блондинка встретила её взгляд добродушной, но не уверенной улыбкой.

Женщина-альнелон быстро приняла решение. Уже спустя мгновение она применила против Эйраны ледяной цершер...

Эйрана не ожидала этого и не сумела перебить удар с близкой дистанции. Шар попал ей прямо в голову. Девушка упала. Верхняя часть её туловища рассыпалась на осколки.

Опасаясь Меренеи, Гарака быстро покинула укрытие, выйдя навстречу Матильде.

— Дело сделано! — доложила Гарака. — Я на вашей стороне!

Она улыбалась. Но её улыбка не выражала удовольствие. Возможно, она только что сделала преступление против своей совести, а может и не зря послушала своё чутьё — в руках Матильды уже был мощный боевой цершер, обладающий внушительным радиусом поражения.

Матильда ничего не ответила Гараке. Она отвернулась от неё, сосредоточившись на броске...

В этот же момент Гараку испепелил цершер Гришатре.

— Я обещал, что ты ответишь! — злобно сказал толстый грис.

В этот момент Матильда выверила траекторию броска и выпустила из руки магический шар.

Но его взрыв случился раньше, чем предполагала женщина-грис — её бросок прервал точный перехват Каса. Мужчина смог быстро сориентироваться, оказавшись близко к эпицентру событий. Группу бойцов Дарина, а также Матильду и Гришатре с сыновьями посеколо осколками. Но для некоторых, из этой компании, стала роковой автоматная очередь Каса. Успех он подкрепил несколькими бросками боевых цершеров.

— Гришатре, получай! — Кас вложил всю злость в свой последний бросок, но тот лишь добил его и так раненого сына. Гришатре взвыл от злости.

Кас применил защитный и маскировочный цершер, чтобы увести двух девушек в откровенных нарядах подальше от кулисы, которую вскоре взорвал своим цершером Гришатре.

Матильда тут же сделала тройной бросок, но тот только разбил защитную стену беглецов. Как только это произошло, Меренея сделала свой бросок слабым боевым цершером, но тот был настолько хлётским и точным, что даже с большого расстояния поразил цель — Матильде оторвало руку и обожгло половину лица. Её бережно подхватили на руки бойцы Дарина, но ничем не смогли ей помочь — женщина вскоре скончалась от болевого шока и потери крови.

Кас, Матильда и Катя смогли увеличить расстояние от противников. Но впереди шёл

бой альнелонов и грисов.

— Где Адам? — спросила Меренея у Каса.

— Я не знаю, — ответил мужчина. — Мы разминулись...

— Адам!!! — девушка крикнула так громко, в надежде переглушить звуки выстрелов и взрывов.

И Адам её услышал.

Пригибаясь от острых осколков и пуль, он поспешил в их сторону по главной улице деревни. Сзади его нагоняли огненные шары, разбивающие редуты официальных грисов, но мужчина почти не обращал на это внимания. Он улыбался. Он был очарован не внешним видом, а самой близостью встречи с Меренеей.

Огненные обломки и новые атакующие горящие сферы настигали его, но какая-то удача и будто чьё-то чудесное покровительство спасало Адама от гибели. Он улыбался, он был совсем близко.

Раздалась очередная автоматная очередь. Было совершенно непонятно, с какой стороны прошла эта опасная пунктирная линия. Но пули не убрали улыбки с лица Адама, хоть и прошли через его грудь и череп.

Парень медленно падал на чёрную землю — его гибель навсегда отразилась в синих, как небо планеты Земля, глазах Меренеи. Её сдерживал Кас, чтобы девушка не выскочила навстречу летящим отовсюду магическим и свинцовым снарядам...

* * *

— Чё молчишь, старое говно? — будто «мыча», а не произнося человеческим голосом звуки, спросил Сергей.

Он, когда шёл в сторону своего дивана, не совладал с координацией движения и спотыкнулся о выброшенные Оливией из шкафа вещи. Причиной его падения стал любимый пиджак Марка Семёновича.

— Серёжа, — повернулся в сторону сына всё ещё лежащий на кровати старик. — Я долго думал, что ты сделал то, что когда-то хотел сделать я. В порыве дикой ярости. Я тоже чуть не зарезал человека. Я должен был понять тебя...

— Чё? — не понял его слов Сергей. — Чё ты мне тут горбатого лепишь!

Марк Семёнович нашёл в себе силы, чтобы подняться с кровати. Голова немного закружилась, но в целом он чувствовал себя немного лучше. Только ему захотелось в туалет, но в проходе перед ним сидел его сын, уже выпивший более одной полулитровой бутылки водки. Он был босой, с голым торсом, в одних штанах. Его взгляд был пустым, а помыслы непредсказуемыми. То он совсем недавно рыдал и клялся в любви Виктории, то выказывал такие же слезливые сожаления по поводу смерти матери. То потом его настроение менялось, и он посылал всех их далеко, крепко и надолго.

Сейчас он просто мешал отцу пройти. Но пожилой мужчина всё-таки смог перешагнуть через него, хоть тот будто бы специально даже не отодвинулся.

Пройдя в коридор, Марк Семёнович обернулся и увидел, что за лямкой штанов у Сергея торчал большой кухонный нож. Это сильно напугало мужчину, но он торопился в туалет, поэтому совершил аккуратную попытку вытащить острый предмет бытового назначения по возвращении, тем более нож уже сделал несколько царапин на коже спины пьяного мужчины.

Но Сергей хоть и сидел в одной позе, бессмысленно глядя куда-то в одну точку, он уловил это движение в районе собственной поясицы. Мужчина резко обернулся и схватил

Марка Семёновича за руку.

Сергей хоть и был пьяным, его хватка была сильной. Он крепко и долго держал руку отца, всматриваясь своими глазами в глаза пенсионера. Потом толкнул его. Марк не упал, но отошёл в сторону.

Тогда его сын, придерживаясь за сиденье опрокинутого им же табурета, смог подняться на ноги. Потом снова долго всматривался в глаза своего отца, который даже не знал, что делать в этой ситуации. Он испытывал только желание уйти из этой проклятой квартиры и никогда не возвращаться. Уйти хоть в Резервный мир.

Сергей поправил за спиной нож и удалился в свою часть комнаты, где грохнулся на диван.

В дверь позвонили.

— Батя! — крикнул Сергей, услышав пиликанье дверного звонка. — Не сдавай меня! Слышь, нет? Не сдавай! Я на этот раз ни в чём не виноват! Я в этот раз не сделал ничегошеньки плохого!

Марк Семёнович обернулся в сторону входной двери. Она была совсем рядом.

* * *

Аномалия разрасталась. Это почувствовал и Дарин. Ему стало совсем некомфортно под своим защитным куполом. Пришлось его свернуть, чтобы не оказаться съеденным ядовитым огненным заревом.

В этот же самый момент к нему подоспели его бойцы, которые доложили новость о гибели Матильды. Дарин разозлился и потребовал собрать все силы, чтобы жестоко наказать виновных, после чего поспешил в то место, где основная часть его бойцов уже оккупировала небольшой дом, в котором пытались отбиваться от окружения сильно нервничающий Кас и почти апатичная к происходящему Мереня.

Первоначальный приступ истерики у девушки быстро прошёл и наступил черёд некоторого ступора. На её щеках то высыхали, то вновь появлялись ручейки слёз.

Катя тоже им помогала, ведя стрельбу из автомата. Но боеприпасы этой троицы быстро подходили к концу. А вокруг всё стреляло, взрывалось и полыхало огнём.

В это время трое Безликих выбрались из чрева аномалии и принялись осматривать этот мир, который они доверили столь непримиримым народам.

Существование этого измерения было ограничено лишь двумя расами, почти не разделённых непреодолимыми барьерами и не имеющих слишком явных отличий. Но они умудрились поджечь этот мир даже там, где можно было найти общее решение и жить если не сообща, то хотя бы параллельно, не пересекаясь и не нарушая спокойствия друг друга. Даже смешанная область, где вместе жили и альнелоны, и грисы оказалась криминогенной зоной, где также не было равноправия и справедливости.

Безликие окончательно решили, что грисы и альнелоны неисправимы. Нельзя было терять времени, тем более Оливер и Оливия были совсем близко.

Бойцы Вихря почти взяли в окружение грисов Ящера. Последний плохо верил, что такое столкновение возможно, поэтому совершенно не был готов к подобному развитию событий. Тем более он не мог даже представить, что при этом может случиться применение антителипортационного цершера. Значит, предполагалась битва на уничтожение или на принудительное соглашение. Фатальный вариант всегда рассматривался в последнюю очередь, поэтому пришло время переговоров.

Ящер попросил подчинённых выбросить белый сигнальный цершер — он такие шутки никогда с собой не носил, не в его правилах было сдаваться, но большие потери заставили пойти на этот шаг.

Помощник Вихря первым увидел это знамение и сразу же доложил командиру о том, что тот вскоре увидел и сам:

— Белый сигнал! Они сдаются!

— Не сдаются, — сказал Вихрь. — Просят переговоров. Прекратить огонь!

Его команда была исполнена. Вихрь вышел на передовую, но не стал высовываться из завоёванного его подчинёнными редута.

— Говори! — крикнул Вихрь, давая право оппоненту озвучить своё прошение. — Я даю тебе право на затишье.

— Вихрь, привет! — Ящер не стал прятаться за баррикадами, а выпрямился в полный рост. — Прошу ещё раз обозначить ваши намерения и сравнить их с тем, насколько это противоречит правилам...

Вихрь, так и не высунувшись из укрытия, перебил оппонента:

— Мои требования уже были озвучены моими посланниками! Вы с этими требованиями не согласились. Но наши цели остались прежними: вы должны предоставить нам возможность зафиксировать события, что происходили здесь за последние сутки, как минимум...

— Вы творите беззаконие! — воскликнул Ящер. — О таких вещах не сообщают спонтанно!

— Пришло время пересмотреть правила, — ответил Вихрь. — Если мы будем каждый раз предупреждать о том, что будем проводить проверку на вашу «вшивость», то вы всегда успеете затереть следы...

— А как поживает ваша «вшивость»? — парировал Ящер. — У нас есть сведения, что сотрудник вашего департамента намеревался привести в Резервный мир людей...

— А у нас есть сведения, что это вы в сговоре с Дарином позволили тому привести сюда людей! Давай отбросим пустые разговоры и проверим, о каких секретах молчит прошедшее время и эта локация!

— Не согласен! — воскликнул Ящер. — Без разрешения своего управления я не могу этого допустить. Мне нужно сделать запрос! Снимите антителипортационный барьер!

— Он тянет время, — тихо сказал помощник командира альнелонов.

Вихрь ответил быстро и чётко:

— Думаю, нам не о чем больше общаться. Мои альнелоны будут сражаться до вашей полной капитуляции. К бою!

— Пошли вы! — со злостью крикнул Ящер и бросил свой ЦБ-4 как можно дальше.

доставив серьёзный урон войску Вихря и тем самым возобновив перестрелку.

* * *

— Ты, как там тебя! — крикнул пьяный Дарин. — Кас! Выходи! И шкур этих с собой прихвати!

Он, вместе со своими, не ретировавшимися от происходящих событий, бойцами, почти полностью окружил самый старый дом в деревне, где засели Кас, Меренея и Катя. На подхвате был Гришатре, который уже готовился применить свой ЦБ-4, чтобы не оставить и следа от этого строения.

Где-то совсем рядом бахнуло аналогичное оружие, ненадолго оглушив и обдав всех жарким порывом ветра.

Кас ничего не ответил на выкрики Дарина. Им повезло, что в доме был небольшой склад стрелкового оружия, за которым неплохо ухаживали. В момент, когда закончились все цершеры, это выглядело возможностью продолжить сопротивление. Но силы были не равны, и грис прекрасно понимал, что одной только команды Дарина хватит, чтобы этот бой оказался проигран в считанные секунды.

— Не слышу тебя! — Дарин продолжил разговор со старым домом с выбитыми после короткого боя окнами. — Мы сейчас тебя вышибем отсюда, и от вас не останется даже хрустящей корочки!

— Чёрт, что делать? — сильнее разнервничался Кас, боясь высунуться в разбитое окно, расположенное посередине дома.

Справа, около второго разбитого окна, притаилась Меренея, а у левого аналогичного проёма расположилась Катя. Они перезаряжали автоматы, и всё это выглядело слишком нереально, особенно наряды девушек.

Меренея дала свой ответ на вопрос Каса:

— Будь, что будет.

Это не устроило Каса. Он не хотел верить, что шансов на гибель было больше, чем на спасение.

— Дарин, — Гришатре обратился к хозяину деревни. — Реши, пожалуйста, быстрее. У меня на сердце тоска. Мой сын погиб из-за них. Возможно, и весь беспорядок возник от действий этих уродцев. Давай их уничтожим и свалим отсюда как можно дальше. Непокойно здесь, сам видишь...

— Молчать! — велел Дарин. — Думаешь, я не думаю? А я думаю! Этот дом — дом моих предков. Первый дом в этой деревне. Это фактически музей! Не могу я его разрушить! Это моя память о величии тех, кто создал систему жизни в этих краях. Кто отвернулся от официальных сил и выжил! Я не могу просто так взять и стереть память о них. Люди поклоняются всяким статуям, а мы, здешние жители, кланяемся этому дому. И так его реставрировать придётся. Но эти чёрные брёвна будут стоять тут дольше, чем мы с тобой живём на этой земле. Так что молчи...

— Дарин, — помощник Ящера посмел прервать речь мужчины. — Я от лица официальных грисов и по личному поручению Ящера прошу тебя прийти нам на подмогу. Нас притесняют, мы не выстоим. Без вас.

— Что думаешь? — спросил Дарин у Гришатре, подмигивая ему. — Я им нужен. А вот они мне нужны?

— Твоё право, — неуютно поёжился Гришатре.

* * *

Оливер и Оливия нашли ядовитый водоём, находящийся немного в стороне от деревни Дарина. Их не волновали боевые действия, происходящие в селении. Они уселись на небольшую скамейку на берегу, и стали смотреть в почти недвижимую воду, испить которую было смертельно опасно.

Оливия так и не притронулась к Оливеру, даже когда они оказались в полуметре друг от друга.

— О чём думаешь? — спросила Оливия, заглядывая в почти бесцветные глаза Оливера.

— О своей усталости...

— О, началось! — девчонка была недовольна. — Да брось! Ты столько времени дурака валял. Вдруг мне выпадет жребий дать этому миру второй шанс? Ты сможешь опять убежать, а я примусь за работу, хоть и я тоже устала!

— Безликие не любят этот мир, — сказал Оливер. — Не любят этот мир и его жители. К тем, кого не любят, прихожу я. А не ты. Ты даёшь второй шанс на существование самым достойным душам, исполняешь только самые сильные желания и позволяешь мирам зацвести долгой весной, пробуждая в них новую жизнь. Твои стиратели стирают миры, чтобы они родились вновь, начисто. А мои разрушители не исполняют ничьих желаний. Они дарят только хаос, чтобы миры переварили, изничтожили себя в огне, боли и страдании. Мои разрушители не дают шанса на перерождение вставшим им на пути душам. Они их терзают до полного забвения. После меня миры воссоздаются из праха. Если у них есть на это силы, если у них есть достоинство. А этот мир изначально состоит из чёрно-ядовитого праха. Тут никакая весна не поможет...

Но Оливия не согласилась:

— У каждого должен быть шанс на весну! Даже какашки могут стать удобрением! Удобрением для новой жизни! Я хочу, чтобы этот мир расцвёл чёрно-жёлтой весной, букетом цветов...

— Он увянет чёрно-золотым венком. Не долго живущим в своей специфичной красоте. Моя осень сильнее твоей весны...

— Опять ты об этом! — Оливия хоть и часто была не согласна с напарником, но ей доставляли удовольствие эти разговоры. — Хватит нас разделять! Весна и осень это времена одного года!

* * *

Безликие, неспешным, почти летящим шагом, обошли деревню, не став в открытую попадаться на глаза грисам и альнелонам. Их путь был выверен чутьём, ведущим к Оливеру и Оливии.

Навстречу им попался отряд Вихря, пытающийся найти новый фланг атаки на войско Ящера.

Десять официальных альнелонов не признали тех, кому поклонялись все их поколения, боясь даже упоминать об их существовании.

— Стоять! — велел главный в отряде. — Кто такие?

— Безликие, — ответил один из трёх, сняв капюшон.

В былые времена этого было достаточно, чтобы перед этой троицей освобождались любые дороги. Ведь Безликие не даром так именовались. Та часть, где должна была быть голова, с переменным чередованием могла являть то пустоту, то облики различных масок, то лики зверей и существ, в том числе человекоподобных. Они принимали очертания главных органов всех ведущих форм жизни. Принимали, чтобы понимать, чем в настоящее время

живут носители разума во всех уголках вселенной, не мешают ли их помыслы созданному Безликими равновесию, общему балансу, шаткому благополучию миров.

Чтобы хоть как-то приблизиться к благоприятному восприятию их внешнего вида, Безликие предстали перед ненадолго опешившими альнелонами мужского пола добродушными женскими ликам близких к официальным силам по существу жизненных форм.

Но это поколение уже не верило в Безликих. Это поколение было наглее, упрямее, злее. Они не признали своих покровителей.

Кто-то из альнелонов принял эти перевоплощения за фокусы, за издёвку и провокацию, и рубящим цершером сорвал половину капюшона с головы одного из Безликих. В это мгновение под капюшоном оказалась пустота.

Этот жест послужил причиной молчаливой атаки Безликих на альнелонов.

Безликие были равнодушны к выстрелам и магическому оружию. Они за половину минуты своими голыми руками в страшной битве насмерть переломали всех альнелонов и спокойно продолжили путь к ядовитому водоёму.

Представ перед Оливером и Оливией, они пустили к ним мыслеформу прощения к вниманию. Ещё больше расстроенный Оливер и исполнительная Оливия переключили взоры на Безликих. Те в своей привычной манере разыграли жребий, определяющий судьбу очередного мира. На этот раз на кону был Резервный мир.

Оливия и Оливер приняли более привычные для Безликих облики, чтобы обозначить своё уважение к высшим силам. Эти облики отстраняли их ранимые оболочки и не давали шанса никому из посторонних остаться в живых, если тем не посчастливится их встретить.

Ритуал принятия справедливого решения занимал не так много времени, но требовал особой концентрации от всех участников этого действия. Оливер и Оливия не до конца понимали смысла всех манипуляций, как и не понимали основных критериев справедливости, по которым эти вечные существа судили несчастные, неблагополучные миры.

Когда итог таинства оказался определён, Оливия специально осветила лицо Оливера нежным светом, чтобы он снова не погрузился в мрачные думы. Оливер был внешне спокоен, но никто не знал, что творилось у него внутри. В любом случае, он не мог отказаться или повлиять на результаты недолгого ритуала. Он только лишь мог сколько угодно расстраиваться. Расстраиваться и делать свою работу.

Когда выбор жребия был утверждён, Безликие, чтобы сэкономить своё и так бесконечное время и неисчерпаемые силы, побрели в сторону аномалии, чтобы продолжить путь сквозь миры.

* * *

Дарину были обещаны нереальные блага от официальных грисов и он расстался с третью своего войска, чтобы его бойцы встали на сторону Ящера и помогли переломить ход битвы.

Рядом с хозяином этих мест остался Гришатре с сыном и ещё десяток бойцов. Дарин был уверен, что этого хватит, чтобы справиться с тремя наглецами.

— Кас! — выкрикнул Дарин. — Я обещаю тебя пощадить, если ты отдашь мне своих девчонок. Зачем тебе они? Человека я убью быстро и без мокрого следа. Альнелоншу отдам официальным грисам, чтобы они выбили из неё доказательства о намерении свершения запретных поступков. С тобой всё будет в порядке. Я предлагаю работать на меня за

хороший процент.

Кас посмотрел на Меренею. Та была готова к бою и даже не обратила внимания на его растерянность. А вот Катя встретила его взгляд с опаской — она тоже всё прекрасно слышала и не могла доверять незнакомцу. Впрочем, как и Меренея, но той уже было действительно всё равно.

Дарину надоело ожидание. Он поторопил гриса:

— Кас, не молчи! Твоё молчание меня расстраивает! Даю последний шанс озвучить ответ, который устроит нас обоих. Или они тебя уже в заложники взяли, чёртова ты тряпка?

Дарин наиграно засмеялся. Неестественно похохотали вместе с ним и его подчинённые. ЦБ-4 в руке Гришатре увеличился от намерения старого гриса нанести решающий удар.

Гришатре уже не смеялся над шутками Дарина. Он был сосредоточен на своей мести.

* * *

Руслан Стахов не обращал внимания на грисов и альнелонов, попадавших ему на пути. Те бежали от опасности и не хотели тратить на него времени. Тем более его безумный взгляд был страшнее кошачьих глаз грисов и расплывшихся в одноцветье глаз альнелонов.

И Стахов их тоже не трогал. Его чутьё было на взводе — цель была очень близко. Лес Дарина уже начал расступаться перед ним, чтобы явить ему деревню, в которую никто не пытался лишний раз сунуться, зная о дурной славе его жителей.

Но было заметно, что кто-то наплевал на эту дурную славу и начал свой путь уничтожения мира именно отсюда.

Олегу Рубиновичу и Лере было сложнее. Бегство народа из тех краёв вызывал сильный дискомфорт. Но чутьё Гжельского, как и некоторые другие его способности, в этом мире были приглушены. Однако мужчина и без того понимал, что следовало насторожиться.

Громкие предпосылки к панике и леденящему ужасу прозвучали почти тут же: за спинами беглецов из деревни Дарина и перед спешащими туда за Русланом людьми, возникли трёхметровые огненные человекоподобные силуэты невиданных ранее в этих краях существ. Они не шли по дороге, выбирая логичные направления движения — они двигались медленно, величественно, выбирая хаотичные траектории пути. За ними дымилась и горела земля, перемешиваясь крупными, чёрными пластами вырождающейся жизни.

Позади сжигателей была безжизненность, а впереди целый мир, который они должны были в своей старательности превратить в пепел, который навеки останется глухой пустыней или сможет родить новые зачатки существования спустя тысячелетия. Так или иначе, это были длительные процессы, у которых скоро не должно было остаться свидетелей.

— Что за? — удивился Гжельский, видя медленно разбредающих в разные стороны сжигателей.

Лера тревожно спросила у него:

— У вас есть какие-то мысли по этому поводу?

Гжельский ответил честно, наплевав на свой малоэмоциональный имидж:

— Мыслей нет. Есть чувства. Чувство. Мне страшно...

Лера вновь по-другому посмотрела на своего начальника. Впрочем, вчерашние приключения помогли ей развенчать миф о его идеальности, но сегодня она услышала то, что ей никогда не хотелось услышать.

Она росла в страхе, в собственной неумелости противостоять даже чужому негативу, плохому настроению, будь это хулиган в классе или родной человек. Не умела дать отпор.

Но появление в её жизни Олега Рубиновича и кропотливая работа над собой многое изменили в её жизни, она смогла стать другим человеком. Она больше не была тем забитым, боящимся всего подростком.

Во многом ей помогла гипнотерапия Гжельского и самодисциплина, но был и ещё один момент. Ей всегда становилось спокойно от того, что она на стороне сильной личности, пусть даже и не человека по сути, но всё же. Тот, кто не боится. Но без своих сил это был обычный мужчина, который мог себе позволить бояться, не совершать опрометчивых поступков. Вот ничего не бояться без каких-либо своих особых способностей это более ценный и редкий дар.

Гжельский, достав серебряный цершер из кармана пиджака, сказал:

— Лера, мы ведь должны уйти.

— Должны, — согласилась блондинка. — Но что-то не так?

— Всё не так...

Двое сжигателей,двигающихся в их сторону, немного поменяли траекторию, перейдя дорогу по диагонали и испахав её землю. От них в панике бежал мужчина-альнелон. Один из тех, кто припозднился вовремя уйти с торжества Дарина.

Лера, видя всё это, сказала:

— Если Катю мы уже наверняка потеряли, то Руслан...

— Думаю, он как раз таки напал на след Кати. Ты видела, что он совсем не обращал внимания на тех, кто двигался ему навстречу.

Бегущий мужчина поравнялся с Гжельским и Лерой. Ненадолго замедлив шаг, он с злостью крикнул в их сторону:

— Это всё из-за вас, чёртовы люди!

— Что случилось? — спросил Гжельский.

— Конец света! — убегая, ответил мужчина.

— Что ж, — сказал Гжельский, всё ещё сжимая в руке серебряный шарик, — мы всегда сможем уйти отсюда. Становится жарковато. Но я бы ещё понаблюдал.

Они двинулись дальше, держа во внимании траектории движения сжигателей — величественные шаги этих существ были медленными, и если близко к ним не приближаться, то обстановка была ещё более-менее терпимой. Но идти по выжженной земле было очень неудобно — ноги утопали в горячем месиве, грозя нанести травму.

Совсем рядом падали подожжённые деревья, гулко ударяясь в мягкий грунт с тлеющей травой.

Путникам пришлось выбрать относительно благополучный остров, землю которого ещё не топтали человекоподобные верзилы — сжигатели. Приходилось постоянно оглядываться, чтобы не упустить из вида их бесшумные движения, грозящие гибелью.

— Это тупик, — сказала Лера.

Небо почернело, несмотря на то, что до наступления ночи ещё было достаточно долго. Но не все жители Резервного мира понимали, что это закат их цивилизации.

— Ты права, — огорчённо вздохнул Гжельский.

* * *

Долго ли предложение Дарина могло быть в силе? Кас об этом не думал. Он не тянул время, не ждал спасения и уже почти не сомневался.

Он ещё раз посмотрел на девушек. Меренее также было всё равно. А вот молчание Кати говорило о многом. Девушка хоть и боялась, но по крепко сжимаемому оружию было

понятно, что она не сдаётся. Кас ещё успел удивиться — как такие тонкие руки могут держать эту смертоносную железку столько времени. Его самого уже тяготил вес наполненного кровожадными патронами автомата.

Поэтому он поспешил избавиться от них и вырвать из себя наружу, в своём крике, накопленное сожаление о том, что этот мир не хочет добра:

— Да пошёл ты!!!

Этот крик и этот залп был жестом отчаяния. Мужчина не смог, как Гарака, выбрать то решение, которое было бы удобно в одном моменте, но потом терзало, кромсало, кусало бы тебя хуже постельного клопа каждую ночь твоей жизни.

Он послал всё: Дарина, Гришатре, этот мир, параллельный мир. И себя заодно. На этом всё должно закончиться — ведь когда тебя всё достало, то нужно заканчивать и уходить. Но не это ли слабость? Уйти — это значит не довести дело до конца?

Но Кас не стал заводить свои мысли в эти дали. К его залпу, но не к его крику, присоединились Меренея и Катя. Несколько выстрелов даже смогли ранить одного из бойцов Дарина. Но сам хозяин этих мест, вместе с Гришатре, успели заранее организовать хорошее укрытие.

Залп стих. Вновь пришло время заряжать оружие.

Но осаждающие не воспользовались этой тишиной. Да и Гришатре не кинул свой цершер — его остановил Дарин. Тот успел прихватить с собой арсенал Матильды, ведь не все её цершеры испортились после меткого броска Меренеи. И он выбрал пару ядовитых цершеров, считающихся запрещёнными из-за слишком сильного влияния на нервную систему тех, по отношению к кому они были использованы. Они не убивали сразу, но один вдох продуктов их распада сулил крайне негативные последствия для всех живых организмов.

Дарин отдал один цершер Гришатре, чтобы тот спрятал ЦБ-4 и применил свою меткость на другом магическом шаре.

И они вместе, почти синхронно, совершили броски.

Выстрелы Каса не помогли сбить шары. Но мужчина быстро понял, чем чревато их применение.

— Не дышать! — быстро выкрикнул он, после чего сделал глубокий вдох.

Его требование не сулило удачи при таких обстоятельствах, ведь даже попадание на слизистую могло грозить слепотой или мучительной смертью, в зависимости от полученной дозы яда.

Вскоре едкий дым заполнил единственную, но просторную комнату дома предков Дарина...

* * *

Марк Семёнович недолго размышлял, открывать ли дверь. Желание бежать было сильнее оцепенения перед пьяным сыном. Можно было выиграть немного времени, заперев дверь снаружи. Но у Сергея были где-то свои ключи. Тем более, а вдруг там действительно милиция?

Пожилой мужчина снял свою связку ключей с крючка и быстро, как мог, отворил дверь.

Но перед ним стоял ни сотрудник полиции, а тот самый сосед Петрович, благополучный старикашка.

— Семёныч, приветствую! — бодро сказал Петрович.

Марк не успел быстро выскочить из квартиры. Он не знал, зачем к нему пришёл

Петрович, тем более один, без свиты из жены, дочери, тестя или внучек.

Но нужно было бежать — пенсионер успел перешагнуть через порог, немного оттолкнув соседа, с того чуть не свалились его квадратные очки.

Но захлопнуть дверь Марк Семёнович не успел. От волнения его руки задрожали, он выронил ключи, а потом и чья-то сила выдавила дверь наружу.

Это был Сергей. Он был всё также пьян. И неизменно зол — в его руке был нож, а в глазах слепая ярость.

Он заревел на отца:

— Я чё тебе сказал, а?!

— Тебе нравится это? — спросил Оливер у Оливии.

Безликие ушли, все сжигатели были выпущены наружу, можно было принять и более человекоподобный образ. Образ, с которым было солидарно его мироощущение. Но для этой оболочки атмосфера вокруг была невыносимо жаркой, некомфортной.

Но Оливер решил стерпеть. Стерпеть, чтобы разрушить очередную свою оболочку, выжечь её вместе с исчезающим миром. Но потом, в последний момент, прекратить свои страдания, вернув себе изначальный облик, чтобы вновь спастись. И вновь считать себя тем, кто не достоин жизни, но вынужден проживать её именно так — сжигая всё, но самому не воспламеняясь в любви к ней. Это очень тоскливо, тошно до выворота наружу кишок — жить и не любить жизнь.

Оливия, прежде чем дать ответ на его вопрос, тоже последовала его примеру и вернула себе облик человекоподобной девчонки. С длинными, огненно-рыжими волосами.

— Мне не нравится это, — сказала она. — Я просто должна была остаться с тобой.

Но яркий цвет волос не давал иммунитета к настоящему огню. Подошва сапожек Оливии начала плавиться в горячей и мягкой земле. Ноги облизал жар, заставивший искать место, где не было так жарко. Пришлось забраться на ствол недавно повалившегося дерева.

Оливер всё также стоял на земле, оглядываясь на своих сжигателей, которые медленно разбредались по всему миру. Их шаги многое изменят здесь.

— Пожалей себя! — обратилась к парню Оливия.

Но Оливер высказался о другом:

— Мне всегда кажется, что любой мир не должен погибать вот так. Я даже не вникал в этот раз в причину гнева Безликих. Мне стало всё равно. А ты ещё можешь уйти, пока не испытала много боли.

— Нет! — воскликнула Оливия. — Я буду сгорать с тобой здесь до тех пор, пока ты сам не решишь, что хватит себя мучить! Мучая себя, ты мучаешь меня...

— Я не хочу этого, — сказал Оливер.

— Не верю! А по поводу мира... об этом лучше не думать. У Безликих своё видение о мироустройстве. Тут они не стали церемониться, как, например, с людьми...

Но Оливер её не дослушал:

— Я хочу, чтобы ты ушла или приняла свой естественный облик. Становится опасно.

— Нет! — вновь сказала Оливия. — Я хочу, как ты. Но давай уйдём из эпицентра. Я вижу, что ещё есть места, где не так жарко.

Оливер немного скорректировал путь сжигателей, чтобы им было уютнее прогуляться по округе, запомнить её очертания для создания своей особой чёрно-жёлтой крупницы воспоминаний.

А в некоторых местах пространство уже искажалась, ломалось, перестраивалось на режим разрушения. Исчезал пригодный для любой жизни воздух. Уцелевшие деревья сворачивались узлом, чтобы потом одномоментно стать прахом. И небо потеряло светило в черноте забвения.

* * *

Когда первые сжигатели вошли в деревню, официальные представители грисов и альнелонов не сразу поняли мощи этих созданий. Они их приняли за секретное оружие

противников. Но всем быстро стало понятно, что это третья сила, оставляющая за собой только выжженную землю.

Пришлось на некоторое время объединить усилия, чтобы попытаться остановить это испепеляющее зло. Совсем недавно враждующие стороны начали слаженную волнообразную атаку на сжигателей, применив лучшие тактические и стратегические знания, полученные за долгие годы борьбы друг против друга.

Но эти усилия оказались не замечены сжигателями — они прошли огненным порывом сквозь оборону альнелонов и грисов, испепелив всех, кто не успел сбежать на безопасное расстояние.

Вихрь чуть не сгинул в огненном месиве, похожим на пиролизный взрыв. А разлетевшийся на брёвна один из домов деревни стал причиной гибели помощника командира. Вихрю пришлось отменить действие антителипортационного цершера.

Остатки обеих войск поспешили телепортироваться в пока ещё безопасные места Резервного мира. Или в мир людей.

* * *

— Чё, сука?! — пьяный Сергей махнул ножом перед лицом Марка Семёновича, заставив того вжать голову в плечи.

— Молодой человек! — воскликнул Петрович. — Я сейчас ОМОН вызову! Что вы себе позволяете?! Я Марку весть об отключении горячей воды принёс, у меня внука в интернете видела точные даты, а вы тут дерётесь! Я сейчас ОМОН вызову!

Сергей ничего не понимающим взглядом посмотрел на пятящегося к лестнице пенсионера. Криво ухмыльнулся на его нелепые попытки ругаться. Или он просто пытался понять, о чём тот говорит. Так или иначе, в его сознании вызвало новую вспышку гнева двукратно повторившееся упоминание силовой структуры.

Сергей резко ткнул Петровича ножом в грудь.

Пожилой мужчина свалился на пол, так и не добравшись до лестницы. Жизнь быстро его покинула. Сквозь треснутые стёкла очков на мир смотрело уже пустое, бездушное тело, на белой, аккуратной рубашке которого красным галстуком расплылось пятно крови.

Марк Семёнович быстро вернулся в квартиру и Сергей не успел перехватить дверь до того, как его отец закрыл её на защёлку изнутри.

Но эта защёлка оказалась слабой преградой, и пьяный мужчина смог её выломать, вернувшись в пределы однокомнатного жилища. Марк заперся в ванной, но Сергей сначала подумал, что тот залез под кровать в углу комнаты.

Роняя крупные капли крови с ножа, обезумевший мужчина протопал босыми ногами в жилое пространство и начал лазить под кроватью, попутно пиная табурет и громя мебель. Потом он принялся за шкаф и за собственный диван, делая из предметов интерьера хлам.

— Батя! — звал он. — Не бойся!

Марк Семёнович боялся. Вновь выбраться в подъезд он уже бы не успел. Пожилой мужчина подпёр дверь шваброй, вслушиваясь в грохот разбиваемой мебели и бытовой техники.

Через небольшое окно над потолком в тесную комнату проникал свет. Из крана капнула вода. Где-то зашумел канализационный слив у соседей. Где-то всё также продолжалась жизнь, а где-то в одно мгновение терялся её смысл.

* * *

— Остановить их! — приказал Дарин своим сподручным, чтобы те что-то сделали со

сжигателями, надвигающимся прямо к нему в засаду.

Но никто не смог им ничего противопоставить. Впрочем, те будто не обращали никакого внимания на попытки их уничтожить или вымолить у них пощады. Они превратили в пепел все намерения их остановить, после чего, не замедляя и не ускоряя шаг, пошли дальше, оставляя за собой полосы безжизненности.

Дарин испугался, но не покинул это место, хотя почувствовал, что антителипортационный барьер снят. Он проследовал за Гришатре, который будто бы знал, что нужно делать, неуклюжей спешной походкой направившись в сторону двора дома. Там, ожидающие возможности появления Каса и девушек, бойцы, оценив творящийся вокруг хаос, телепортировались как можно дальше от этих мест.

Дарин, Гришатре и его сын, а также ещё пара верных бойцов, пока оставались в эпицентре разрастающегося апокалипсиса.

Не зря всегда твердили о выносливости грисов — Кас не стал медлить, когда ядовитые клубы ядовитого газа заполнили комнату, а предпринял стремительную попытку, чтобы спасти и себя, и свою совесть.

На одном вдохе он смог вытащить из дома во двор ещё держащую в себе сознание Меренею и почти потерявшую его Катю. Он бросил девушек на пока ещё не иссушенную в пламени землю и тяжело выдохнул. Но последующий после выдоха вдох не принёс облегчения — воздух вокруг уже был пропитан гиблой силой, поэтому полноценного вдоха не получилось. Тем более он всё-таки смог получить существенную дозу отравляющего вещества. Но на человека небольшая доза этой отравы подействовала сильнее — Катя, в отличие от Меренеи, даже не смогла приподняться, уткнувшись лицом в землю, как в самую мягкую и уютную подушку.

Во дворе их встретил Дарин со своим сильно поредевшим войском. У всех в руках были боевые цершеры. Но Кас не растерялся и нашёл в себе силы резко выставить перед собой автомат, направив его дуло на Дарина.

— Не торопись, — сказал Дарин. — У тебя хоть и мало времени, но возможность передумать ещё есть.

— Ты мне надоел, — сказал Кас с трудом вдыхая тёплый, ещё пока пригодный для жизни воздух.

Дарин будто удивился:

— Разве это повод убить меня?

Кас ответил просто. На долгие речи не было сил. Он сказал:

— Ты — зло!

— А ты? — спросил Дарин. — Ты не зло? Ты плюшевыми игрушками торговал между мирами? Ты тоже зло, хоть и в более мелкой, ничтожной форме. И разве это делает разницу между нами?

Кас просто согласился:

— Ты прав! Давай вместе убьём друг друга? Кто быстрее?

— Дурак, — сказал Дарин. — Нас больше и мы убьём тебя быстрее...

Кас улыбнулся:

— Но тебя-то я заберу с собой.

Но их дуэль так и не состоялась.

С крыши придомовой постройки на одного из бойцов Дарина, звонко сломав тому шею, прыгнул совсем одичавший Руслан. После этого обезумевший и истекающий кровью от

многочисленных ран Стахов бросился на Гришатре. Старый грис совсем недавно сменивший в руке ЦБ-4 на менее мощный ЦБ-2 только и успел выронить свой уже активированный к бою шар.

Взрывом он подорвал и себя и своего последнего сына.

А Руслан получил новые ранения, но не обратил на них внимания.

За последние пару часов прежний Стахов, если бы в нём не генерировалась сила коллекционера голов, мог погибнуть несколько раз. Сначала его пытался расстрелять кто-то из убегающих из деревни гостей или местных жителей. Потом он попал под огонь официальных сил. Также он еле увернулся от сжигателей, успев в последний момент не попасть в огненную силу, притягивающую к себе всех, кто оказался слишком близко к ним.

Но истекаю кровью и покрываясь пузырями ожогов он выжил.

Выжил и Кас, сумев застрелить Дарина и его последнего сообщника. Также он целился и в Руслана, но вовремя обессилено опустил оружие.

Худой, босой, истекающий кровью мужчина взял на руки Катю. Та успела его узнать:

— Руслан... спасибо...

— Что происходит? — не понял Кас.

— Всё хорошо, — Катя скривила пересохшие губы в будто пьяной улыбке. — Это Руслан. Рядом дом.

Ей было тяжело говорить, а Руслану было тяжело держать в себе силы. Не став тратить время, он побежал в ту сторону, где мог находиться Гжельский, уже не понимая как по-другому можно выбраться из этого места.

Меренея почти равнодушно пронаблюдал за тем, что случилось, прошла мимо Каса на главную и единственную улицу деревни, одна сторона которой уже утонула в огненных очагах, а другая ещё не утратила своего первоначального вида.

Девушка пошла в сторону сада, где совсем недавно приняла участие в самом бессмысленном турнире в своей жизни.

Её догнал Кас, успев снять с сына Гришатре модный чёрный пиджак. Также он успел удачно порыться в чужих карманах в поисках разных цершеров.

— Эй, — обратился он к девушке. — Куда бы ты хотела уйти отсюда?

Он видел, как сжигатели принялись разрушать другую часть деревни. И они были достаточно близко. Но Меренея у него попросила только об одном:

— Оставь меня здесь.

— Нет, — Кас не мог себе этого позволить. — С этим местом что-то происходит. Нужно уходить. Не заставляй меня насильно тебя забирать отсюда...

— Уходи, — твёрдо сказала Меренея, сев на землю возле аномалии. — Это ни с этим местом что-то происходит. А с этим миром.

— Не может же всё так просто сгореть...

— Если ты во что-то не веришь, то это не значит, что этого не случится.

После недолгой паузы Кас встал немного в стороне и сказал:

— Не спорю. Но я не уйду без тебя.

Меренея ничего не ответила. Она продолжила смотреть на горящий лес, на аномалию, слившуюся в этом огненном танце воедино с разрушительной силой.

Кас, прежде чем снова ненадолго оставить её в покое, почти с силой нацепил на девушку мокрый пиджак сына Гришатре. До этого силой трофейного водяного магического шара он пропитал влагой предмет чужого гардероба, чтобы хоть как-то защитить девушку от

ОГНЯ.

Другой трофейный цершер телепортационного назначения он сжимал в руке, ещё надеясь, что Меренея передумает оставаться здесь одна.

* * *

— Вы ещё верите? — спросила Лера у Гжельского. — Или предчувствие?

Они стояли на островке леса, нарушить благополучие которого пытались с двух сторон сжигатели. Они будто начали торопиться заполнить своей силой этот уголок Резервного мира, ранее по неосмотрительности забыв про него.

Но Олег Рубинович не торопился. Он достаточно долго всматривался вглубь леса, выбирая относительно безопасные участки, откуда теоретически мог придти Руслан.

Гжельский запоздало прервал свои мысли ответом на вопрос подчинённой:

— У меня сейчас нет предчувствия. Есть ожидание. Ожидание того, что я могу уйти раньше, чем нужно.

— Невозможно везде всё успеть.

— Везде невозможно успеть. Но нужно выбрать приоритеты в тех вопросах, в которых ты никогда не должен остаться последним... последним дураком.

— Не забывайте, что я также зависима от ваших действий.

— Прости, — сказал Гжельский, в спешке вытащив целых два серебряных цершера из кармана. — Я так и не научился ценить найденное, зато много думаю о потерянном. Плохое качество. Человеческое.

— Ну, — Лера взяла в руки оба магических шара, — вы можете встать перед зеркалом и загипнотизировать себя на то, чтобы не жалеть о прошлом...

Гжельский внимательно посмотрел на блондинку, после чего вернул свой взор в сторону леса.

— Никогда не слышал от тебя шуток, — сказал мужчина. — Мне даже понравилось. Но не думай, что ты теперь можешь профессионально заниматься юмором...

— Не думаю, — сказала Лера, оглядываясь по сторонам. — Но если мы не уйдём, то никто уже ничем не будет заниматься...

— Смотри! — Гжельский показал пальцем в самую тёмную сторону леса, увидев чей-то силуэт.

Это был худой мужчина, несущий на руках молодую девушку. Его силы были на исходе.

Чтобы добраться до него, Гжельский тоже взял Леру на руки и по участкам горячей земли быстро донёс блондинку до того места, где Руслан, обессиленный, встал на колени. Согнувшись под тяжестью боли и усталости, он так и не отпустил Катю, которая была без сознания.

Руслан хотел сказать одну фразу, которая постоянно крутилась в сознании коллекционера голов. Но он смог пересилить его волю, ненадолго озвучив мысли собственного чувства:

— Скажите... ей... что я...

— Поверь, она знает, — сказал Гжельский.

Лера смогла оперативно переместить всех четверых в мир людей.

Руслан умер сразу же, оказавшись в знакомом измерении. Его ранения оказались слишком серьёзными.

* * *

Кас и Меренея молчали. Одна смотрела на аномалию, другой смотрел в сторону

приближающихся сжигателей. В руке мужчины всё также блестел от пота его ладони телепортационный цершер.

От недостатка воздуха Касу стало плохо. Он присел на корточки в надежде, что оказавшись ниже он сможет восстановить дыхание. Но дыхание не восстанавливалось. В глазах начало мутнеть — сказался ядовитый газ, который всё равно попал в его организм.

Перед ними очутились Оливер и Оливия.

— О, знакомые все лица! — сказала рыжеволосая девчонка. — Кас и Меренея, привет! Мне очень жаль, но ваш мир в ближайшее время погибнет. Так захотели Безликие. Вы им не понравились и всё. Оливер выпустил сжигателей. Вот, кстати, Оливер. Знакомьтесь. А этот Кас меня даже спас, когда я была в этом облике, беспомощная...

— И ты не хочешь его спасти? — спокойно спросил Оливер.

— А как? — задала резонный вопрос Оливия. — Нет таких возможностей. Он всё равно привязан к Резервному миру своей душой и погибнет в любом другом мире через некоторое время. Так что, увы...

— О чём вы? — прошептал Кас.

В его рту пересохло, глаза щипало чем-то едким.

Но Оливия только и сказала:

— Прости, Кас! Так получилось. Зато скоро ты узнаешь какую-нибудь тайну существования...

Оливер отвернулся, сказав:

— Как всё это жестоко.

— Вот и я о том же, — вздохнула Оливия. — Давай уйдём отсюда. Хоть ненадолго. Ты уже сделал большую работу и сможешь вернуться сюда немного позже, чтобы проконтролировать сжигателей. А сейчас тут оставаться действительно... страшно.

— Давай уйдём, — согласился Оливер. — Куда бы ты хотела?

— В мир людей, — недовольно шмыгнула носом Оливия. — Мне там не понравилось и я туда не хочу. Но одному человеку я отдала штуку, и он меня теперь постоянно зовёт. Впрочем, он помог найти тебя.

Оливер принял предложение:

— Что ж, я не против сходить туда ненадолго.

Оливия, перед переходом, поспешила попрощаться:

— Прощай, Кас! Прощай, Меренея! Мне вас очень жаль! Простите... я бы всё равно ничего не смогла изменить! И вы... вы классные!

Она даже заплакала, но сделала так, чтобы этого никто не увидел. Вечные не плачут. Таких не любят.

— Пока, — просто сказал Кас, уже мало что соображая.

Меренея не повернулась в их сторону, даже когда эта странная парочка растворилась в воздухе.

Не обернулась и тогда, когда Кас завалился на бок и выронил из руки телепортационный цершер. Ему стало тяжело дышать. Но магический шар не сработал, так как не был заряжен намерением на переход.

Кас приподнялся, но ничего не предпринял. Сжигатели были близко. Воздух лишь маленькими порциями поступал в лёгкие. У мужчины начались галлюцинации...

А он так верил, что эта чёрно-жёлтая весна станет одной из лучших в его жизни. Верил, что случится что-то хорошее. Давал себе установку на благополучие. Он хотел позволить

себе отпуск. Позволить себе начать заниматься тем, чем он никогда не занимался. И если ему это понравится, то он посветит этому свою жизнь, без остатка. Он обещал себе. А может, потом встретит и свою любовь, свою судьбу.

В виде галлюцинации перед ним тут же явилась красивая девушка в изящном одеянии...

Но он смог «проморгаться», придти в себя, вспомнив про Меренею.

Когда он обернулся в её сторону, то та уже сделала несколько шагов в сторону от него. Она вплотную подошла к аномалии, и, наконец, обернулась к мужчине, чтобы обратиться с небольшой речью:

— Кас, я тебя прошу, уходи! Спаси себя! Я должна за всё ответить сама! Уходи! Прощай!

Спасибо за всё!

Её глаза были мокрыми от слёз.

— Куда уходить? — не понял Кас. — Эти чудики сказали, что нам всем теперь крышка...

Меренея вновь отвернулась от него.

Она сделала ещё несколько шагов и за несколько мгновений сторела в аномалии.

Кас не смог на это смотреть.

* * *

Сергей, поняв, где прячется его отец, начал выламывать дверь в ванную комнату.

Дверь была хлипкой и швабра уже готовилась переломиться пополам, издавая жалобный хруст. Марк Семёнович вжимался спиной к жгущему сквозь одежду полотенцесушителю. В руке он крепко сжимал камень, который ему когда-то вручила Оливия.

А Сергей всё ругался. То грозился убить, то говорил, что ничего не сделает. Его речи были бессмысленны и даже в моменты небольшого просветления всё равно отдавали агрессией и безумием.

Оливия и Оливер появились как раз в момент небольшого затишья, когда Сергей вопрошал неизвестно у кого о вечном.

В ванной комнате резко стало слишком тесно.

— Привет! — сказала Оливия. — Верни мне мою штуку! А это, кстати, Оливер. Я рассказывала про него.

Марк Семёнович вернул ей камень и сказал:

— Рад, что ты смогла его найти. Больше не теряй.

— Спасибо, — сказала Оливия.

— Открывай! — заревел Сергей, услышав голоса. — Ты! Старый...

— Здесь тесно, — сказал Оливер, придвинувшись вплотную к двери, которая уже была готова отвалиться от петель.

Марк Семёнович взмолился:

— Прошу вас, помогите!

— Ты правда хочешь нашей помощи? — уточнила Оливия.

— Да, — сказал пожилой мужчина. — Я так боюсь...

— Ладно, — сказала Оливия. — Оливер, мы поможем?

— Как захочешь, — равнодушно сказал Оливер.

За дверью всё затихло. Сергей прислушался, злобно приговаривая:

— Пищит кто-то. Убью, когда узнаю...

— У меня нормальный голос! — заявила Оливия. — Да, Оливер, сделай всё быстро и

мы уйдём отсюда!

— Как захочешь, — вновь повторил Оливер и растворился в воздухе.

Тут же за дверью раздался короткий вскрик. Потом что-то тяжёлое оттащили от двери. И всё затихло.

— Думаю, — предположила Оливия. — Можно выходить. Только ты подожди минутку, пока Оливер вернёт своё обличье, и мы свалим отсюда. Ну, пока!

Оливия отворила дверь и вышла, оставив старика в одиночестве.

Он просидел в ванной комнате дольше минуты, но когда выбрался, то увидел труп Сергея. Тот лежал на полу кухни со свёрнутой в сторону головой. Его стеклянный взгляд смотрел куда-то под холодильник, будто там лежало что-то интересное.

За окном всюду цвела весна. Пели птицы, дул тёплый ветер, дети играли в футбол. К подъезду подъехала полицейская машина.

* * *

Прошло некоторое время. Доступ в Резервный мир уже был перекрыт.

Те альпелоны и грисы, что остались на планете Земля, постепенно исчезали из её истории — так работал механизм, оберегающий коренных жителей этого мира от знания о существовании резервномирцев. Они исчезали бесследно, будто их судьбы никогда не касались ничего человеческого. Их достижения для блага людей сохранились, а их имена, память о них — нет.

Но Кас ещё держался. Ему было очень плохо, он стал походить на последнего наркомана, от которого все воротили взгляды и шарахались на улице.

Проходя через цветущий парк мира людей, не обращая внимания на погожий денёк, Кас всё-таки выбился из сил. На одной лавочке сидел бомж и мужчина решил, что это та компания, которой он сейчас достоин. Возможно, это могло стать последним моментом его жизни.

Кас тяжело опустился на скамейку рядом с обросшим неаккуратной щетиной мужчиной в грязном костюме. Для бомжа тот был слишком толстым.

И тот сразу же узнал Каса:

— Кас, — обратился к нему человек, — правда ли говорят, что Резервный мир... всё, нет его больше?

— Правда, — сказал Кас, шурясь. Его зрение сильно ухудшилось за последнее время. — И меня скоро не будет. А ты как поживаешь, Аркадий Иванович?

— Плохо, — сказал бывший начальник овощной базы. — Я попал под сильный гипноз. Быстро раздал все свои и чужие деньги, потом опомнился — а меня уже ищет полиция. И я не знаю даже куда податься, думал даже про ваш мир...

— И я не знаю, — вздохнул Кас. — Мало мне осталось. Я даже обследования в больнице проходил. Короче, я весь состою из онкологии. С такими диагнозами, как у меня, не живут. Похоже, так умирают жители Резервного мира от недостатка нахождения в нём. Не справедливо. Интересно, правда ли, что когда мы умираем, то от нас не остаётся даже праха здесь?

— У меня вообще не осталось денег, — пожаловался Иваныч, будто не слушая собеседника. — Я ел последний раз только вчера.

— Слушай, — обратился к нему Кас. — У меня заначка есть. Возьми её. Там хватит, чтобы поесть. И попить. И пожить ещё немного. Только похорони меня. Похорони меня, как человека. Не хочу просто в горстку грязи превратиться. Хочу памятник. Не большой. С

хорошей такой эпитафией. Только ничего в голову не лезет оригинального...

Иваныч отпрянул в сторону, привстав со скамейки. Ему показалось, что Кас начнёт умирать прямо здесь.

— Что так дёрнулся? — Кас обиделся от такой реакции.

— Не знаю, — сказал Иваныч. — Обратись к Гжельскому, вдруг он тебе поможет. Видел его афиши в городе, он, оказывается, даёт изредка какие-то лекции. Или концерты. Чем-то помогает. А про меня забудь. Я тебе не помощник. Я себе-то не помощник...

Кас сказал:

— Так и ты обратись к этому самому Гжельскому...

— Не, — Иваныч сморщил лицо в отвращении. — Как-нибудь без него. А ты береги себя. Плохо выглядишь. Ну, бывай!

Он ушёл, а Кас остался сидеть на лавочке. Он действительно оставил последние силы на этот разговор.